

5.1
32 45

P.O. russ. 92^x / 1

31803

2585u
2585u
2585u

2585u
2585u
2585u

2585u
2585u
2585u

as soon

Šiškina

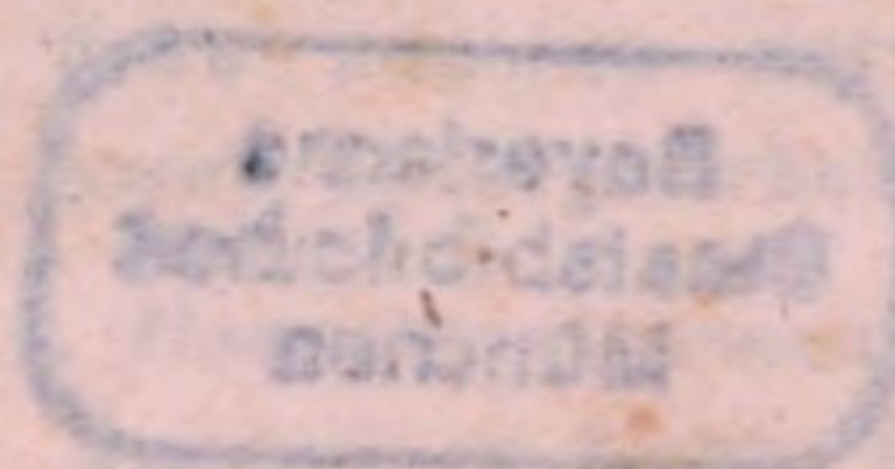
ПРОКОПІЙ ЛЯПУНОВЪ,

МЕЖДУЦАРСТВІЕ ВЪ РОССІИ.

ПРОКОПІЙ ЛЯПУНОВЪ,

ИЛИ

МЕЖДУЦАРСТВІЕ ВЪ РОССІИ.

797/76/4342

ПРОКОПИЙ ЧУДНОВЪ

III

МЕЖДУДѢЛСТВО ВЪ РОССІИ

Bayerische
Staatsbibliothek
München

ПРОКОПІЙ ЛЯПУНОВЪ,

ИЛИ

Междоусобице въ Россіи,

ПРОДОЛЖЕНІЕ

КНЯЗЯ СКОПИНА - ШУЙСКАГО.

СОЧИНЕНІЕ ТОГО ЖЕ АВТОРА.

«Сами видимъ, какое нынѣ разоренье
въ Московскомъ государствѣ безъ Государя
Царя учинилось?..... Не всѣ ли безъ пастыря
безъ милости пострадаша?..... Все испиша
чашу ярости гнѣва Божія.»

*Посланіе Архимандрита Діонисія и Келаря
Аврамія къ Князю Пожарскому и всѣмъ рат-
нымъ людямъ.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ ВОЕННО - УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

1845.

3

ПРОКОПИЙ ИЩУНОВЪ

П. П.

МѢСЯЦЕВЫЕ ОУЧЕНІЯ

ПРОДОЛЖЕНІЕ

КНИЖКА СКОЛНОВА - ШУБЕНОВА

СОДЕРЖАНИЕ ТОГО ЖЕ АВТОРА

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсур-
ный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ,
Января 13 дня, 1845 года.

Ценсоръ А. Никитенко.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

САНКТИТЕЛЕРЪ

ВЪ САНКТИТЕЛЕРѢ

1845

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ.

ГОСУДАРЫНЪ ИМПЕРАТРИЦЪ

АЛЕКСАНДРЪ ТЕОДОРОВНЪ.

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ ВЕЧЕЛНІИ.

ТОСЪДЪРЖИМЪ ИМПЕРАТОРЪ

АЛЕКСАНДРЪ ГЕОРГІЕВИЧЪ.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШАЯ ГОСУДАРЫНЯ !

Воцареніе юнаго Михаила Романова, въ началѣ семнадцатаго вѣка освободивъ Россію отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ, утвердило могущество ея и благоденствіе. Съ ужасомъ читая о бѣдствіяхъ междоцарствія, я давно желала, чтобы онѣ были описаны не въ одной исторіи. Исторію не всѣ читаютъ, но почти всѣ читаютъ романы, и по мнѣнію многихъ знаменитыхъ писателей, романы историческіе могутъ служить средствомъ вѣрно и разительно изображать прошедшее. Чувствуя всю труд-

ность такого предпріятія, я однако рѣ-
шилась за него взяться, льстясь, что
любовь къ родинѣ и правдѣ замѣнитъ
мнѣ дарованіе.

Кромѣ обстоятельствъ семейственныхъ
ничто не вымышлено въ моемъ романѣ.
Истинныя событія доказываютъ въ немъ,
что терзая отечество, властолюбивые
мятежники, при самомъ обширномъ и
хитромъ умѣ, легко бываютъ жертвами
крамоль ими воздвигнутыхъ, и что на-
противъ того, ревностно и безкорыстно
исполняя долгъ свой, даже люди про-

ПРЕДИСЛОВІЕ.

стые и неопытные, съ помощію Провидѣнія, совершаютъ дивныя подвиги, избавляющіе согражданъ ихъ отъ разврата, грабежей и кровопролитій, всегдашнихъ спутниковъ измѣны и безначалія.

Съ малолѣтства, облагодѣтельствованная Августѣйшимъ семействомъ **ВАШИМЪ**, особеннымъ счастіемъ почитаю, милостивое дозволеніе, посвятить **ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ** книгу, содержаніе которой должно питать въ сердцахъ Русскихъ, съ общимъ почитеніемъ къ **Монархамъ**, вѣчную любовь

и признательность къ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ КОТОРАГО великодушіе и твердость, неоднократно спасали Россію отъ вновь ей грозившихъ смуть и напастей.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШАЯ ГОСУДАРЫНЯ!

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

вѣрноподданная
Олимпіада Шишкина.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

«Мы никогда не будемъ умны чужимъ умомъ и славны чужою славою....Осмѣлюсь попенять многимъ изъ нашихъ любителей чтенія, которые зная лучше Парижскихъ жителей всѣ произведенія Французской литературы не хотятъ взглянуть на Русскую книгу.»

Карамзинъ. — О любви къ отечеству и народной гордости.

«Историческія трагедіи должны всегда имѣть преимущество предъ другими....Трагику, позволено измѣнять Исторіи въ подробностяхъ....но характеръ историческій героя долженъ быть для него святынею.»

Князь Вяземскій. — О жизни и сочиненіяхъ В. А. Озерова.

«Le roman historique exige souvent autant d'études que l'histoire.»

Le baron J. de Saint-Génois.

Едва ли о какомъ родѣ сочиненій судили такъ различно, какъ о романахъ историческихъ. Одни превозносили ихъ какъ лучшее созданіе ума человѣческаго, какъ дополненіе исторіи; другіе

утверждали, что они путаютъ истину съ ложью, и лѣстя умамъ вѣтренымъ и лѣнивымъ, уничтожаютъ охоту пріобрѣтать основательныя познанія. Не берусь рѣшить чье мнѣніе справедливѣе; напомнимъ только, что романы историческіе не вновь изобрѣтены. Древнія поэмы, доселѣ плѣняющія слогомъ и воображеніемъ, ничто иное, какъ историческіе романы. Мнѣніе это можетъ показаться страннымъ; могутъ даже подумать, что я себя равняю съ Гомеромъ или Виргиліемъ. Сохрани меня Боже отъ такого сумазбродства, хотя оно можетъ быть и веселить того, кто имъ зараженъ! Дѣло идетъ не о дарованіяхъ писателей, не о степени совершенства ихъ, но объ истинахъ историческихъ смѣшанныхъ съ баснями, и должно согласиться, что ихъ издревле любили читать, даже вытверживали наизусть просвѣщеннѣйшіе народы. Лѣтописи Иродота и Тацита едва ли доставили болѣе удовольствія нежели Иліада и Энеида.

Сама нерѣдко удивляюсь, какъ рѣшилась я писать историческіе романы. Много требовалось на

это трудовъ и терпѣнія, много было мнѣ заботъ и препятствій. Но высокая цѣль оживотворяла меня. Я считала святымъ вдохновеніемъ, призваніемъ Божіимъ, желаніе пробудить въ благородныхъ сердцахъ любовь къ родному, часто заглушаемую иноземными наставниками, и не совсѣмъ справедливою но великолѣпною картиною не-Русскаго образованія. — Исторіи должно учиться. Она полезна, необходима. Всѣ это знаютъ и никто объ этомъ не спорить. — Но и пріятное развлеченіе часто необходимо для ума и для сердца. Исторію не всѣ читаютъ, не всѣ могутъ понимать и цѣнить важность происшествій государственныхъ, но читая Ивангое, Юрія Милославскаго, и имъ подобные историческіе романы, всѣмъ пріятно, мысленно переносясь въ отдаленные вѣка, какъ будто лично бесѣдовать съ людьми знаменитыми, среди семействъ ихъ, въ ихъ домашнемъ быту.

Я заимствовала изъ древнихъ лѣтописей и грамотъ нѣкоторыя старинныя слова: «душевредство, враждотворецъ, конникъ» и другія, пока-

завшіяся мнѣ весьма ясными и сильными, и это помогло мнѣ избѣгнуть употребленія словъ иностранныхъ, которыя по моему только портятъ богатый и звучный языкъ нашъ, прекрасно изображаемый поэтомъ.

О слово Русское, о мощная дружина

Души, исполненной небеснаго огня!

Ты молнія мечты; огней въ тебѣ пучина,

Какъ въ столкновеніи желѣза и кремня.

Какъ крѣпость Русская, и ты неистощимо;

Какъ славный Русскій мечъ, ты лаврами хранимо.

Милькпеевъ.

Ревностно заботясь во всемъ соблюдать истину, я внимательно осматривала старинныя зданія, вещи, книги, и вообще все мною описанное въ Новгородѣ, Москвѣ, Рязани и прочихъ мѣстахъ. Напримѣръ, крѣпость Копорье, какъ извѣстно, около ста лѣтъ находившись во владѣніи Шведовъ, въ 1703 году навсегда возвращена Россіи и потомъ скоро уничтожена, а городъ обращенъ въ село. Послѣднее нынѣ принадлежитъ Д. С. С. Юрьевой, по завѣщанію перваго мужа ея тайнаго совѣтника Зиновьева.

Я провела у нее нѣсколько пріятныхъ дней, и мнѣ удалось въ древней, разрушающейся крѣпости, отыскать давно забытыя комнаты, и лѣстницы хорошо сохранившіяся, на чемъ я и основала небольшой рассказъ о случившемся въ Копорѣ. Назвавъ повѣсть мою, «Прокопій Ляпуновъ, или междоусобица въ Россіи,» я сочла себя обязанною, описывать, не однѣ только происшествія въ Москвѣ и въ Рязани, гдѣ лично дѣйствовалъ Ляпуновъ, но вообще тогдашнее состояніе нашего отечества со всѣхъ сторонъ терзаемаго внѣшними и внутренними врагами.

Не говоря о Кобѣржицкомъ и другихъ иностранныхъ писателяхъ, превозносившихъ умъ и доблести Прокопія Ляпунова, нельзя сомнѣваться, что Патріархъ Филаретъ и келарь Аврамій Палицынъ также почитали его достойнымъ хвалы и уваженія. Оставленные ими лѣтописи, со многими другими, не сходили съ письменнаго стола моего, и я безпрестанно съ ними совѣтовалась, для вѣрнѣшаго изображенія, обычаевъ, чувствъ и поступковъ

дѣйствующихъ лицъ моихъ и всѣхъ обстоятельствъ того времени. Но я вовсе нерасполагалась за все и во всемъ славить Рязанскаго воеводу, именемъ его назвавъ новый романъ мой. Шекспиръ, написавъ Рихарда III и Макбета, а Расинъ, Гофолію и Федру, не считали себя обязанными представить ихъ достойными подражанія. Прокопія Ляпунова нельзя сравнивать, ни съ Рихардомъ, ни съ Макбетомъ. Конечно, нельзя слишкомъ вѣрить его безкорыстію, и я сама такъ худо вѣрю ему, что въ первомъ моемъ романѣ, «Князь Скопинъ Шуйскій,» которому Прокопій Ляпуновъ служитъ непосредственнымъ продолженіемъ, рѣшилась изобразить Прокопія худымъ мужемъ, и даже невсегда трезвымъ. Мнѣ показалось это очень вѣроятно со стороны человѣка съ встревоженною совѣстью, обуреваемого страстями. Дерзкіе мятежники едва ли бываютъ скромными гражданами, нѣжно пекущимися о семью своей. Пылкій, краснорѣчивый, всеувлекающій Мирабо, какъ извѣстно, вопія о злоупотребленіяхъ, самъ всѣмъ

жертвовалъ прихотямъ своимъ. Но, каковы бы ни были побужденія Прокопія Ляпунова, онъ заслужилъ признательность потомства, первый поселивъ въ оцѣпенѣвшихъ сердцахъ Русскихъ желаніе и надежду избавиться тяжкаго и позорнаго ига. Несправедливо было бы винить его въ медленности его дѣйствій, помня какіе были у него товарищи, Заруцкій, наглый бездѣльникъ, и князь Трубецкій, ревностный поклонникъ Тушинскаго вора, не устыдившійся потомъ присягнуть другому подобному злодѣю, діакону Сидору. Вражда ихъ во многомъ оправдываетъ Рязанскаго воеводу, и самая гордость, въ которой его укоряетъ Никоновская лѣтопись, свидѣтельствуется благородство души неспособной угождать людямъ презрѣннымъ. А, какъ назвать иначе большую часть сподвижниковъ Ляпунова, Просовецкаго, наравнѣ съ Лисовскимъ грабившаго Россію, и вообще Казацкое войско, нынѣ, столь вѣрное и доблестное, а тогда своевольное, хищное, въ послѣдствіи непрестанно затруднявшее и дѣйствія князя Пожар-

скаго, котораго также хотѣлъ убить Заруцкій. Его спасъ промысль Божій для спасенія Россіи, умилосердясъ надъ ея страданіями, искупившими ея проступки. Трудно рѣшить, что удивительнѣе, легкомысліе ли и ожесточеніе Русскихъ содѣйствовавшихъ успѣхамъ непріятелей, или, что послѣ такого всемѣстнаго растлѣнія чувствъ, понятій и нравовъ, разграбленная, по-срамленная, облитая слезамъ и кровью Россія, одна, собственною волею и силами, освободилась отъ бѣдствій и пороковъ ее удручавшихъ.

Кобѣржицкій и Маскѣвичъ убійство Ляпунова приписываютъ Госѣвскому, напротивъ того Патріархъ Филаретъ винитъ въ этомъ Заруцкаго. Вѣроятно они оба въ этомъ участвовали. Вообще и рассказы современниковъ рѣдко согласны между собою. Напримѣръ, въ запискахъ гетмана Жолкѣвскаго, сказано, что убивъ самозванца, Царевичъ Арасланъ воротился въ Калугу, а Беръ утверждаетъ, что онъ прямо уѣхалъ въ свою землю. Еще, по запискамъ Жолкѣвскаго, Прокопій Ляпу-

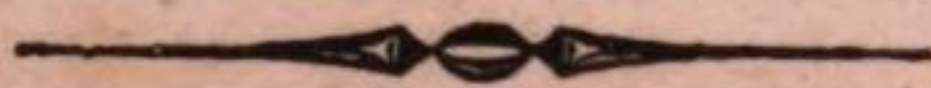
новъ присылалъ совершеннолѣтняго сына своего Владиміра, увѣрить гетмана въ своей преданности, а въ Русскихъ лѣтописяхъ упоминается единственно о племянникѣ воеводы, Ѳеодорѣ Ляпуновѣ, исполнявшемъ всѣ его порученія, почему я и сочла себя въ правѣ представить малолѣтнимъ Владиміра Ляпунова.—Писавъ не исторію, а романъ, я должна была о дѣйствіи драматическомъ заботиться едвали не болѣе, нежели о строгой истинѣ.—И кто можетъ рѣшить, что достоверно и въ самой исторіи? Сколько и въ ней противорѣчій! Не пускаясь въ дальніе розыски, скажу только, что Маскѣвичъ увѣрительно говоритъ, что Сапѣга умеръ въ Москвѣ, Іюля 8, въ 1611 году, а Кобѣржицкій, писавшій позже, но когда еще много было очевидцевъ Польскихъ походовъ въ Россію, назначаетъ смерть алчнаго и свирѣпаго Усвятскаго старосты, 1612 года, Сентября 24. Нынѣ, нерѣдко писатели судятъ по своему о давно протекшихъ временахъ, и поражая умы новымъ, небывалымъ объясненіемъ чувствъ и дѣйствій,

имъ пріятныхъ или непріятныхъ лицъ, всюду и во всемъ распространяють сомнѣнія, какъ нѣкогда въ Греціи, ученики Пиррона, по его примѣру во всемъ сомнѣваясь, наконецъ сами не могли различать, что добро и что зло. Нельзя конечно вѣрить всякому лѣтописцу, это было бы почти то же, что полагаться на слова каждаго прохожаго. И о знаменитомъ Ермогенѣ, кто-то, вѣроятно заслуживъ его немилость, написалъ, что «онъ былъ нравомъ грубъ и склоненъ къ лести», приписывая ему даже бѣдствія и низложеніе Царя Василія Іоанновича. Особенно, во Франціи, хвалящейся своимъ просвѣщеніемъ, сколько печатають нелѣпостей о самыхъ достойныхъ особахъ. Но презирая рассказы людей увлекаемыхъ завистью или жадностью къ деньгамъ, необходимо должно вѣрить современникамъ заслужившимъ общее уваженіе, чтобы избѣгнуть всеминутныхъ сомнѣній и подозрѣній, столь же вредныхъ какъ и слѣпое легковѣріе. Какъ бы ни былъ, кто уменъ и ученъ, не можетъ угадать

и того, что говорятъ за стѣною; возможно ли, за нѣсколько вѣковъ угадывать чувства, поступки и побужденія людей, которыхъ воспитаніе, мнѣнія и образъ жизни вовсе не согласовались съ нашими?

Карамзинъ горячо хвалитъ Прокопія Ляпунова не скрывая его проступковъ. Но, всѣ, кому извѣстны проступки его, должны знать и о важныхъ услугахъ оказанныхъ имъ отечеству. Предвидя пагубныя слѣдствія смерти его, извѣстный недругъ его Ржевскій, стараясь его спасти, пожертвовалъ за него жизнью. Поступокъ Ржевскаго — лучшее, несомнѣнное доказательство, если не добродѣтелей Рязанскаго воеводы и искренняго его раскаянія, по-крайней-мѣрѣ высокаго ума его и отличныхъ дарованій. Дѣйствительно едва погибъ онъ, въ Русскомъ станѣ исчезли согласіе и мужество; Поляки снова овладѣли всѣмъ, что было у нихъ отнято; всюду распространились грабежи и разбои. — Какъ христіанка, глубоко убѣжденная въ премудрости и правосудіи Божіемъ, я почитаю убійство Прокопія Ляпунова доказатель-

ствомъ, что онъ дѣйствительно, какъ пишетъ Беръ, стремился царствовать, чего въ такія смутныя времена легко достигъ могъ. Но Богъ его отвергъ за прежнюю измѣну, за необузданное властолюбіе, чтобы дерзкій мятежникъ не заградилъ пути, кроткому, непорочному отроку, предназначенному владѣть престоломъ для славы, могущества и счастія Россіи въ настоящее и будущее время!

ГЛАВА I.

Исторіи древнихъ читать не отрицайся, въ нихъ же обрящещи безъ труда, яже иніи со трудомъ собраша, и оттуду почерпнеши и благихъ добродѣтелей исправленія, и злыхъ погрѣшеній и живота человѣческаго различная премѣненія, и вещей въ немъ превращенія, и міра сего непостоянство.

ИМПЕРАТОРЪ ВАСИЛІЙ МАКЕДОНЫНИНЪ.

L'étude du passé est la plus sûre explication du présent et la meilleure conseillère pour l'avenir.

A. HENNEQUIN.

Въ обширномъ домѣ князя Дмитрія Ивановича Шуйскаго, обнесенномъ высокими, но во многихъ мѣстахъ до половины разломанными, деревянными стѣнами, все возвѣщало отсутствіе хозяевъ. Неправильно расположенныя окна были кругомъ закрыты ставнями, крыльца были немечены, на дворѣ шумѣли слуги. Одни, собравшись въ кружокъ, съ ужасомъ толковали о пропажѣ

золотаго кубка, подареннаго княгинѣ Екатеринѣ Григорьевнѣ, Царицею Маріей Петровной; другіе бѣгали по избамъ и сараямъ, заботясь отыскать его; многіе суетились стараясь только этимъ отъ себя самихъ отклонить подозрѣніе и подслужиться дворецкому, Климу Юдичу Козявкину, высокому и полному рыжему мужчинѣ лѣтъ пятидесяти. Долго служивъ въ земскомъ дворѣ, гдѣ разыскивали и судили уголовныя преступленія, Козявкинъ прославился тамъ своею дѣятельностью и неизмѣнною веселостью, съ которою разбиралъ онъ ужаснѣйшія злодѣянія. Года за два до кончины Царя Бориса Оеодоровича, ему поручено было изслѣдовать доносъ двухъ мѣщанъ, будто бы сосѣдка ихъ, торговавшая старымъ платьемъ, составляетъ отравы, отъ которыхъ одни умираютъ, а у другихъ сводитъ члены. Онъ по своему обыкновенію прежде всего старался развѣдать о состояніи и связяхъ обвиняемой, и скоро узналъ, что у нее два дома, доставляющіе ей хорошій доходъ, несоотвѣтственный однако ея роскошной жизни, которая и заставила подозрѣвать, что она имѣетъ какой-нибудь неизвѣстный, незаконный промыселъ. Ему сказали еще, что торговка часто гоститъ у родной сестры своей, бывшей кормилицею княгини Екатерины Григорьевны Шуйской, и хвастаетъ, что она пользуется совершенною до-

вѣренностью Царской невѣстки. Дѣйствительно пронырливая старуха была въ милости у княгини, обыкновенно къ ней являясь съ кучею вѣстей, которыя она искусно умѣла собирать и потомъ рассказывать съ разными прибавленіями и прибаутками собственной ея выдумки, что очень забавляло княгиню, большую охотницу до сплетней. Сообразивъ все это, Козявкинъ распорядился такъ ловко, что доносители перессорились между собою, укоряя другъ друга, что оклеветали честную женщину. Оправданіе торговли обратило на Козявкина вниманіе княгини Екатерины Григорьевны, и она уговорила мужа своего поручить ему огромное ихъ имѣніе, разстроившееся отъ безразсудныхъ распоряженій и мотовства. Умѣя угождать вельможамъ, заботящимся только о собственныхъ выгодахъ и удовольствіяхъ, Козявкинъ не замедлилъ доставить своимъ покровителямъ средства удовлетворять всѣ ихъ прихоти, не доводя до нихъ никакихъ домашнихъ хлопотъ, и они, совершенно ему ввѣрившись, допустили его безотчетно располагать судьбою подвластныхъ имъ людей.

Княгиня Екатерина Григорьевна была очень умна и проницательна, но развращеніе сердца ея уничтожало природныя ея дарованія. Ослѣпленная честолюбіемъ и завистью, она считала гром-

кую славу юнаго князя Скопина—Шуйскаго, основанною единственно на пристрастіи черни, и не имѣя о достоинствахъ мужа своего слишкомъ высокаго мнѣнія, не сомнѣвалась однако, что безъ князя Михайла Васильевича, князь Дмитрій Ивановичъ легко бы пріобрѣлъ общую любовь и уваженіе. Узнавъ, что Государь, признательный къ заслугамъ знаменитаго своего племянника, намѣренъ назначить его своимъ преемникомъ, княгиня Шуйская исполнилась отчаяньемъ и бѣшенствомъ. Князь Дмитрій Ивановичъ невольно содрогнулся, когда жена его съ яростнымъ смѣхомъ сказала, что она напрасно встревожилась сообщенною имъ новостью, какъ будто бы князь Скопинъ долженъ непременно пережить Царя Василья Ивановича: что и онъ можетъ, какъ многіе другіе, умереть внезапно, въ юныхъ лѣтахъ. Но скоро забывъ объ этомъ, князь обрадовался намѣренію княгини, позвать князя Михайла у нихъ отобѣдать передъ отъѣздомъ его въ Смоленскъ, считая нужнымъ стараться заслужить благосклонность будущаго Царя. Княгиня презрительно усмѣхнулась, и не смѣя положиться на твердость и дальновидность мужа своего, рѣшилась, одна, безъ его содѣйствія, избавить его отъ совмѣстника, котораго подвиги и самая жизнь казались ей преградою собственному ея величію. Тщательно обдумавъ

злѣйское намѣреніе свое, княгиня послала за сестрою своею кормилицы, и безъ малѣйшаго замѣшательства попросила у нее яду, сказавъ, что любимая собака князя Дмитрія Ивановича, сдѣлавшись чрезвычайно зла, безпрестанно ее пугаетъ, а князь только шутить надъ этимъ, что и принуждаетъ ее тайно избавиться отъ опаснаго животнаго. Весьма довольная, что полагаясь на ея искусство, княгиня не напомнила ей о бывшемъ на нее доносѣ, торговка поклялась никому не сказывать о сдѣланномъ ей порученіи и тотчасъ его исполнила. Мучительная смерть притворно ею ненавидимой собаки, не возбудила жалости въ сердцѣ Екатерины Григорьевны. Напротивъ того, она съ восторгомъ вообразила, что и князь Скопинъ-Шуйской погибнетъ такъ же скоро, и твердою рукою высыпала остатокъ порошка въ драгоценнѣйшій свой кубокъ, налитый вишневымъ медомъ. Она сама поднесла его князю Михаилу. Выпивъ его до дна съ веселымъ видомъ, князь утерся вышитымъ золотомъ полотенцемъ и поцѣловался съ теткою. На лицѣ ея, по обыкновенію густо набѣленномъ, нельзя было примѣтить никакой перемѣны, но губы ея затряслись, и она, не смѣя взглянуть на свою жертву, поспѣшно удалилась. Это никого не удивило. Князь Дмитрій прежде сказалъ гостямъ, что жена его всю ночь

промучилась зубами, и встанетъ только на нѣсколько минутъ, чтобы проститься съ племянникомъ и пожелать ему счастливаго пути.

Зная, что онъ давно безъ отдыха трудится, друзья князя Михаила, бывшіе съ нимъ у князя Дмитрія, не встревожились когда ему вдругъ сдѣлалось дурно, не сомнѣваясь, что свѣжій воздухъ и покой тотчасъ возвратятъ ему здоровье. Между тѣмъ какъ они объ этомъ толковали, хозяинъ дома, которому одному были извѣстны намѣренія Царя, съ лицемѣрнымъ усердіемъ суетился около молодаго князя, убѣждая его отдохнуть на его постелѣ.

— Что съ тобою случилось, князь Дмитрій Ивановичъ? на ухо шепнулъ Царскому брату, одинъ изъ обѣдавшихъ у него бояръ; никакъ и ты вѣришь, что вся Русь вверхъ дномъ опрокинется, если у твоего племянника сутки проболитъ голова. Не бойся, не долго прохвораетъ красный молодецъ: ему соскучилось съ нашей братьей стариками; смотри, лишь выѣдетъ на улицу и закричатъ прохожіе: вотъ нашъ отецъ и благодѣтель, какъ съ гуся вода соскочитъ болѣзнь.

— Дай Богъ, дай Богъ! разсѣянно сказалъ князь Дмитрій.

— А, видно пословица не напрасно говоритъ: свой своему по неволѣ другъ, — сказалъ боя-

ринъ усмѣхнувшись. Кажись, Дмитрій Ивановичъ, довольно потерпѣлъ ты отъ ратниковъ и отъ черни обидъ и поклеповъ за князя Михайла Васильевича, а изволишь за нимъ ухаживать, словно не онъ, а ты младшій въ родѣ.

Князь Шуйскій сурово взглянулъ на своего гостя, съ которымъ онъ за недѣлю до того говорилъ о князѣ Михайлѣ, какъ о юношѣ вовсе недостойномъ оказываемыхъ ему почестей, и воображая, что скоро всѣ будутъ такимъ образомъ дразнить его, едва могъ скрыть свою досаду.

Садясь на лошадь князь Михайлъ нечаянно взглянулъ на окно, въ которое изъ-за бѣлой штофной занавѣски выглядывала княгиня Екатерина Григорьевна, глаза ихъ встрѣтились, и какъ будто неодолимое очарованіе остановило ихъ на минуту: эта минута открыла ужасную тайну. Въ чудномъ, пронзительномъ взорѣ своей родственницы, князь прочелъ смертный приговоръ свой, и непорочный передъ Богомъ, святой передъ людьми, устранился близкой кончины, только по предчувствію, что она на долго продлитъ страданія отечества. Налившееся кровью лице его, возвѣстило дочери Малюты Скуратова скорой успѣхъ ея злодѣянія; но въ сердцѣ ея кипѣли неистовыя страсти, и она заботилась только о томъ, чтобы никто не угадалъ ея тайну.

Когда всѣ гости разѣхались, князь Дмитрій хотѣлъ потолковать съ женою о внезапной болѣзни князя Михаила, и о всемъ, что было говорено за обѣдомъ; но она заперлась въ своей комнатѣ, сказавъ, что ляжетъ спать. Неоднажды приходивъ узнать, встала ли она, князь наконецъ рѣшился къ ней постучаться. Отворивъ дверь, княгиня, увидя мужа блѣднаго и смущеннаго, съ ужасомъ отступила назадъ.

— Знаешь ли, Катерина Григорьевна, вскричалъ князь, племянникъ умираетъ!

— Кто тебѣ совралъ это? спросила княгиня, озлобясь на мужа, невольно возбудившаго въ ней робость.

— Я посылаю его провѣдать: что-то жалко стало, что онъ вдругъ занемогъ, и у насъ за обѣдомъ.

— Да мы-то чѣмъ тутъ виноваты, и на рукахъ у матерей мрутъ любимыя дѣти! Никакъ, съ презрѣньемъ прибавила княгиня, испугался ты, что тебѣ не удастся на старости лѣтъ величать племянника Царемъ и Государемъ! Чай у Михайла Васильича заболѣло подъ ложкой отъ того, что небрежно покушалъ сластей, а ты кричишь на весь міръ, что онъ умираетъ. На что это похоже? Вѣдь онъ отселѣ не услышитъ твоего плачу, а хотя бы и услышалъ, мало тебѣ было бы отъ этого проку. Онъ съ маленька былъ упрямъ и дерзокъ, а те-

перь, какъ подружился съ Нѣмцами, хоть ты за него лбомъ треснись объ стѣну, онъ своихъ друзей и товарищей на тебя не промѣняетъ.

Стараясь въ собственныхъ глазахъ оправдать свое преступленіе, Екатерина Григорьевна продолжала исчислять мнимыя обиды князя Михаила, безстыдно утверждая, что у него самое коварное сердце, и что онъ неминуемо погубитъ ихъ, какъ скоро будетъ имѣть на это средства. Искра состраданія исчезла въ сердцѣ князя Дмитрія, и онъ махнувъ рукою, сталъ перебирать лежавшій на столѣ огромный рукописный псалтирь. На поляхъ его, почти на каждомъ листѣ, водяными красками нарисованы были картинки соотвѣтствующія содержанію: на примѣръ, при словахъ «Оavorъ и Эрмонъ о имени твоємъ возрадуются,» изображено было Преображеніе Христово, а противъ словъ «пожену враги мои и постигну я,» Царь Давидъ, попирающій ногами двухъ воиновъ. Изображенія человѣческія были довольно правильны, но звѣри, деревья, особенно же вода, по большей части были нарисованы такъ дурно, что трудно было бы угадать мысль художника, если бы не объясняли ее слова; вода была или свѣтлоричневая, или сѣрая, и красныя по ней полосы изображали волны. Князь Дмитрій еще недавно купилъ псалтирь этотъ, и чрезвычайно тщесла-

вился своимъ пріобрѣтеніемъ, безъ разбору удивляясь въ немъ всему.

— А что, Катерина Григорьевна, сказалъ онъ, вѣдь мой псалтирь, даромъ что писанъ однимъ мастеромъ, а много лучше того, что былъ у покойнаго конюшаго Дмитрія Ивановича Годунова. И какова у меня покрывка! Ужъ не кожѣ чета, какъ бы ни была она раззолочена! Да что же ты молчишь, мать моя, не хочешь и похвалить мою покупку.

— Ужъ ты мнѣ со своей покупкой уши прожужжалъ, вспылчиво отвѣчала княгиня, цѣлый мѣсяцъ хвалила ее, хвалила, все еще тебѣ мало.

— Вѣстимо немного; такую святую книгу и такъ славно размалеванную, глядѣть надо не наглядѣться, хвалить не нахвалиться. Ну, да не о томъ теперь дѣло, вишь я вспомнилъ, какъ конюшій, дай Богъ ему царствіе небесное, померъ, наслѣдники его отослали его псалтирь въ обитель къ Преподобному Кирилѣ Бѣлозерскому *), мнѣ хочется, когда Богъ пошлетъ по мою душу, чтобы и мой псалтирь достался въ такія же святые руки, и я тебѣ завѣщаю, Катерина Григорьевна, отдать его въ ту обитель, гдѣ положить грѣшное мое тѣло. Слышишь ли, матушка, отдай его туда непременно, не то....

— Ну что, перервала княгиня, которой неснос-

*) Онъ доселѣ хранится тамъ хорошо сбереженный.

на была въ такое время бесѣда ея съ мужемъ, не хочешь ли съ того свѣта притти со мною браниться: спасибо, оттуда нѣтъ сюда дороги, еще никто не проложилъ ее.

И глаза ея дико сверкнули при мысли, что когда ядъ ею поднесенный окончитъ жизнь князя Михаила, никакая сила человѣческая, ни воля Царская, ни горы сокровищъ, не возвратятъ его въ здѣшній міръ.

— Правда твоя, Катерина Григорьевна, сказалъ князь, послѣ меня хоть сожги псалтирь мой, какъ ни дорого заплатилъ я за него, какъ на него ни дивились всѣ, у кого есть только смыслъ человѣческій, какъ самъ я имъ не тѣшился, я не встану изъ могилы спросить у тебя куда ты его дѣвала. Но вѣдь не вѣкъ же и ты будешь жить на семъ свѣтѣ, не прогнѣвай Господа Бога.

Княгиня вскочила съ мѣста какъ медвѣдица, и подбѣжавъ къ мужу обѣими руками подперла бока; это было доказательствомъ величайшаго ея гнѣва. Не понимая за что она такъ разсердилась, князь ожидалъ жестокой брани, но княгиня, пристально посмóтрѣвъ ему въ глаза, поняла, что онъ безъ намѣренія кольнулъ ее намекомъ на ея преступленіе, и возвратилась на прежнее мѣсто, выразивъ досаду свою только тѣмъ, что плюнула на полъ, обитый какъ въ Царской спальнѣ алымъ сукномъ.

Князь продолжалъ разсматривать псалтирь, по временамъ въ слухъ выражая свое удовольствіе, Наконецъ онъ закрылъ книгу, полюбовавшись ея аксамитовымъ переплетомъ съ толстыми серебряными застежками, и видя, что жена его вовсе нерасположена разговаривать, мысленно вспоминалъ о бывшемъ обѣдѣ. Ему пришло въ голову, что онъ напрасно не навѣстилъ племянника, но уже наступилъ вечеръ, и онъ побоялся излишнимъ усердіемъ взбѣсить княгиню и себя самого унижить. Невольное его волненіе не помѣшало ему сыто отужинать, но княгиня не садилась за столъ, и съ судорожнымъ нетерпѣніемъ ожидая страшнаго извѣстія, расположилась всю ночь просидѣть въ креслахъ, жалуясь, что у нее пуще прежняго разболѣлись зубы. Около полуночи кормилица ея, выходявшая за свѣчами, воротилась внѣ себя, услышавъ, что князь Михаилъ пріобщался Святыхъ Таинъ и что нѣтъ надежды къ его выздоровленію. У доброй женщины, не воображавшей какое участіе сестра ея, тщательно отъ нее таившая злыя дѣла свои, имѣла въ этомъ происшествіи, текли слезы.

— Ужъ не я ли окаянная, сказала она, изурочила его милость? Давича, какъ онъ, мой батюшка, изволилъ подѣхать ко крыльцу, я подивилась лѣпотѣ его и милостивому взгляду. Такъ-то бы-

вало любо было посмотрѣть на благовѣрнаго Государя Федора Борисовича....

— Полно, полно, Парфеновна, перервала княгиня, не разбуди князя Дмитрія Ивановича; онъ и такъ протосковалъ весь вечеръ, не вспоминай о покойномъ племянникѣ: неужели ты забыла, какъ намъ тяжело было когда его хоронили?

— Не забыла, родимая; какъ теперь гляжу на Матвѣя Михайловича Годунова, когда онъ изволилъ доложить тебѣ о напрасной кончинѣ Государя Федора Борисовича, ты схватила себя за головушку и почала выть, такъ, что у меня сердце.....

— Никакъ тебѣ хочется, опять сурово перервала княгиня, чтобы я и теперь рвала на себѣ волосы. Еще не бѣда какая, и нерѣдкое диво, что вдругъ заболѣлъ Михайло Васильевичъ; съ кѣмъ этого не бываетъ. Кабы онъ померъ, вѣрно бы, тотчасъ прислали сказать намъ.

Унимая кормилицу, княгиня сама вовсе не остерегалась громко говорить, и князь открылъ глаза, встревоженный непривычнымъ около него шумомъ.

— Чтò приключилось, вскричалъ онъ? Да никакъ это ты, Матрена, прибавилъ онъ, осмотрѣвшись кругомъ, не дала мнѣ уснуть. Какая нелегкая

принесла тебя? О чемъ разревѣлась? Замужъ что ли отдаютъ тебя, сѣдая хрычовка?

— Э, бояринъ, не время теперь твоей милости, цыганить старуху, дрожащимъ голосомъ отвѣчала кормилица. Ну, да Богъ съ тобою; коли оно тебѣ любо, дразни меня сколько душѣ угодно. Не о моемъ горѣ тужу я, князь Дмитрій Ивановичъ! Какъ изволишь, вѣрь или не вѣрь, скажу какъ передъ Создателемъ—кажись, легче бы мнѣ окаянной, на старости лѣтъ отдаться въ руки хоть какому злодѣю—не побоялась бы ни его побоевъ, ни людскаго смѣха, только бы Господь отвелъ тучу громовую, только бы не грянула на насъ бѣда лютая!...

— Да уймешься ли, Матрена, вспыльчиво перервала княгиня; никакъ ты сегодня подрядилась страшать насъ! О чемъ вздумала выть—что князя Михайла Васильевича приобщали Святыхъ Таинъ.

— Благое дѣло, сказалъ князь, авось скорѣе встанетъ. Пословица справедлива, прибавилъ онъ помолчавъ, «дума за горами, а смерть за плечами.» Племянникъ во весь обѣдъ толковалъ, какъ онъ подъ Смоленскимъ станетъ воевать съ Жигимонтомъ, а теперь, статья можетъ, не бывать ему и въ Кремлѣ.

Когда онъ договаривалъ слова эти, въ Богоявленскомъ монастырѣ ударили въ колоколъ. Онъ

задрезжалъ какъ будто бы отъ землетрясенія, или отъ попавшей въ него бомбы мѣдь разлетѣлась кусками. Нарушивъ тишину ночи, глухой, плачевный звонъ сильно выразилъ отчаянне того, чья рука должна была возвѣстить кончину юнаго героя, въ гибельныхъ слѣдствіяхъ которой никто не могъ сомнѣваться, кромѣ гнусныхъ его завистниковъ, не понимавшихъ, что губя его они губятъ и отечество и себя самихъ. Тысячи людей въ Москвѣ съ отчаяніемъ и ужасомъ упали на колѣна; но дочери Малюты Скуратова показалось, что передъ нею блеснулъ Царскій вѣнецъ, она подумала, что скоро ея воля будетъ закономъ для Россіи, и съ самодовольствомъ окинула глазами комнату. Увидя, что кормилица ея съ умиленіемъ молится о вѣчномъ блаженствѣ усопшаго князя, княгиня сама пожелала ему царствія небеснаго. Князь Дмитрій Ивановичъ подошелъ къ образамъ, его влекло къ нимъ не особое какое чувство, онъ еще худо вѣрилъ, что избранный Царемъ наслѣдникъ уже не существуетъ, онъ не могъ размышлять о причинахъ и слѣдствіяхъ внезапной его кончины, онъ только слѣпо исполнялъ затверженный съ младенчества обычай. Поклонившись въ землю князь нѣсколько минутъ былъ недвижимъ, оглушенный свирѣпыми воплями. Яростныя толпы окружили домъ его и со

всѣхъ сторонъ раздались стукъ топоровъ и проклятія народа, грозившаго истребить жилище князя и княгини Шуйскихъ, и люто умертвить ихъ, обвиняя ихъ обоихъ въ убійствѣ князя Скопина. Пришедъ въ себя Царскій братъ изумленъ былъ присутвіемъ духа своей супруги. Ее не смутила страшная опасность; она вовсе ее не предвидѣла, но тотчасъ придумала средства отъ нее избавиться. Жизнь никогда еще не была такъ ей дорога; она страстно, непремѣнно хотѣла насладиться величіемъ, роскошью и мщеніемъ; это желаніе ничѣмъ непобѣдимое, эти чувства, перелившіяся въ ея душу изъ души отца ея, до самаго гроба бывшей недоступною раскаянью и состраданію, изострили умъ ея, удвоили ея силы. Мужъ ея былъ ей обязанъ своимъ спасеніемъ, но онъ не смѣлъ объ этомъ рассказывать, она ему строго это запретила; она справедливо остерегалась въ такихъ обстоятельствахъ щеголять своею твердостью и только наединѣ съ княземъ укоряла его въ малодушіи.

Судя по собственнымъ чувствамъ, юная Царица не могла повѣрить, чтобы ея неvěстка отравила князя Михаила, но посѣтивъ ее, когда она, бѣжавъ отъ разъяреннаго народа, скрылась во дворцѣ, откровенно сказала ей, что сдѣлавшись предметомъ ужаснѣйшаго подозрѣнія, она должна для

пользы Государя и для собственной безопасности употребить всё средства къ своему оправданію. Исполненная кротости и смиренія, Марія не старалась участвовать въ дѣлахъ государственныхъ, но она горячо любила супруга и отечество, и, способная цѣнить высокія дарованія, горько плакала о кончинѣ князя Михаила. Оскорбляясь ея печалью, княгиня Екатерина Григорьевна, чтобы избѣгнуть при томъ общаго вниманія, сказала больною и болѣе сутокъ не вставала съ постели. Но послѣ погребенія князя Михаила, она тотчасъ отправилась вмѣстѣ съ мужемъ въ Троицкую Лавру. Имъ необходимо было на время удалиться изъ Москвы; самые надежные друзья ихъ не смѣли ихъ посѣщать, опасаясь навлечь и на себя общую ненависть. Государь одобрилъ отъѣздъ ихъ, надѣясь, что во время ихъ отсутствія умы успокоятся, особенно же когда узнаютъ, что они ѣздили молиться.

Желая удовлетворить читателей, пенявшихъ мнѣ, что въ изданномъ прежде историческомъ моемъ романѣ: князь Скопинъ Шуйскій, нѣкоторыя происшествія недостаточно были объяснены, я нѣсколько отступила назадъ, чтобы рассказать подробно какимъ образомъ совершилось преступленіе погрузившее Россію въ бездну золь и стыда, въ то самое время, когда можно было на-

дѣяться, что въ ней процвѣтутъ миръ, слава и счастіе. Исполнивъ это, обращаюсь къ дворецкому князя Шуйскаго, котораго оставила озабоченною важною въ домѣ пропажею.

Когда князь Михайлъ уѣхалъ больной отъ своего дяди, Козявкинъ, утомленный пышными приготовлениями къ бывшему обѣду, заперъ столовую, располагаясь вечеромъ убрать взятую на этотъ случай изъ кладовой посуду. Веселая бесѣда съ пріятелями, которыхъ онъ по обыкновенію угощалъ остатками господскаго обѣда, заставила его отложить это до утра. Но, когда народъ осадилъ домъ князя Шуйскаго, Козявкинъ, столь же робкій при малѣйшей опасности, какъ онъ былъ дерзокъ когда все ему удавалось, спрятался въ погребу, гдѣ и пробылъ слишкомъ сутки. Уже всѣ думали, что онъ безъ вѣсти пропалъ, но вдругъ онъ явился, блѣдный, растрепанный, съ кроткимъ и покорнымъ видомъ. Притворное его смиреніе продолжалось до тѣхъ только поръ, пока онъ не увѣрился, что князь Дмитрій Ивановичъ сохранилъ милость Государя, но ему нуженъ былъ покой, и онъ уже по отъѣздѣ князя съ княгинею въ Троицкую Лавру пошелъ убрать оставшіяся въ столовой вещи. Все было цѣло, только не нашелся золотой, украшенный камнями кубокъ, въ которомъ княгиня Екатерина Григорьев-

на подносила медъ князю Михаилу. Приступавшія къ дому толпы разсѣяны были, не успѣвъ разломать ворота, и ни одинъ чужой человѣкъ не входилъ въ комнаты. Козявкинъ не безъ основанія могъ обвинять домашнихъ въ покражѣ кубка, и зная, что при всей ея пышности княгиня очень скупа, не сомнѣвался, что потеря дорогаго кубка жестоко раздражитъ ее. Онъ поклялся, во что бы ни стало, отыскать его прежде ея возвращенія, радуясь случаю отличиться усердіемъ и расторопностью, а вмѣстѣ съ тѣмъ отмстить княжескимъ служителямъ, которыхъ ненависть достойно имъ заслуженная, наиболѣе устрасила его при бывшемъ смятеніи.

Претерпѣвъ жестокія истязанія, но ни въ чемъ не признавшись, нѣсколько человѣкъ лежали окровавленные; глухой ихъ стонъ и вой ихъ ближнихъ раздирали души; сосѣды бѣжали ихъ своихъ домовъ, и своими разказами еще болѣе раздражали народъ противъ Царскаго брата и жены его. Вовсе не заботясь о слѣдствіяхъ своей свирѣпости, Козявкинъ весело шутилъ съ воинами, которымъ поручено было охранять домъ князя Шуйскаго. Онъ спѣшилъ исполнять самыя наглые требованія ихъ, за что и они усердно ему служивали. Многіе изъ нихъ не вдавнѣ были ревностными сподвижниками Лжедимитрія, котораго

они оставили устрасась побѣдъ князя Михаила: любовь къ престолу и отечеству не имѣла надъ ними власти, и по смерти вождя, умѣвшаго внушить имъ покорность, они перестали таить свои буйныя склонности.

— Куда ты? зачѣмъ? закричалъ Козявкинъ, увидя, что молодой охотникъ, за полгода передъ тѣмъ привезенный изъ новгородской вотчины пошелъ съ ведромъ въ огородъ.

Воины погнались за охотникомъ, вырвали у него ведро, и его самого притащили къ грозному дворецкому, у котораго кафтанъ былъ забрызганъ кровью. Зеленоватые глаза Козявкина заблестали адскою радостью, и изъ широко отвореннаго рта его какъ будто пахнуло могилою.

— Плутъ, мошенникъ, завопилъ онъ, наконецъ ты мнѣ попался, насилу я поймалъ тебя! Что ты думалъ, коли возьмешь въ руки ведро, я и не догадаюсь что ты собрался бѣжать. Промахнулся сердечный; я не такъ хитеръ какъ ты, а таки умѣю кой-что распознать; пока не было тебя здѣсь, никто не считалъ меня дуракомъ. Правда, согрѣшилъ окаянный, слишкомъ поторопился, прибавилъ Козявкинъ, невольно вздрогнувъ отъ рѣзкаго, пронзительнаго вопля раздававшегося на концѣ двора, наказалъ безвинныхъ,

но Богъ видитъ, что это не мой грѣхъ, кровь эта на твоей душѣ, ты одинъ будешь за нее отвѣчать! Я самъ съ роду не воровалъ, гдѣ мнѣ было угадать вора! Да, что же ты, разбойникъ, стоишь выпяливъ глаза, сказывай скорѣе, куда ты дѣвалъ Царскій кубокъ?

Пораженный убѣдительностью съ которою обвинялъ его дворецкій, молодой охотникъ, вообразилъ, что настоящій воръ, или тайный какой врагъ подсунулъ ему пропавшій кубокъ. Зная, что онъ нелюбимъ дворецкимъ, и какъ сей послѣдній мало дорожитъ жизнію подвластныхъ ему людей, онъ не могъ сомнѣваться въ своей гибели, но не оробѣлъ: мать его часто ему рассказывала, какъ отецъ его былъ растерзанъ медвѣдемъ, а дѣдъ замученъ разбойниками, и онъ съ малыхъ лѣтъ считалъ себя предназначеннымъ столь же бѣдственной смерти. Господину его, князю Дмитрію Ивановичу Шуйскому, расхвалили смѣлость его и силу, и онъ велѣвъ привезти его въ Москву скоро особенно полюбилъ. Увѣрившись, что онъ неспособенъ слѣпо угождать ему, Козявкинъ счелъ его опаснымъ для себя человѣкомъ, но долго тщетно искалъ случая очернить его передъ господами: покорный охотникъ неумоимо трудился, и только мать его, пріѣхавшая съ нимъ повидаться, знала какъ ему тяжела перемѣна его участи.

— Куда ты дѣвалъ Царскій кубокъ? свирѣпымъ голосомъ повторилъ Козявкинъ, прищуривъ глаза густо опущенные рыжими рѣсницами.

— Помилуй, Климъ Юдичъ, сказалъ охотникъ, наконецъ опомнясь отъ изумленія, за что ты осерчалъ на меня? Неужели сегодня грѣшно напиться водицы? Если бы я пошелъ за чѣмъ инымъ, а не на колодезь, кто бы велѣлъ мнѣ идти мимо тебя. Воля твоя, у тебя у самого на умѣ нѣтъ, что я собрался бѣжать съ покражею; твоей милости всѣхъ извѣстиѣ, что я въ полгода не заѣлъ у боярина зерна пороховаго.

Козявкинъ почувствовалъ, что молодой Новгородецъ угадываетъ его зависть и злобу, и отъ бѣшенства не могъ вымолвить слова. Вообразивъ, что онъ тронуть его оправданіемъ, простодушный охотникъ спѣшилъ довершить мнимое его убѣжденіе.

— Теперь не прежняя пора, сказалъ онъ, не то, что было въ старые годы, и вору, и разбойнику есть гдѣ укрыться; кабы былъ я виноватъ, не сталъ бы дожидаться твоего допросу; недалеко и до Калуги, а Литву найдешь еще ближе....

— Бездѣльникъ, перервалъ Козявкинъ, ударивъ охотника кулакомъ въ лицо, такъ что онъ заша-

тался, бунтовщикъ, что еще вымыслилъ! Прислушайте, добрые люди, какъ онъ меня дразнить; велитъ мнѣ ему кланяться, за то, что не ушелъ служить Жиду и Литвѣ. Вотъ изволь судить о людяхъ по взгляду, какъ о звѣрѣ по шерсти; сколько разъ я божился, боярину князю Дмитрію Ивановичу, что нашего Ларьку обидитъ младенецъ, что Ларька воды не замутитъ, а смотри пожалуй, Ларька передъ Царскими воинами хвастаетъ, что ему у Царскихъ измѣнниковъ готово теплое мѣстечко. Ай, да парень; никакъ ты о двухъ головахъ? Я десять лѣтъ служилъ въ земской избѣ, а такого молодца не встрѣчалъ. Спасибо братъ, спасибо, самъ себя выдалъ!

Рѣзкій вопль снова смутилъ Козявкина. Онъ обернулся, и на крыльцѣ у ближней избы увидѣлъ нестарую, еще пригожую крестьянку. Узнавъ мать охотника, онъ съ презрѣньемъ подумалъ, что напрасно встревожился, и велѣлъ воинамъ исторгнуть у молодаго Новгородца признаніе, когда, и какъ укралъ онъ кубокъ и куда его спряталъ. Любовь и ненависть, надежда и отчаяніе попеременно изображались во взорахъ и чертахъ несчастной матери, болѣзненные ея вопли часто заглушали стонъ ея сына, но она была недвижима, она какъ будто приросла къ крыльцу,

или лучше сказать все въ ней окаменѣло кромѣ головы и сердца.

Истерзанный охотникъ клялся въ своей невинности; голосъ его ежеминутно слабѣлъ, но кромѣ безчеловѣчнаго Козявкина никто бы не усомнился въ истинѣ словъ его.

— Богъ мнѣ свидѣтель, вскричалъ онъ, что я вовсе не видалъ твоего кубка! Онъ разсудитъ меня съ тобою, Климъ Юдичъ!

— Ладно, ладно, съ неистовою усмѣшкою сказалъ Козявкинъ. По его приказанію воины принесли веревки и опутавъ ими плеча охотника потянули ихъ назадъ. Кости страдальца захрустѣли, кровь забила ключемъ изъ треснувшей его груди. Воины отскочили въ сторону. Умирающій упалъ навзничъ: его подхватила мать, такая же блѣдная, такъ же до половины охолодѣвшая какъ и онъ. Она положила его голову къ себѣ на колѣна, прижала руку его къ своимъ запекшимся губамъ, но не поцѣловала его въ лице, боясь на минуту заслонить отъ него небо, откуда солнечный лучъ прокравшись сквозь облака прямо на него свѣтилъ.

— Отнесите его въ избу, сказалъ Козявкинъ, спокойно обмахиваясь шелковымъ платкомъ, дайте ему отдохнуть.

Поднявъ охотника войны хотѣли оттолкнуть мать его. Она имъ не противилась, но они не могли разогнуть ея рукъ обвившихся около ея сына, и принужденные нести вмѣстѣ два тѣла, невольно вспомнили о своихъ матеряхъ, которыя также могли попасть въ руки ожесточенныхъ злодѣевъ.

ГЛАВА II.

—

Какъ онъ умѣетъ самовластно
Сердца привлечь и разгадать
Умами править безопасно,
Чужія тайны разрѣшать!

А. Пушкинъ.

Tous ces détails paraîtront, fatiguans
sans doute, à ceux de nos lecteurs, qui
recherchent plus les émotions que la
copie exacte et vivante d'un siècle.

Alphonse Brot.

Передъ широкимъ, вновь перестроеннымъ крыль-
цомъ обширнаго деревяннаго дома, откуда хоро-
шо видна была крѣпость Переславля Рязанскаго,
стояли осѣдланныя лошади; двѣ изъ нихъ отли-
чались красотою и богатою сбруей, одна бѣлая
съ черными пятнами, другая безъ отмѣты воро-
ная. Державшіе ихъ служители долго спорили
между собою, которая изъ нихъ дороже, и исто-

шивъ всѣ доказательства ихъ рѣдкихъ достоинствъ, начинали не на шутку браниться, воображая, что малѣйшая уступчивость оскорбитъ честь господъ ихъ и ихъ самихъ унижить передъ собравшимся народомъ. Вдругъ изъ сѣней отворилась дверь, всѣ тотчасъ замолчали, но увидя лысаго старика, опять зашумѣли,

— Здорово, Сидоръ Кондратьичъ; да какъ же ты изволилъ нарядиться; не звали ли и тебя на пиръ къ воеводѣ? смѣясь сказалъ молодой дѣтина державшій вороную лошадь.

— Я и впрямь собрался поздравить его милость, отвѣчалъ старикъ. Прокофій Петровичъ, дай Богъ ему здоровья, не гнушается нашей братьей честными торговцами: будетъ и мнѣ у него мѣсто.

— Въ переднемъ углу подъ образами, насмѣшливо сказалъ мѣщанинъ въ синемъ кафтанѣ изъ тонкаго сукна.

— Молоденекъ, Кузьмичъ, сказалъ старикъ, назвавшій себя купцомъ, трунить надо мною; я отца твоего на помочахъ водилъ. Спроси у него, бывало ли когда, чтобы я совался гдѣ меня не спрашиваютъ. Полно съ меня и того, что поклонюсь боярину, и пожелаю ему новаго года, да новаго счастья, а тамъ пойду въ гости къ дворецкому его Никитѣ Гаврилычу. Мы съ нимъ старые пріятели; хлѣбъ-соль водили еще при Иванѣ

Исаичъ Болотниковъ, когда здѣсь, въ моемъ домишкѣ, жилъ бояринъ князь Андрей Андреевичъ Телятевскій: кажись не такъ давно это было, а много съ тѣхъ поръ воды утекло.

— А, въ которыя времена было житье веселѣе, при Дмитріѣ Царѣ, или при Васильѣ, спросилъ одинъ изъ предстоящихъ?

— Лучше спроси, братъ, который воевода больше берегъ народъ, сказалъ другой: знаешь пословицу, «до Бога высоко, а до Царя далеко.» Мы, ни Дмитрія, ни Василья, въ глаза не видали; а кабы и пришлось съ ними повстрѣчаться, не посмѣли бы имъ жаловаться на ихъ судей и рассказывать о своихъ нуждахъ.

— Правда, правда, вскричалъ купецъ: седьмой десятокъ доживаю, много видѣлъ всего, а по совѣсти скажу: хорошо, конечно, коли Царь уменъ и добръ; но со злымъ и глупымъ воеводою не долго наладуешься и милосердому Царю! Ужъ Государь ли Федоръ Ивановичъ не былъ кротокъ, сущій Ангелъ Божій, а сколько и при немъ здѣшніе граждане потерпѣли горя. Вотъ, теперь, хвала Творцу небесному, съ тѣхъ поръ, какъ посаженъ у насъ Прокофій Петровичъ, живемъ припѣваючи; никто не смѣетъ у насъ обидѣть младенца.

— Что и говорить, вскричало нѣсколько голосовъ: такого воеводы у насъ вѣкъ не бывало!

— Я за него въ петлю полѣзу, сказалъ мѣщанинъ въ синемъ кафтанѣ.

— Не ты одинъ, всѣ мы пойдѣмъ за него въ огонь и въ воду, прибавили другіе.

— Не слыхалъ ли ты, Сидоръ Кондратьичъ, спросилъ одинъ изъ конюховъ, зачѣмъ бояре долго не ѣдутъ? Торопили, торопили, чтобы въ мигъ коней изготовили, а теперь словно о нихъ и забыли.

— Не-бось, не забыли, отвѣчалъ хозяинъ дома, давно бы уѣхали, да которому-то изъ молодыхъ бояръ захотѣлось поглядѣть у Григорья Ѳедоровича его оружій. Онъ, знаешь, любитъ ихъ показывать: за тѣмъ теперь и не видать никого, что всѣ ушли въ заднюю свѣтлицу.

— Кабы зналъ я это, ни за что бы не вывелъ коня своего: каково сердечному стоять на жару, такъ и палитъ солнце; что бы не было къ вечеру грозы.

— Храни Боже, вскричали одни.

— Типунъ тебѣ на языкъ, прибавили другіе; что вздумалъ пророчить! Вѣдь сегодня не буднич- ный день, не простая среда; сегодня родился отецъ нашъ Прокофій Петровичъ! Какъ же не свѣтитъ ярко солнышку; какъ не радоваться цѣ- лому міру!

— Пусть лучше мѣсяцъ дождь льетъ, только бы сегодня не помѣшалъ крещенымъ гулять и веселиться, сказалъ вновь подошедшій толстый пряничникъ. Я слышалъ на дворѣ у воеводы, что его милости минуло сегодня тридцать лѣтъ, и онъ извоилъ приказать, чтобы къ вечеру, передъ его окнами, выкатили тридцать бочекъ пива, да тридцать бочекъ меду, и накрыли бы тридцать большихъ столовъ со всякою стряпнею.

— Ой ли? Мы этого и не знали. Спасибо за вѣсточку. Ну, братцы, какъ не молиться намъ Богу за нашего воеводу? Отъ кого другаго дождемся мы такой о насъ заботы?

Въ сѣняхъ захлопали двери и въ отворенное окно сталъ слышенъ громкій смѣхъ.

— Подавайте коней, закричалъ босоногій мальчикъ, выбѣжавъ на крыльцо.

Конюхи засуетились, сторонніе отошли подалѣе, и черезъ нѣсколько минутъ постоялецъ дома, прежній Рязанскій воевода, Григорій Ѳедоровичъ Сунбуловъ, вышелъ держа подъ руку Зарайскаго помѣщика Андрея Потаповича Тарбеева, высокаго, свѣжаго старика богато одѣтаго. Онъ за нимъ ухаживалъ, часто у него занимая деньги, и Андрей Потаповичъ пріѣхавъ на мѣсяцъ въ Рязань, по приглашенію Сунбулова гостилъ у него съ двумя племянниками, служившими въ войскѣ князя

Скопина-Шуйскаго. Последнимъ принадлежали лошади, за которыхъ чуть не вышла на дворъ драка. Они приобрѣли ихъ въ сраженіи подъ Калезинымъ, заколовъ своими руками двухъ Польскихъ конниковъ, не сомнѣвавшихся, что ихъ огромный ростъ и дерзкія угрозы тотчасъ заставятъ упасть къ ногамъ ихъ двухъ юношей, которыхъ нѣжныя лица изображали еще одну глубокую чувствительность. Борису Тарбееву было двадцать лѣтъ, а братъ его Глѣбъ былъ годомъ моложе, но они оба отличались примѣрною храбростью и пылкимъ усердіемъ. Отпустивъ ихъ повидаться съ дядею, князь Михаилъ писалъ съ ними къ Ляпунову. Письмо его доставило имъ лестный пріемъ, и короче съ ними познакомясь воевода убѣдилъ ихъ пробить въ Рязани долѣе нежели они располагались, поручивъ ихъ надзору вновь набираемыхъ ратниковъ. Чрезвычайно этимъ довольный, дядя ихъ не могъ нарадоваться ихъ ловкости и остротѣ; вообще ихъ всѣ хвалили, только Сунбулову они не слишкомъ нравились, за то, что не терпѣли пьянства. Онъ говорилъ, что они не умѣютъ веселиться сами и другимъ въ этомъ мѣшаютъ; но тщетно увѣрялъ онъ ихъ, что они будутъ здоровѣе, сильнѣе и ужаснѣе для враговъ любя вино, тщетно твердилъ имъ пословицу, что кто чарки не допиваетъ, тотъ въ ку

не доживаетъ , имъ вовсе не хотѣлось въ чемъ нибудь ему уподобиться. Сунбулову было съ небольшимъ сорокъ лѣтъ, но онъ былъ уже совершенно сѣдъ; красное, угреватое лицо его обличало нетрезвую его жизнь , а всѣ его поступки доказывали самое пустое тщеславіе и чрезвычайное легкомысліе. Сбираясь на обѣдъ къ воеводѣ, Сунбуловъ надѣлъ любимый свой алый бархатный кафтанъ, вынизанный жемчугомъ. Съ тѣхъ поръ, какъ мы представили его читателямъ въ этой одеждѣ , за обѣдомъ у князя Телятевскаго , данномъ для пріѣзда пана Харлескаго, онъ очень потолстѣлъ и полы кафтана едва на немъ сходились. Онъ объ этомъ не заботился , или лучше сказать вовсе этого не примѣчалъ; напротивъ того онъ былъ увѣренъ, что въ этомъ нарядѣ онъ и молодъ и пригожъ , и всегда надѣвалъ его при торжественныхъ случаяхъ, отъ чего казался еще безобразнѣе и смѣшнѣе обыкновеннаго.

Съ трудомъ вскарабкавшись на лошадь, Сунбуловъ началъ рассказывать о своемъ удалствѣ на войнѣ и на охотѣ. Онъ былъ дѣйствительно очень смѣлъ, но трудно было этому повѣрить, не видавъ его въ дѣлѣ, и молодые Тарбеевы слушая его отъ всей души смѣялись, не сомнѣваясь что онъ безстыдно хвастаетъ. Они подъѣзжали всѣ четверо къ крѣпости, гдѣ жилъ воевода, въ самомъ весе-

ломъ расположеніи духа, какъ вдругъ имъ встрѣтился священникъ. Сунбуловъ поблѣднѣлъ и тотчасъ объявилъ, что онъ не поѣдетъ далѣе.

— Плюнь по-моему и покажи шишъ, Григорій Ѳедоровичъ, сказалъ старикъ Тарбеевъ, такъ и не случится ничего худого. Я самъ, прости Господи, не люблю встрѣчи съ попами, но съ тѣхъ поръ какъ узналъ эту примѣту, пересталъ ихъ бояться.

— Вотъ чему вѣришь! не стыдно ли братъ на старости лѣтъ такую врать чепуху, сказалъ Сунбуловъ: не-бось, не отплюешься, какъ схватить тебя за горло бѣшеный песъ, или всадить разбойникъ въ сердце ножъ.

— Что ты, что ты, Григорій Ѳедоровичъ! въ одинъ голосъ вскричали братья Тарбеевы, могутъ ли въ палаты къ Прокофью Цетровичу забѣжать разбойники или бѣшеные псы?

Молодые воины старались уговорить Сунбулова продолжать съ ними путь, но онъ озираясь по сторонамъ твердилъ, что они всѣ неминуемо погибнутъ, если поупрямятся ѣхать къ воеводѣ, и поворотивъ лошадь поспѣшно отправился домой.

— Ну, и слѣдъ простылъ, сказалъ Андрей Потаповичъ. Ужъ полно, ребята, прибавилъ онъ невольно робѣя, не вернуться ли и намъ; кто знаетъ, можетъ Господь храня насъ далъ намъ эту острастку.

— Да, что же тутъ страшнаго, дядюшка? спросилъ Борисъ Тарбеевъ, вѣдь никто не боится въ церкви глядѣть на поповъ.

— Это иное дѣло: не намъ разбирать это.

— А послѣ службы-то или съ требами не птицами же летать имъ, сказалъ Глѣбъ, надо же идти или ѣхать улицами.

— Никакъ, Глѣбушка, ты говоришь дѣло, сказалъ Андрей Потаповичъ. Только видишь ли, не сами же мы вздумали, что кто людей хоронить, съ тѣмъ не къ добру повстрѣчаешься; намъ передали это предки, а они были умнѣе насъ. И то еще примолвить надо, Григорій Ѳедоровичъ человекъ служивый, грамотный, словомъ, не мнѣ чета, а его такъ пугнула батькина встрѣча, что пусть что хочетъ говорить воевода, и даромъ что любить самъ погулять, лучше захотѣлъ цѣлый день просидѣть одинъ одиныхонецъ: этимъ дѣтушки нельзя шутить.

— Помилуй, дядюшка, Григорью Ѳедоровичу нечего бояться, что онъ пробудетъ одинъ, онъ и теперь самъ другъ, засмѣявшись сказалъ Борисъ; отъ того-то ему и чудятся всякія бѣды.

Эти слова разсѣяли сомнѣнія простодушнаго старика; онъ самъ улыбнулся, и перекрестившись поѣхалъ рысью въ крѣпость, куда со всѣхъ сторонъ съѣзжались почетные дворяне.

Получивъ извѣстіе, что князь Михаилъ за сутки передъ тѣмъ долженъ былъ отправиться въ Смоленскъ, воевода былъ очень веселъ, и зная, что молодые Тарбеевы соскучили въ Рязани, поспѣшилъ сказать имъ, что они могутъ на слѣдующее утро ѣхать къ побѣдоносному вождю своему.

— Вамъ легко будетъ догнать князя Михайла Васильевича, прибавилъ Ляпуновъ; хотя бояринъ и не любитъ медлить на пути ко врагамъ, но нельзя же ему со всею ратью такъ поспѣшать какъ вамъ съ одними вашими слугами. Да у васъ и кони-то завидные, не скоро пристанутъ. Пожалуйста, друзья, отбейте у Ляховъ поболѣе такихъ коней: если вамъ они будутъ лишніе, мы ихъ раскупимъ дорогою цѣною, а Ляхи пусть бѣгутъ домой на своихъ ногахъ; тѣмъ крѣпче будутъ помнить какъ у насъ провожаютъ незваныхъ гостей.

Поздоровавшись съ Андреемъ Потаповичемъ, Ляпуновъ спросилъ о Сунбуловѣ.

— Старая баба! вскричалъ онъ, узнавъ, что заставило Сунбулова воротиться домой. И съ этой головой онъ былъ воеводою, и потомъ торговался съ Царемъ за свои услуги! А радъ одинъ лѣзть на медвѣдя! Ну что въ этомъ проку: лбомъ стѣну не пробьешь. — Слышали ли, господа, прибавилъ Ляпуновъ съ презрѣніемъ, почему не пожаловалъ

ко мнѣ сегодня Григорій Ѳеодоровичъ? Ему повстрѣчался приходившій ко мнѣ со свѣтомъ попъ.

Немногіе изъ гостей разсмѣялись; большая часть вѣрили сами, что послѣ такой встрѣчи должно весь день пробывать дома.

— Ну, какъ послѣ этого не величаться передъ нами Нѣмцамъ, продолжалъ Ляпуновъ. Еще бы бояться встрѣчи съ каторжнымъ, или съ уродомъ, а то вѣрить, что бѣда сойтится съ человѣкомъ, у котораго, если увидимъ его не на улицѣ, просимъ благословенія. Право, душа болитъ какъ подумаешь, что иноземцы не напрасно цыганяютъ насъ.

— Дай тебѣ Богъ много лѣтъ здравствовать и вѣкъ быть у насъ воеводою, Прокофій Петровичъ, сказалъ Алексѣй Ивановичъ Пѣшковъ, бывшій въ числѣ дворянъ, которыхъ Ляпуновъ посылалъ въ Александровскую Слободу предложить престолъ князю Скопину-Шуйскому: подлинно ты премудръ! Не стану грѣха таить, и я вѣрилъ, и дѣтей училъ, что нѣтъ встрѣчи хуже поповской. Мнѣ и въ голову не приходило, и ни отъ кого не слыхивалъ, что можно этому посмѣяться. Вотъ теперь самому стыдно своего дурачества, словно я слѣпъ былъ и вдругъ по милости твоей прозрѣлъ. Нѣчего сказать, oprичь боярина князя Михайла Васильевича, не найдется у насъ никого, кто бы равенъ

былъ тебѣ, Прокофій Петровичъ, умомъ и любовью къ родинѣ!

Всѣ вообще гости съ жаромъ подтвердили слова эти. Гордый воевода былъ глубоко тронутъ чувствами, которыя всѣми средствами старался заслужить. Онъ не наслаждался семейнымъ счастьемъ; жена его заколебавшая въ невѣжествѣ и предрасудкахъ вовсе не понимала высокаго ума его, и онъ измученный домашними сплетнями, жадно стремился насладиться свободою. За нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ, какъ извѣстно читателямъ князя Скопина-Шуйскаго, Ляпуновъ повѣрилъ, что провозглашенный Болотниковымъ Царь, истинно Димитрій, сынъ Іоанна, и съ горячностью, свойственною всѣмъ его поступкамъ, присоединился къ мятежникамъ. Это рѣшило навсегда его участь. Въ послѣдствіи онъ устыдился преступнаго своего ослѣпленія, но оно пріохотило его къ своеволію, и въ сердцѣ его не переставало глѣть желаніе снова возстать противъ законной, но для необузданнаго его честолюбія слишкомъ стѣснительной власти. Единственною его опорою при Царѣ былъ князь Скопинъ-Шуйскій, и онъ съ юныхъ лѣтъ горячо любя его, изумленный его подвигами, благоговѣя къ его добродѣтелямъ, дороже всего въ мірѣ цѣнилъ его обѣщаніе, за усердіе его къ Царю, платить ему искреннею друж-

бою. Ни одинъ воевода не исполнялъ съ такимъ раченіемъ своихъ обязанностей какъ Ляпуновъ; никто не доставлялъ въ Москву столь сильныхъ средствъ какъ онъ къ отраженію враговъ. Но избѣгая малѣйшей укоризны въ безпечности о пользахъ общественныхъ, онъ неутомимо старался жителямъ порученной ему области внушить ревностную себѣ самому преданность. Онъ не располагался бунтовать, еще того менѣе воображалъ онъ, что князь Михаилъ можетъ умереть въ юныхъ лѣтахъ, но какое-то темное, невольное чувство побуждало его страшиться внезапной переменъ обстоятельствъ. Онъ считалъ непростительною оплошностью когда-нибудь остаться въ полной зависимости отъ Царя, котораго братья были явные враги ему, и который самъ не могъ забыть дерзость подданнаго, возмечтавшаго, что онъ имѣетъ право располагать престоломъ.

Молодой знакомецъ, какъ тогда называли бѣдныхъ дворянъ жившихъ у вельможъ для услугъ и бесѣды, доложилъ, что Московскій іеромонахъ, ходившій въ Кіевъ, узнавъ о днѣ рожденія воеводы, желаетъ лично поздравить его. И нынѣ, богомольцевъ бывшихъ въ Кіевѣ радушно принимаютъ, но когда древняя столица Русская, гдѣ княжилъ Владиміръ, заслужившій имена равноапостольнаго и великаго, гдѣ онъ просвѣтилъ Рос-

сію вѣрою Христовой, стонала подѣ игомъ Поляковъ, ненавистниковъ нашего православія, тѣ, которымъ удавалось побывать въ Кіевѣ, были всюду дорогими, почетными гостями. Весьма довольный неожиданнымъ посѣщеніемъ, Ляпуновъ велѣлъ позвать инока, и чрезъ нѣсколько минутъ, въ сопровожденіи посланнаго за нимъ знакомца, явился чернецъ лѣтъ шестидесяти, роста средняго, но сильнаго сложенія. Смуглое лице его почти до самыхъ глазъ закрыто было густою черною бородою, начинавшею мѣстами сѣдѣть, какъ будто ее подернуло инеемъ; по блеску глазъ его нельзя было сомнѣваться, что онъ обладаетъ умомъ острымъ и наблюдательнымъ; но кромѣ его одежды ничто не внушало къ нему почтенія. Онъ не смутился увидя большое собраніе людей ему неизвѣстныхъ, и благословивъ воеводу, подалъ данное ему по тогдашнему обычаю свидѣтельство, что онъ дѣйствительно былъ въ Кіевѣ для богомоленія. Не знаю, давно ли перестали раздавать эти свидѣтельства, но не видалъ нигдѣ ихъ описанія, надѣюсь угодить читателямъ, сообщивъ въ цѣлости такую любопытную, и, если не ошибаюсь, мало извѣстную, древнюю грамоту.

На листѣ средней величины, подѣ изображеніями Святой Троицы и преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія, напечатано было слѣдующее:

«Милостію Божією, Святыя великія Чудотвор-
 «ныя Лавры Печерскія Кіевскія Архимандритъ
 «Никифоръ Туръ.

«Авраамское тѣшійся постигнути благослове-
 «ніе, Авраамскому благопокорнымъ усердіемъ, ока-
 «затель писанія сего, Московской Святой великой
 «обители, Святаго Архистратига Михаила, име-
 «нуемой Чудовъ монастырь, Іеромонахъ Уаръ по-
 «слѣдова праву. Иже изшедъ изъ дому своего,
 «гласу благодати Вышняго внутрь зовущу его,
 «прииде въ Богомъ показанную Преподобныхъ
 «Отець Печерскихъ землю, Іерусалимъ Россійскій,
 «Гору, юже возлюбилъ Богъ, наслѣдіе Богоматер-
 «нее, и видѣвъ благодать Божію, нетлѣнныя Пре-
 «подобныхъ Мощи, Главы мироточивыя, красная
 «тѣхъ же Преподобныхъ селенія, и походивъ по
 «Пещерамъ руками ихъ ископаннымъ, и ногами
 «утреннымъ, подобающую коемуждо тамо поло-
 «женныхъ Святыхъ, съ вѣрою и любовью воздаде
 «честь: себѣ же за труды неотъемлемое Препо-
 «добныхъ Отець благословеніе, и молитвы отъ
 «дому Господня пріемъ, съ радостію духовною воз-
 «вратися во свояси, слава дивнаго во Святыхъ
 «своихъ Бога, вся по желанію сердца его добрѣ
 «устроившаго. И имѣетъ отъ насъ данное о бого-
 «угодномъ своемъ дѣлѣ листовное сіе свидѣтель-
 «ство. Еже всякъ чтущій и слышащій, яко сво-

«боднаго, оказателеви онаго, путешествія да не
«возбраняетъ, тако и страннолюбнаго, яко стран-
«ному, у себе, молимъ, да не отрицаетъ угоще-
«нія: вѣдый яко пріемый странника, и самъ мзду
«странническую пріиметъ, и тогожде съ нимъ спо-
«добится отъ Бога благословенія, какое получитьи
«всякому хотящему молитвеннѣ усердствуемъ.»

Подъ этою грамотою посрединѣ была гравиро-
ванная печать Лавры, изображавшая Успеніе Пре-
святой Богородицы, а по обѣимъ сторонамъ сло-
ва: Дано во Святой, великой Чудотворной Лаврѣ
Кіевопечерской. Въ лѣто отъ созданія Мира 7118.
А еще ниже подпись «вышеименованный Архи-
мандритъ рукою власною.» Кромѣ этой подписи
и имени богомольца написанныхъ перомъ, все
прочее было напечатанно Славянскими буквами и
въ заглавной литерѣ изображено Благовѣщеніе, а
кругомъ цвѣты и ангельскія головки.

Грамота сія была очень красива. Всѣ любо-
вались чисто выгравированными на деревѣ изо-
браженіями и съ благоговѣніемъ разсматривали
собственноручную подпись архимандрита Ники-
фора Тура, ревностно вступавшагося за правосла-
віе, между тѣмъ какъ митрополитъ Михаилъ Рого-
за, въ угожденіе Польскому королю всюду вводилъ
бѣдственную для православныхъ Унію. Воевода
спросилъ: давно ли, и кѣмъ заведено въ Кіевѣ

книгопечатаніе? Чернецъ отвѣчалъ, что лѣтъ пять или шесть тому назадъ, покойный Троцкій воевода, князь Константинъ Ивановичъ Острожскій подарилъ Лаврѣ всѣ нужныя орудія и притомъ опредѣлилъ на постройку и содержаніе типографіи нѣсколько селъ въ Литвѣ находящихся.

— Дай Богъ ему царствіе небесное за такое благое дѣло! съ жаромъ сказалъ Ляпуновъ, и перекрестившись прибавилъ, что онъ почитаетъ весьма счастливыми людей, имѣющихъ средства и желаніе употреблять богатство свое на пользу общую.

Взявъ еще прочесть грамоту, Ляпуновъ надъ нею задумался. Ему показалось чрезвычайно лестно получить ее, и онъ поднявъ глаза къ небу, мысленно произнесъ обѣтъ сходить пѣшкомъ въ Кіевопечерскую Лавру, какъ скоро князь Михаилъ благополучно вступитъ на престолъ. Обѣтъ этотъ, надежда, что онъ вскорѣ исполнитъ его, озарили лице его радостью; но встрѣтивъ наблюдательный, угрюмый взоръ монаха, онъ невольно смутился, и вдругъ ему пришло въ голову, что гость этотъ не случайно, а съ намѣреніемъ явился къ нему, что онъ можетъ быть тотъ самый Уаръ, о которомъ ему писали за нѣсколько мѣсяцевъ, что онъ въ Александровской Слободѣ, въ присутствіи знатнѣйшихъ бояръ, пилъ за здоровье

Царя Михаила. Ляпуновъ хотѣлъ вызвать его въ другую комнату, но узнавъ что поставлено кушанье, отложилъ свои распросы, остерегаясь открытъ при свидѣтеляхъ, что онъ угощаетъ чело-вѣка, предвѣщавшаго смерть Царя. Монахъ угадалъ тайныя мысли воеводы, и чтобы опровергнуть любопытство его, кстати разсказалъ, заблаговременно вымышленную повѣсть о прежней своей жизни. Онъ заставилъ этимъ Ляпунова усомниться въ истинѣ подозрѣній его, но не могъ истребить ихъ совершенно. Какъ ни старался онъ принять на себя личину смиренія и искренности, его взоры, движенія, самый его голосъ увѣряли прозорливаго воеводу, что передъ нимъ не богобоязливый, чистосердечный странникъ, но чело-вѣкъ жаждущій отличій, волнуемый страстями. Воевода не ошибся: у него былъ дѣйствительно тотъ Уаръ, который зимою, въ домѣ князя Лыкова, всѣхъ изумилъ страшными предсказаніями. Онъ съ трудомъ тогда скрылся, и раздраженный, что съ нимъ хотѣли поступить какъ съ презрѣннымъ бродягою, рѣшился во что бы ни стало добиться возможности за это отмстить. Слышавъ, что въ Чудовѣ Монастырѣ монахи живутъ очень разсѣян-но и что тамъ легко можно удовлетворять пороч-ныя склонности, Уаръ явился къ архимандриту Пафнутію, чело-вѣку простому и легковѣрному.

Онъ разжалобилъ его притворнымъ раскаяньемъ въ своихъ проступкахъ, и когда, по его ходатайству, съ него снято было запрещеніе служить, онъ такъ отличился усердіемъ и дѣятельностію, что архимандритъ не усомнился отпустить его въ Кіевъ, съ знакомымъ ему дворяниномъ, у котораго тамъ былъ въ плѣну сынъ. Уаръ пробылъ въ Кіевѣ три недѣли, и лицемѣрною набожностью пріобрѣвъ уваженіе православныхъ, получилъ грамоту всюду ему доставлявшую отличный пріемъ. Онъ возвращался съ нею въ Москву, не прямою дорогою, но стараясь находить попутчиковъ, которые отвозили его изъ города въ городъ, что его избавило отъ усталости и убытку.

За часъ до полдня, когда нынче свѣтскіе люди, утомленные вечернимъ весельемъ еще покоятся въ постелѣ, Рязанскій воевода сѣлъ обѣдать со своими гостями. Старый дядька его, Никита Гавриловъ, по дряхлости его давно уволенный отъ всякой службы, явился разряженный за стуломъ горячо любимаго господина и громко объявилъ, что въ день рожденья Прокофья Петровича, онъ никого другаго не допуститъ подавать ему кушанье и напитки. Обѣдъ былъ самый лакомый и изобильный, вина и медъ лились рѣками. Развеселившіеся гости шумѣли, но никто не забывалъ пристойности. Сначала спрашивали отца

Уара о Кіевѣ, потомъ стали толковать, во сколько времени князь Скопинъ-Шуйскій можетъ освободить Смоленскъ отъ осады Польскаго короля, и его самага выгнать изъ Россіи, и о томъ, что станется съ самозванцемъ и Мариною, а наконецъ о лошадяхъ и собакахъ, и о разныхъ примѣтахъ и предсказаніяхъ. Многіе жалѣли, что нѣтъ Сунбулова, умѣвшаго мастерски рассказывать чудныя и страшныя происшествія.

Особенно любя старинныя вещи, Андрей Потаповичъ Тарбеевъ съ глубокимъ вниманіемъ рассматривалъ дорогой кубокъ, дивясь его работѣ, и желая угадать когда и гдѣ былъ онъ сдѣланъ.

— Это былъ любимый кубокъ покойнаго тестя Прокофья Петровича, сказалъ одинъ знакомецъ: кажись онъ досталъ его отъ Цесарцевъ.

Извѣстно было, что Ляпуновъ не любитъ вспоминать о женѣ, но вино у всѣхъ развязало языки и затмило память.

— Батюшка, Прокофій Петровичъ, вставъ спросилъ Тарбеевъ: скажи мнѣ, милостивецъ, когда мы дождемся, что твоя Федосья Андреевна сама поднесетъ намъ чарки за твое здоровье?

По лицу Ляпунова пробѣжала огненная краска, но онъ превозмогъ гнѣвъ свой, и примѣтивъ, что добрый старикъ не имѣлъ намѣренія его оскорбить, продолжалъ весьма его занимавшій разговоръ

съ Уаромъ, увѣрившимъ его, что какъ скоро въ Россіи будетъ Государь предприимчивый и доблестный, легко будетъ возвратить Кіевъ со всѣми областями, въ бѣдственные времена покоренными Поляками. Тарбеевъ хотѣлъ повторить вопросъ свой, но племянникъ его Борисъ, сидѣвшій возлѣ него, что-то шепнулъ ему. Это не скрылось отъ Ляпунова, котораго вниманіе никогда не ограничивалось однимъ предметомъ.

— Кажись, сказалъ онъ, величаво оборотятся къ старику Тарбееву: тебѣ хочется знать, Андрей Потаповичъ, когда пріѣдетъ сюда жена моя? Не прежде какъ мы истребимъ Тушинскаго вора, и святую Русь до конца очистимъ отъ поганой Литвы; дотолѣ, я себя считаю не воеводою мирнаго города, а ратникомъ на бранномъ полѣ. И князь Михайло Васильевичъ не возитъ съ собою свою супругу заботясь о дѣлѣ общемъ; а мнѣ и подавно нейдетъ сидѣть обнявшись съ женою: она бы только связала мнѣ руки, если, чего оборони Боже, проберутся къ намъ враги.

Всѣ съ ужасомъ перекрестились.

— Это дѣло возможное, продолжалъ Ляпуновъ съ задумчивостью, но гдѣ опасно быть женщинѣ молодой и пригожей, тамъ славно учиться отрокамъ. Сыну моему минуло семь лѣтъ; въ эти

годы Казацкіе дѣти скачутъ на лихихъ коняхъ и стрѣляютъ не хуже отцовъ. Виноватъ я передъ Володею, что слишкомъ долго оставилъ его на женскихъ рукахъ. Все хотѣлъ самъ за нимъ съѣздить, но не могъ улучшить времени; если и теперь не скоро это удастся, попрошу кого-нибудь изъ пріятелей привезти его сюда.

— Сватъ мой, Агафонъ Семеновичъ, видѣлъ прошлую зиму сына твоего, бояринъ, сказалъ одинъ гость, и не могъ надивиться какъ онъ съ тобою схожъ, такъ и вылить, говорить, весь въ твою милость.

— Да, онъ похожъ на меня лицомъ, сказалъ Ляпуновъ, авось будетъ похожъ и душою, будетъ также готовъ всѣмъ жертвовать отчизнѣ, будетъ славиться именемъ Русскаго!

Онъ говорилъ это улыбаясь, прекрасное лицо его было озарено сердечнымъ удовольствіемъ, румянецъ игралъ на свѣжихъ щекахъ его, но вдругъ онъ вообразилъ, что сынъ его можетъ имѣть низкія свойства матери; сердце его замерло, во взорахъ изобразилась мрачная суровость. Онъ съ отчаяньемъ и ужасомъ посмотрѣлъ около себя, какъ будто ожидая, что кто-нибудь подтвердитъ пагубную мысль.

Между тѣмъ по его приказанію знакомецъ раз-

носилъ вино за здоровье Государя, и почти никто не примѣтилъ, какъ воевода внезапно сталъ печалень и блѣдень, но его самого поразило имя Царя', провозглашенное въ ту минуту, когда на душу его пала нестерпимая тоска. И онъ платилъ дань своему вѣку, или, лучше сказать, люди пылкіе и чувствительные во всѣ вѣка поддаются суевѣрнымъ мечтамъ. Ляпуновъ подумалъ, что онъ справедливо почитаетъ Василія Іоанновича всегдашнимъ своимъ гонителемъ. Глаза его засверкали, онъ дрожащею рукою отеръ съ лица холодный потъ.

Обѣдъ продолжался нѣсколько часовъ. Когда онъ кончился, многіе гости съ трудомъ поднялись и, опрокинувъ лавки, загородили выходъ изъ столовой. Трезвые и нетрезвые стѣснились вмѣстѣ, одни превозносили угощеніе воеводы, другіе говорили, что онъ обыкновенно гостей уподчуетъ до упаду, а самъ едва прихлебываетъ изъ кубковъ, какъ будто ему про себя жаль, крѣпкихъ медовъ и дорогихъ винъ.

— Иной подумаетъ, что Прокофью Петровичу нужно вывѣдать все что у насъ на душахъ, но что свою душу онъ никому не хочетъ открыть, сказалъ стрѣлецкій сотникъ, который одинъ только изъ всего общества подозрѣвалъ, что поступки

Ляпунова не всегда основаны на безкорыстной заботливости о благѣ общемъ.

— Эй ты, Москвичъ, грубо отвѣчалъ высокій, полный Рязанецъ, коли у тебя черна совѣсть и боишься выболтать лишнее, кто велѣлъ тебѣ до дна опорожнивать кубки. Прокофій Петровичъ никому не льетъ вино силою въ горло, за то и самъ онъ не похожъ на вашихъ бояръ, не покажется подъ столъ, не потащатъ его на рукахъ изъ гостей холопы. Кабы не вѣдь какъ приключилась съ нимъ такая бѣда, онъ бы съ горя утопился, или ушелъ бы постричься въ Соловки.

— Славный былъ бы чернецъ; не отцу Уаручета, сказалъ усмѣхаясь сотникъ.

— Никакъ ты издѣваешься надъ нашимъ воеводою, съ бѣшенствомъ возразилъ другой Рязанецъ, еще рослѣе и плотнѣе перваго, берегись, братъ, помыслить, что его милости было бы легко осрамить себя. Онъ не станетъ самъ марать о тебя руки, но за него есть кому зажать рты безмозглымъ болтунамъ, такъ, что развѣ на второмъ пришествіи опять залечатъ мерзкіе языки ихъ!

Сотникъ остолбенѣлъ; дерзкія угрозы не устрашили его, онъ бы не побоялся помѣриться съ тремя сильными противниками, но какое-то плачевное предчувствіе стѣснило ему душу; онъ вспо-

мнилъ , что Ляпуновъ предлагалъ вѣнецъ князю Скопину, и съ невольною, неизъяснимою тоскою подумалъ, что въ Москвѣ не такъ скоро вступятся за Царя, какъ въ Рязани за воеводу.

Поблагодаривъ воеводу за угощеніе , монахъ Уаръ предложилъ ему доставить письмо, живущему въ Москвѣ, старшему брату его Захарію Петровичу. Охотно согласившись на это , воевода въ короткихъ словахъ увѣдомилъ брата, какъ провелъ онъ день своего рожденья, и намекнувъ ему, чтобы онъ старался познакомиться съ Уаромъ и наблюдалъ за его поступками, отдалъ письмо свое вмѣстѣ съ тяжелымъ кошелькомъ. Уаръ принялъ безъ отговорки богатый даръ, и простясь съ воеводою пошелъ къ богатому купцу, обѣщавшему взять его съ собою въ Москву.

Ляпуновъ пригласилъ гостей своихъ на улицу, гдѣ веселился народъ. Тамъ было много пьяныхъ, но молодого воеводу любили и боялись , и при немъ не бывало ссоръ и дракъ которыми часто оканчиваются празднества черни; товарищи тотчасъ уводили неугомонныхъ, и они сами покорялись даже своимъ дѣтямъ, когда тѣ стращали ихъ гнѣвомъ Прокофья Петровича. Сѣвъ на широкую лавку , окруженный пріятелями , Ляпуновъ ласково разговаривалъ со всѣми къ нему подхо-

дившими , и съ истиннымъ удовольствіемъ смо-
трѣлъ на уподчиванныя щедро толпы, которыхъ
одинъ веселый часъ достаточно награждалъ за
многодневные труды. Онъ почти завидовалъ ихъ
беззаботности о будущемъ, и что ихъ желанія по
большой части ограничиваются пропитаніемъ се-
мействъ ихъ.

ГЛАВА III.

=

Доколь владычество и славу
Коварство! будешь присвоять?

.....

.....

Ты влило въ насъ свою отраву;
Любить прельстило злую славу
И буйную господства страсть;
Разбой вмѣняютъ тамъ въ геройство,
Жизнь безначальную въ спокойство....

Державинъ.

Tout ce qu'ils veulent, c'est le pouvoir. Le salut ou la perte de la France leur paraît tenir à la perte ou à la conservation de leur place.

Châteaubriand.

День рожденія Рязанскаго воеводы усердно праздновали во всѣхъ концахъ города. Солнце сѣло за густыми тучами, съ трудомъ можно было распознавать лица, но по улицамъ еще долго продолжались игры и пѣсни. Наконецъ народъ разошелся по домамъ; глубокая тишина смѣнила шумное веселіе; огни погасли. Только въ одномъ окнѣ у воеводы, сквозь прорѣзанное въ ставнѣ сердце, видѣнъ былъ яркій свѣтъ. Подъ этимъ

окномъ остановился конникъ. Служители крѣпко спали; никто не видалъ прїѣзжаго, никто не слыхалъ какъ онъ подѣхалъ; только у воротъ крѣпости хотѣли его остановить; но онъ приподнялъ упавшую на глаза шапку, тихо сказалъ нѣсколько словъ, и стражи поспѣшили пропустить его; на дворѣ бросились на него собаки, но тотчасъ отбѣжали, и какъ будто чего испугавшись, робко смотрѣли на молодого гостя. Полный мѣсяцъ, выкатясь изъ-за облаковъ, съ головы до ногъ освѣтилъ конника. Лишь по блеску глазъ и по тяжелымъ вздохамъ походилъ онъ на живаго, но нельзя было сомнѣваться, что онъ или жертва злодѣянїя, или самъ злодѣй, такъ мраченъ былъ взоръ его, такъ глубоки были морщины около блѣдныхъ его губъ. Опустивъ поводъ, чудный прїѣзжій долго глядѣлъ на освѣщенное окно, какъ будто ожидая оттуда привѣтнаго голоса. Нетопыри летали надъ нимъ задѣвая его крыльями, но онъ не примѣчалъ ихъ; вѣтеръ сорвалъ съ него шапку, но онъ этого не почувствовалъ; наконецъ пошелъ крупный дождь и онъ опомнился.

— Нѣчего медлить, прошепталъ онъ; хоть цѣлый годъ простою здѣсь не придумаю ничего, и сошедъ съ коня, утомленный дальнимъ путешествіемъ, или изнемогая отъ скорби душевной, ша-

таясь подошелъ къ собору Архангела Михаила, находившемуся противъ занимаемаго воеводою, прежде бывшаго жилища Рязанскихъ князей. Окна въ немъ были такъ высоки, что невозможно было взглянуть на внутренность храма и узнать передъ какими иконами усердіе прихожанъ зажгло лампы. Видя только мрачныя стѣны, горестный юноша нѣсколько разъ перекрестился, самъ не зная о чемъ онъ молится, или, лучше сказать, ни о чемъ не молясь, ничего не желая. Онъ почти не вѣрилъ, что не во снѣ, а на яву, стоитъ между съ незапамятныхъ временъ существующимъ соборомъ и столь же древнимъ дворцомъ, гдѣ нѣкогда вѣроломный Олегъ, изъ страха и корысти, клялся былъ ревностнымъ сподвижникомъ, терзавшихъ Россію Татаръ; гдѣ потомъ кровожадный Болотниковъ старался воцарить Жида, въ надеждѣ чрезъ позоръ и гибель согражданъ, провести жизнь среди величія и роскоши, бывшихъ недоступными его роду; гдѣ наконецъ Прокопій Ляпуновъ, исполненный ума и мужества, былъ покоренъ Царю, только изъ преданности къ князю Скопину-Шуйскому. Опасаясь гнѣва оскорбленнаго имъ Государя, ненавидя брата его князя Дмитрія, Прокопій развлекалъ мрачныя думы свои надеждою, что Василій Іоанновичъ, одряхлѣвъ отъ старости и скорбныхъ заботъ, не мо-

жетъ долго прожить, что ему скоро будетъ преемникомъ племянникъ его князь Михаилъ. Это казалось ему вѣрно, несомнѣнно, онъ нетерпѣливо ждалъ объ этомъ извѣстія, удивлялся, скучалъ, досадовалъ, что оно не приходитъ.

Уже было за полночь, но воевода сидѣлъ еще за столомъ, на которомъ горѣли двѣ свѣчи. Около него была куча писемъ, заготовленныхъ имъ для отсылки съ молодыми Тарбеевыми. Не сомнѣваясь, что они вѣрно исполнятъ его порученія, Ляпуновъ съ ними писалъ къ князю Михаилу, къ брату своему Захарью Петровичу, и къ нѣкоторымъ любимцамъ Царскимъ, имѣвшимъ скрытную, но тѣсную съ нимъ дружбу. Запечатавъ письма, онъ хотѣлъ до утра убрать ихъ въ ларецъ, вдругъ отворилась дверь, и онъ увидѣлъ племянника, который, по полученнымъ имъ извѣстіямъ, долженъ былъ находится при князѣ Скопинѣ, отправившемся подъ Смоленскъ.

— Ты ли, это Федоръ? вскричалъ воевода, едва вѣря глазамъ своимъ, что къ нему вошелъ сынъ брата его Захарья Петровича, блѣдный, посинѣлый, со впалыми глазами, со врѣзавшеюся во всѣ черты безнадежностью.

Юноша бросился въ объятія дяди, прижался къ его груди и безмолвно рыдалъ.

— Откуда ты?... Зачѣмъ?... спросилъ воево-

да, почти не сомнѣваясь, что племянникъ скажетъ ему о кончинѣ отца, не воображая, чтобы что-нибудь иное могло такъ измѣнить его. Онъ горячо любилъ брата, но ему казалось непонятно, почему Федоръ, лишившись отца тотчасъ разстался съ матерью; почему онъ искалъ отрады въ бесѣдахъ съ дядею, а не на ратномъ полѣ, не среди опасностей. Приѣздъ его не могъ усладить горестнаго событія: воевода предпочелъ бы узнать о немъ отъ постороннихъ; его могла утѣшить только надежда, что племянникъ его будетъ также предприимчивъ, также непоколебимъ въ своихъ намѣреніяхъ какъ отецъ его.

— Ради Царя небеснаго, не томи меня, Федоръ, вскричалъ воевода: увѣдомь поскорѣе, давно ли ты изъ дома, какъ оставилъ отца и мать?

Какъ будто не ожидавъ этого вопроса, юноша поднялъ голову и отвѣчалъ, что родители его слава Богу живы и здоровы.

— Такъ о чемъ же ты крушишься! сказалъ Ляпуновъ, радостно перекрестясь, и воображая, что его племянникъ, пылкій и неосторожный, чѣмъ-нибудь раздражилъ Царя, старался его увѣрить, что за него будетъ ходатаемъ князь Скопинъ.

Юноша упалъ на колѣна передъ образами, и

задыхаясь отъ слезъ, сказалъ наконецъ, чтобы дядя съ нимъ молился о душѣ князя Михаила.

Воевода вскрикнулъ какъ безумный; его какъ будто ослѣпила молнія; онъ какъ будто провалился въ глубокую, страшную пропасть; глаза его разбѣгались по комнатѣ; но онъ не видалъ ничего, ни свѣчъ, ни иконъ, ни племянника. Нѣсколько минутъ онъ былъ въ этомъ положеніи, страдая всею душою, всѣми чувствами, но не понимая отъ чего онъ страдаетъ. Мало-по-малу онъ сталъ распознавать предметы, сталъ вспоминать прошедшее, постигать будущее. Онъ взглянулъ на иконы и отворотился, увидѣлъ племянника и приказалъ ему рассказать подробно все происшедшее въ Москвѣ. Юноша исполнилъ его волю. Ужасенъ былъ рассказъ его, ужасно было вниманіе воеводы. У него жгло и рвало сердце, ноги и руки его леденѣли, но онъ не сводилъ глазъ съ племянника, ловилъ каждое его слово, не пенялъ ему, что онъ повторяетъ одно и то же, не прерывалъ его ни движеніемъ, ни вздохомъ.

Свѣчи нагорѣли, одна изъ нихъ оплыла и погасла; подъ толстыми, неровными сводами, стало въ горницѣ душно и темно. У Федора кружилась голова; онъ съ трудомъ окончилъ плачевное повѣствованіе. Воевода не трогался съ мѣста; страшныя слова звенѣли въ ушахъ его; мрачныя при-

зраки мелькали передъ нимъ. Онъ долго молчалъ, долго не могъ выразить чувствъ своихъ; но чувствовалъ, но былъ несомнѣнно увѣренъ, что полученная имъ вѣсть погубить Россію, погубить его самого на всю жизнь, на всю вѣчность. Онъ былъ подобенъ грозному духу, отверженному Небомъ, отрекшемуся отъ благополучія. Его мрачная, безмолвная горестъ поразила юнаго его племянника несравненно болѣе рыданій и жалобъ, которыхъ онъ въ Москвѣ и по дорогѣ ежеминутно былъ свидѣтелемъ: она стѣснила его душу, изсушила его слезы. Онъ не могъ безъ трепета смотрѣть на лице дяди, прекрасное, но совершенно помертвѣвшее; на бѣлыя, сжатые его губы, въ которыхъ изображалось отчаянье безпредѣльное; на его глаза, которыхъ блескъ свидѣтельствовалъ вражду непримиримую.

— Онъ занемогъ въ домѣ Дмитрія Шуйскаго, онъ умеръ, его похоронили; что же теперь дѣлаетъ Василій Ивановичъ? спросилъ воевода съ наружнымъ хладнокровіемъ, какъ будто покоряясь волѣ Всемогущаго. Голосъ его былъ твердъ, но это былъ не его голосъ: онъ также измѣнился, какъ и черты его; родной его братъ, неожиданно съ нимъ встрѣтись, едва ли бы узналъ его.

— Государь горько плачетъ, отвѣчалъ Федоръ.

— Пустое, вскричалъ Ляпуновъ, съ бѣшенствомъ

ударивъ по столу: Шуйскій смѣется. Но не долго онъ будетъ смѣяться! прибавилъ онъ, вскочивъ съ мѣста, и выбѣжавъ изъ комнаты сталъ сзывать своихъ домашнихъ.

Крикъ его скоро всѣхъ разбудилъ, и жившіе при немъ дворяне и служители, не сомнѣваясь, что горитъ домъ, или забрались воры, поспѣшили на помощь. Одни хватали оружіе, другіе хлопотали о водѣ, третьи не находили въ потьмахъ дверей, и толкая другъ друга на лѣстницахъ, умножали общее волненіе и суматоху. Въ обширной столовой, гдѣ за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ, разряженные въ парчу и бархатъ гости весело пировали, собралась толпа полуодѣтыхъ людей съ встревоженными лицами. Воевода, не снимавшій съ себя праздничнаго кафтана, поднялъ стоявшій на полу ночникъ, чтобы узнать, кто всѣхъ скорѣе къ нему явился, и приказалъ тотчасъ позвать къ нему его пріятелей и высшихъ сановниковъ, а духовенство, воиновъ и гражданъ собрать его именемъ въ соборъ Архангела Михаила и во всѣхъ церквахъ звонить въ колокола. Присутствующіе обомлѣли. Они подумали, что воевода не доживетъ до утра, что ядъ жестокій, неисцѣлимый, обезобразилъ черты его, помрачилъ его разумъ. Но его приказаніе по обыкновенію было немедленно исполнено, и едва служители успѣли освѣ-

титъ домъ, пріѣхали трое Тарбеевы, а въ слѣдъ за ними старикъ Пешковъ, Сунбуловъ и многіе другіе.

— Друзья мои! вскричалъ Ляпуновъ, увидя молодыхъ Тарбеевыхъ: искренно ли вы любили князя Михайла Васильевича?

— Любили ли мы его?— Дозволь сказать, Прокофій Петровичъ, чуденъ такой вопросъ. Мы любимъ и всегда будемъ любить боярина, какъ отца и благодѣтеля, отвѣчалъ Борисъ Тарбеевъ.

— Кто только въ лице знаетъ его милость, всякъ радъ за него положить свою голову, прибавилъ младшій братъ.

— Отмстите же смерть его, вскричалъ Ляпуновъ: не допустите враговъ его веселиться!

Роковыя слова прогремѣли какъ труба, зовущая на гибельный бой. Нѣсколько минутъ всѣ молчали, но вдругъ раздались яростные крики. Не сомнѣваясь, что Поляки или Шведы умертвили князя Михайла, старики и молодые клялись всѣхъ ихъ истребить лютымъ образомъ.

— Кровь за кровь, измѣна за измѣну! вопили со всѣхъ сторонъ.

— Не Ляхи и не Нѣмцы намъ позавидовали; сами Русскіе, своими руками погубили себя и навѣкъ опозорили, сказалъ Ляпуновъ.

— Докончи, Прокофій Петровичъ, вскричалъ

старикъ Пешковъ: скажи скорѣе, какой злодѣй извелъ вождя нашего? Не пощадимъ ни друга, ни сродника!

— Нѣтъ, нѣтъ, возразилъ кто-то въ толпѣ: наша братья, простые дворяне, не могли и помыслить о такомъ душегубствѣ; мы привыкли жертвовать родинѣ, не избытками, а послѣднимъ кускомъ своимъ и самою жизнію! Князю Михаилу Васильевичу давно ревновали бояре....

— И Василій Шуйскій, прибавилъ Ляпуновъ могильнымъ голосомъ.

При этомъ имени всѣ снова онѣмѣли. Воевода, въ короткихъ, но сильныхъ словахъ объявилъ, что князь Скопинъ былъ отравленъ въ домѣ дяди своего князя Дмитрія Шуйскаго, на что, по его увѣренію, самъ Царь былъ согласенъ *).

— Товарищи! продолжалъ онъ: вамъ должно вступить за честь родной земли; вы должны заботиться о ея благѣ; вы доказали уже, что любите ее больше всѣхъ Русскихъ гражданъ; вы горячо желали имѣть Государемъ того, кѣмъ была спасена и прославлена Русь. Ваше усердіе погубило его....

— И мы сами пропали, вскричалъ Сунбуловъ: Царь....

*) Карамзинъ. Исторія Государства Россійскаго. Томъ XII, глава IV.

— Но откуда пришли эти вѣсти? перервалъ старикъ Тарбеевъ, съ содроганіемъ замѣчая, какое сильное впечатлѣніе рѣчи Ляпунова производили на юныхъ и неопытныхъ его племянниковъ. Воля твоя, Прокофій Петровичъ, тебя обманули злые люди, не можетъ статься, чтобы...

Схвативъ за руку Ѳедора Ляпунова, воевода толкнулъ его на средину комнаты.

— Вотъ вамъ живой свидѣтель, сказалъ онъ, всего, что было въ Москвѣ! Онъ обѣдалъ у Дмитрія Шуйскаго вмѣстѣ съ усопшимъ княземъ! Онъ видѣлъ, какъ ему подносила медъ проклятая его тетка! Онъ первый замѣтилъ, какъ у кроткой жертвы измѣнился ангельскій ликъ! Онъ вмѣстѣ съ окольнымъ Головинымъ и воеводою Тишинымъ провожалъ его домой! Онъ несъ его на рукахъ! Онъ былъ облитъ его кровью! Онъ видѣлъ и то, рыдая прибавилъ Ляпуновъ, какъ пріобщась Святыхъ Тайнъ, безцѣнный защитникъ нашъ, единая наша надежда, на вѣки покинулъ родину и друзей; какъ отъ внезапной, невоображаемой горести обезумѣла его супруга. Ѳедоръ все это видѣлъ своими очами; онъ слышалъ какъ объ этомъ судили и Русскіе и Нѣмцы; онъ вырвался изъ Москвы какъ изъ тюрьмы, и простившись только съ отцомъ, дѣлившимъ его чувства, пріѣхалъ сюда, чтобы не слышать какъ Василья ве-

личаютъ Царемъ, не встрѣчать брата его Дмитрія! Пусть скажутъ, что онъ бѣжалъ отъ рати, мы не сочтемъ этого за безчестье; безчестенъ только тотъ, кто послѣ всего, что случилось, будетъ слушаться Шуйскаго!

Кромѣ двухъ или трехъ человѣкъ всѣ Рязанцы съ жаромъ повторили послѣднія слова. Минутная нерѣшимость ихъ исчезла, умы воспламенились; одни горько оплакивая смерть обожаемаго героя, считали священнымъ долгомъ мстить за нее; другіе, страшась Царскаго гнѣва, спѣшили измѣною его предупредить.

— Я не дивлюсь твоей печали, Прокофій Петровичъ, сказалъ стрѣлецкій сотникъ, справедливо подозрѣвавшій, какъ сказано выше, что Ляпуновъ разлюбилъ вино, боясь невольно открыть свои тайныя чувства; я бы самъ ушелъ на край свѣта только бы не слышать сказанной тобою вѣсти. Не дивлюсь я и тому, что племянникъ твой, Федоръ Захарычъ, повѣрилъ Московскимъ толкамъ. Мы не въ его были годы, а повѣрили, что Гришка Отрепьевъ, а потомъ Тушинскій воръ, точно Царевичъ Дмитрій. Но каково намъ было послѣ, когда узнали правду! Что бы и теперь не нажать вѣчныхъ себѣ укоръ! Ты въ десять разъ меня умнѣе, Прокофій Петровичъ, изволь самъ разсудить: захочетъ ли кто отсѣчь себѣ правую

руку? Не наслѣдства ждалъ Государь Василій Ивановичъ отъ князя Михайла Васильевича; не царство послѣ него доставалось: изъ чего было ему искать его смерти?

— Изъ зависти! запальчиво вскричалъ Ляпуновъ. Если бы Василій Шуйскій не завидовалъ князю Михайлу Васильевичу, если бы онъ цѣнилъ его умъ и дорожилъ его заслугами, онъ бы не сталъ его держать въ Москвѣ, когда онъ со слезами просился, чтобы его скорѣе отпустили выручить Смоленскъ. Если бы онъ не радовался его кончинѣ, если бы онъ былъ непричастенъ злодѣйству брата своего Дмитрія и жены его, онъ велѣлъ бы ихъ судить всенародно! Онъ бы попрежнему, какъ во времена голода, явился бы на лобномъ мѣстѣ, надѣясь, что искренняя скорбь его смирить взволнованныхъ гражданъ!

Слова эти довершили убѣжденіе Рязанцевъ. Ляпуновъ окинулъ ихъ глазами, и мрачно улыбнулся, увѣрившись, что онъ не напрасно старался изучить ихъ свойства, умы и чувства; что ему совершенно извѣстно, какъ растрогать сердца ихъ и распалить ихъ страсти; что они всегда будутъ покорны его волѣ.

Прижавшись къ стѣнѣ, стрѣлецкій сотникъ угрюмо смотрѣлъ на Ляпунова. Близъ него старикъ Тарбеевъ стоялъ потупивъ глаза; крупныя

слезы струились по щекамъ его; онъ не умѣлъ отчетисто доказать, какъ поступки воеводы кажутся ему дерзки и преступны, но предвидѣлъ новыя бѣды для отечества, и его терзала мысль, что дѣти брата его, имъ выращенныя и взлелѣянныя, будутъ участниками смуть и крамоль.

— Довольно наказаны мы за грѣхи наши кончиною князя Михайла Васильевича! сказалъ онъ наконецъ, не ожидая, чтобы слова его тронули ожесточеннаго воеводу, но въ надеждѣ, что онѣ подѣйствуютъ на его племянниковъ. Смиримся передъ Царемъ Небеснымъ, да будетъ во всемъ Его святая воля! Господу Богу угодно было отозвать къ себѣ нашего защитника и избавителя, онъ вѣрно занемогъ отъ трудовъ, или, можетъ быть, отъ простуды, горячкою....

— Горячкою! сурово возразилъ Ляпуновъ: развѣ умираютъ горячкою въ пол-сутки? Развѣ Царь Борисъ Ѳедоровичъ отъ горячки изошелъ кровью? И самъ Василій Шуйскій не придумалъ сказать, что его племянникъ умеръ горячкою, а ему, кажись, всѣхъ нужнѣе было этимъ оправдать себя, и брата своего Дмитрія, которому онъ собирается передать престолъ. Но этому не бывать, прибавилъ Ляпуновъ, возвысивъ голосъ: Богъ и вѣрные сыны отечества этого не допустятъ!

— Кто же будетъ у насъ Царемъ? спросилъ молодой дворянинъ.

— А кого пошлетъ Богъ; кого православные изберутъ всѣмъ міромъ, отвѣчалъ Ляпуновъ. Теперь нашъ долгъ отмстить смерть праведника: теперь должны мы доказать, что предлагая вѣнецъ князю Михайлу Васильевичу, мы самому Василью Ивановичу желали добра. Давно терпѣли власть его, только ради его племянника; давно слушая, какъ въ церквахъ провозглашали Царя Василья, въ душѣ всѣ чтили Царемъ Михаила и молились только за него!

Всюду распространившись, колокольный звонъ, сопровождаемый бурнымъ вѣтромъ, плачевно оглашалъ городъ; казалось и небо и земля вмѣстѣ стонали, живо участвуя въ невозвратной потерѣ. Ляпуновъ поспѣшилъ въ соборъ, гдѣ встревоженные граждане нетерпѣливо ждали его. Затѣсенная людьми обширная комната въ одну минуту опустѣла: въ ней остались только стрѣлецкій сотникъ и Зарайскій помѣщикъ со своими племянниками, которыхъ онъ не допустилъ слѣдовать за воеводою, взявъ обоихъ за руки. Они не могли рѣшиться его оттолкнуть, но на лицахъ ихъ ясно изображалось, что не переставъ еще любить ближайшаго своего родственника и благодѣтеля, они твердо рѣшились не слушаться его совѣтовъ.

— Помилуй, дядя, сказалъ Борисъ Тарбеевъ: время ли теперь толковать намъ между собою? Надо поспѣшить въ соборъ, чтобъ не начали безъ насъ панихиду.

— Видитъ Богъ, дѣтушки, меньше ли мнѣ вашего хочется молиться за князя Михайла Васильевича; пока живъ, буду поминать его, какъ отца роднаго, отвѣчалъ старикъ. Я не надолго остановилъ васъ, чтобъ взять только съ васъ слово, что вы какъ собрались, такъ и поѣдете утромъ въ Москву, на службу Государю Василью Ивановичу.

— Мы уже не слуги ему, возразилъ Борисъ: избави насъ Боже подать стаканъ воды тому, кто велѣлъ опоить любимаго вождя нашего!

— Друзья мои, не вѣрьте въ этомъ Прокофью Петровичу; не берите на душу тяжкаго грѣха! Не наше дѣло судить Царей, мы клялись именемъ Христа Спасителя во всемъ слушаться Василья Ивановича, и должны до конца дней нашихъ хранить данную ему присягу.

— Онъ самъ насъ разрѣшилъ отъ нее; онъ самъ будетъ за все отвѣчать Богу! Не держи насъ по пустому, дядя; не лишай насъ отрады отдать послѣдній долгъ князю Михайлу Васильевичу, а новаго вождя нашего увѣрить въ нашемъ истинномъ усердіи.

Сказавъ это, Глѣбъ Тарбеевъ хотѣлъ вырвать у дяди руку, но старикъ, не выпустивъ ее, залился слезами.

— Не ждалъ я, и не думалъ, сказалъ онъ, что на старости лѣтъ будетъ мнѣ такая отъ васъ награда за горячую любовь мою и за мои заботы, что вы меня промѣняете на перваго молодца, который приголубить васъ! Давно ли узнали вы Прокофья Петровича, а ужъ онъ вамъ дороже меня, и не жаль вамъ на вѣкъ со мною разстаться!

— У насъ и въ умѣ этого не бывало, государь дядюшка, сказалъ Борисъ Тарбеевъ; и безъ того намъ больно тошно, а ты еще клепнешь на насъ по напрасну.

— Будьте вѣрны Государю, и я самъ поѣду съ вами въ Москву. Если же останетесь съ Прокофьемъ, забудьте, что я вамъ дядя; я бунтовщиковъ не пушу къ себѣ на дворъ, съ твердостью сказалъ Андрей Потаповичъ, но выговоривъ слова эти почти безъ чувствъ упалъ на лавку.

Горестъ старика живо тронула его племянниковъ. Чтобы успокоить его они охотно бы отказались отъ богатаго наслѣдства, но ни для кого въ мірѣ, ни за какія блага, не могли они остаться праздными свидѣтелями бѣдственной кончины князя Михаила. Одна мысль, что онъ былъ жертвою

неблагодарности и зависти его ближнихъ, приводила ихъ въ изступленіе, и они со всею пылкостью юныхъ лѣтъ своихъ готовились быть ревностными сподвижниками Прокопія Ляпунова.

Сотникъ подошелъ къ молодымъ Тарбеевымъ.

— Всѣмъ извѣстно, сказалъ онъ, что здѣшній воевода любилъ князя Михайла Васильевича; но не объ немъ одномъ теперь онъ горько плачетъ: онъ пуще того боится, чтобы Государь не взыскалъ съ него старыя вины. Нѣчего сказать, Прокофій Петровичъ на диво уменъ и красивъ, хоть кого обворожить! Но упаси Боже дать ему большую волю, тотчасъ поставитъ все вверхъ дномъ. Я не побоялся въ глаза ему напомнить, какъ онъ распоряжался за три года передъ этимъ. Вы только слышали о дѣлахъ его, а я самъ видѣлъ, какъ по его приказу, заковавъ въ желѣза, отослали въ Путивль на смерть, Никиту Измайлова, князя Гаврилу Каркадинова, князя....

— Не кстати поминать это, перервалъ Борисъ Тарбеевъ: тогда было время, теперь иное. Коли кто страдалъ тогда напрасно, не Прокофій Петровичъ, а старшіе надъ нимъ, князья Мосальскій и Телятевскій, особенно же Ванька Болотниковъ, были тому виною.

— Есть о чемъ каяться и Прокофью Петровичу, возразилъ сотникъ, и сталъ убѣждать моло-

дыхъ людей вмѣстѣ съ нимъ немедленно отпра-
виться въ Москву. Не внимая словамъ его, они
пошептались между собою и поцѣловавъ у дяди
руки, просили его обнять ихъ и благословить.
Не сомнѣваясь, что они почувствовали свое за-
блужденіе, Андрей Потаповичъ прижалъ ихъ къ
своей груди, съ умиленіемъ на нихъ призывая
благословеніе Божіе.

— Теперь прощай, вскричалъ Борисъ; прощай
надолго. Мы исполнимъ волю твою, не покажем-
ся тебѣ, пока самъ не позовешь насъ, но мы всю-
ду будемъ тебя помнить и усердно о тебѣ мо-
литься!

Съ этими словами оба брата исчезли изъ ком-
наты.

— Злодѣи! вскричалъ старикъ, до глубины ду-
ши пораженный неожиданною развязкою. Несчаст-
ные, прибавилъ онъ, простирая руки къ ико-
намъ, и мысленно моля Всемогущаго не обремен-
ять своимъ гнѣвомъ, навсегда отравившихъ жизнь
его, но все еще ему любезныхъ братниныхъ сы-
новей.

Они не слышали его горестныхъ воплей, они
бѣжали въ соборъ какъ дикіе кони, вырвавшись
изъ неволи, не чувствуя земли подъ собою, стра-
шась опоздать одной минутой. Имъ казалось, что
если они не поспѣютъ къ панихидѣ, ихъ вѣчно

будетъ преслѣдовать тѣнь князя Михаила, укоряя въ виновномъ равнодушіи, что Ляпуновъ не захочетъ вѣрить преданности ихъ, что всѣ добрые граждане будутъ справедливо ими гнушаться. Они бросились какъ полоумные среди народа, съ яростными восклицаніями тѣснившагося между соборомъ и дворцомъ, и съ восторгомъ узнали, что панихида еще не началась. Но тщетно старались они раздвинуть сомкнувшіяся толпы, упорное желаніе ихъ достигнуть, по крайней мѣрѣ, дверей храма, едва не стоило имъ жизни. Борисъ долго послѣ сего не владѣлъ лѣвою рукою, а у Глѣба половина лица почернѣла отъ чьего-то невольнаго, но сильнаго удара.

Вдругъ слышалось, что воевода хочетъ выйти на улицу; всѣ взволновались, и Тарбеевыхъ, какъ говорится, на плечахъ отнесли изъ тѣснаго переулка на площадь. Тамъ было просторнѣе, и имъ удалось чрезъ среднюю дверь войти въ соборъ, но по малому его пространству, ихъ и тамъ скоро такъ придавили къ стѣнѣ, что они совершенно лишились надежды увидѣть происходящее впереди. Борисъ Тарбеевъ страдалъ отъ этого несравненно болѣе, нежели отъ вывихнутой руки его; душевное раздраженіе заглушало въ немъ всѣ прочія чувства, и онъ рѣшился во что бы ни стало освободиться отъ мучительнаго положенія.

Вспомнивъ , что близко отъ входа архіерейская гробница, онъ предложилъ сосѣду своему на нее стать , и когда тотъ утѣшилъ мысли топтать прахъ святительскій, Борисъ упробивъ его на минуту пониже нагнуться, черезъ него вскочилъ на гробницу: братъ его послѣдовалъ его примѣру, и въ то же время снаружи, по приставленной прежде для починокъ лѣстницѣ , нѣсколько человѣкъ взобрались на окна и ухватясь за рѣшетки выбили стекла , подобно Тарбеевымъ, жадно стремясь узнать, что дѣлаетъ воевода.

Блѣдный , изстуженный , Прокопій Ляпуновъ стоялъ предъ алтаремъ ; судьба его была рѣшена, онъ былъ главою мятежниковъ. Кромѣ малаго числа духовныхъ, Рязанцы, вообще увѣренные, что воевода вступается за осиротѣвшее отечество, поклялись не щадить, ни имущества , ни жизни, чтобы отмстить смерть князя Михаила. Молчаніе Ляпунова было также убѣдительно , какъ и лившіяся передъ тѣмъ рѣкою горячія слова его. Страшна, неимовѣрна была перемѣна его лица, еще вечеромъ блистало оно красотою и свѣжестью, а ночью было истомлено и обезображено, какъ лице узника, проведеннаго много лѣтъ въ тяжкомъ заточеніи. Многіе думали и говорили, что и его хотѣли отравить, но что по особенной благодати Божіей онъ выпилъ только половину поднесеннаго ему яду ,

и есть надежда, что онъ будетъ живъ, но вѣрно будетъ страдать во всю жизнь. Эти толки, мало-по-малу распространяясь между народомъ, умножали отчаянье его и ярость; нѣкоторые кричали, чтобы воевода скорѣе велъ ихъ въ Москву, что они размечутъ по камнямъ злѣйскій городъ, гдѣ никто не защитилъ несравненнаго вождя, гдѣ хотятъ истребить всѣхъ, кто стоитъ за святую Русь.

Архіепископъ Оеодоритъ, за три года передъ тѣмъ посвященный патріархомъ Ермогеномъ, подошедъ къ Ляпунову, съ кротостью убѣждалъ его помнить обязанности христіанина. Глаза воеводы загорѣлись; казалось изъ нихъ посыпались искры.

— Не трать безъ пользы время, владыко, сказалъ онъ: поздно теперь учить меня! Зачѣмъ прежде не научилъ Шуйскихъ, какъ грѣшно заводить ближнему, какъ страшно губить защитника отечества! Будь увѣренъ, что не я только, не одни здѣшніе граждане, вся Русь святая поднимется на убійцъ князя Михайла Васильевича!

— И должна на нихъ подняться! свирѣпо закричали люди разныхъ лѣтъ и званій.

— Пора начать панихиду, сказалъ Ляпуновъ.

Стоявшіе на возвышенной гробницѣ Тарбеевы, повторили слова эти, и буйные вопли на время умолкли въ церквѣ и на улицѣ.

Вмѣстѣ съ архіереемъ были въ соборѣ, со мно-

гими ієромонахами и ієродіаконами, архимандриты находившихся въ крѣпости монастырей, Спасскаго, понынѣ существующаго, и Духова, въ исходѣ прошедшаго столѣтія, послѣ жестокаго пожара, обращеннаго въ приходскую церковь. Не смотря на нечаянность, по знаменитомъ покойникѣ можно было отслужить панихиду со всѣмъ торжествомъ, котораго требовало общее благоговѣніе къ его памяти. Печаленъ, но величественъ обрядъ этотъ, и какъ всѣ обряды православной Церкви, исполненъ истиннаго утѣшенія. Но, по большой части, только наружно присутствуя въ храмѣ, мы не внимаемъ поучительнымъ и отраднымъ молитвамъ, и не помышляя о должномъ передъ Богомъ смиреніи, безконечно сокрушаемся о временной разлукѣ съ ближними, всего болѣе заботясь о себѣ самихъ. Никто не сомнѣвался, что князь Михаилъ, изъ мятежнаго міра преселясь въ жилище праведниковъ, наслаждается вѣчнымъ блаженствомъ, тѣмъ не менѣе всѣ горько о немъ плакали; общія рыданія прерывали пѣніе клира, самъ архієпископъ едва могъ произносить молитвы, голосъ его трепеталъ, блѣдное лицо омыто было слезами.

Окончивъ панихиду преосвященный Теодоритъ посмотрѣлъ на Ляпунова, льстясь, что живо напомнивъ ему тщету земнаго величія и страхъ суда Бо-

жія, трогательная служба расположила его отказаться отъ преступныхъ его намѣреній, но встрѣтивъ взоръ его, онъ прочелъ въ немъ пагубную непреклонность и поспѣшно разоблачась удалился изъ собора. Ляпуновъ и сообщники его равнодушно объ этомъ узнали, и оно не помѣшало начать обѣдню. За этой обѣдней уже не молились о Василіѣ Іоанновичѣ.

ГЛАВА IV.

Все то, чѣмъ сердце билось въ ней,
 Что душу оживляло,
 Исчезло все — и свѣтлыхъ дней
 Какъ будто не бывало.

И. Козловъ.

Il est des sujets qui jamais ne s'épuisent, parce qu'ils tiennent de trop près à la nature de l'homme et à son histoire, longs mystères sur lesquels il y aura toujours à dire jusqu'à la fin des temps.

Poujeaulat.

Прибывъ въ Троицкую Лавру, князь и княгиня Шуйскіе, были приняты съ особеннымъ усердіемъ, какъ высокіе посѣтители, достойные общаго уваженія. Архимандритъ и иноки старались предупредить этимъ гибельныя слѣдствія быстро распространявшейся молвы, что Царскій братъ и жена его отравили князя Скопина, что Царю было извѣстно ихъ намѣреніе. Но, между тѣмъ,

какъ дальновидная заботливость о благѣ общемъ, не позволяла архимандриту отвергнуть богатые вклады князя и княгини Шуйскихъ, нишіе отъ всюду сзываемые для полученія щедрой милостыни, по большой части не хотѣли за нею явиться, слѣпо вѣря нѣкоторымъ рассказчикамъ, что этими деньгами сатана наградилъ княгиню Екатерину Григорьевну за убійство князя Михаила, и что взявъ ихъ они неминуемо погубятъ и тѣло свое и душу. Не подозрѣвая такихъ сужденій, князь и княгиня не сомнѣвались, что въ Лаврѣ и ея окрестностяхъ долго съ признательностью вспоминать будутъ о ихъ посѣщеніи, и что Преподобный Сергій будетъ имъ вѣрнымъ помощникомъ во всѣхъ ихъ предпріятіяхъ. Они привыкли вѣрить, какъ вѣрилъ нѣкогда и Царь Іоаннъ Васильевичъ, что всякое преступленіе можно оправдать наружнымъ богомоленіемъ и богатыми приношеніями на potreбы церковныя. Заблужденіе это, совершенно противное Православной Вѣрѣ, можетъ имѣть власть лишь надъ умами слишкомъ ограниченными, или помраченными страстями. Княгинѣ Шуйской тѣмъ труднѣе было побѣдить его, что она совѣтовалась о средствахъ спасенія только съ тѣми изъ духовныхъ, которые льстили ея склонностямъ, наблюдая однѣ собственныя выгоды.

Возвращаясь въ Москву именитые богомольцы

ночевали въ селѣ Братовщинѣ, гдѣ обыкновенно останавливались Цари на пути къ Троицѣ. Имъ отворили находившееся для Царскаго отдохновенія зданіе, называвшееся Царскою вышкою. Такое названіе его не согласовалось съ его постройкою. Оно походило на простой, высокій анбаръ, въ которомъ для пріѣзда брата Государева устлали полъ свѣжею травою и отворили задвижныя окна. Вечеръ былъ прекрасный. Напившись холоднаго меду, княгиня Екатерина Григорьевна смотрѣла на возвращавшихся съ поля работниковъ. Нѣкоторые останавливаясь передъ вышкою почтительно кланялись, другіе предпочитали обойти кругомъ, чтобы, какъ шептали они другъ другу, не встрѣтить змѣйнаго взгляда убійцы. Слѣдовавшій за стадомъ пастухъ довольно пріятно игралъ на рожкѣ, имъ самимъ сдѣланномъ, вызывая этимъ хозяевъ порученныхъ ему коровъ и овецъ. Различные голоса животныхъ мѣшались со звуками сельскаго инструмента, стукомъ телѣгъ, и крикомъ ребятъ, погонявшихъ усталыхъ лошадей, на которыхъ работали отцы ихъ. Все это представляло живую картину, скоро надоѣвшую князю Дмитрію Ивановичу, но только ему одному. Чудно сердце человеческое: справедливо кто-то назвалъ его бездонною пропастью; много о немъ писали древніе и новые мудрецы, но никто не разгадалъ его тай-

ныхъ побужденій, своевравной его воли. Безчеловѣчная женщина, изъ зависти и властолюбія совершившая неимовѣрное злодѣяніе, забывала тяжкія воспоминанія и необузданныя мечты свои, бросая въ окно крестьянскимъ ребятишкамъ деньги и пироги, и жадность нѣкоторыхъ, ихъ споры и ссоры, забавляли ее, какъ будто совсѣмъ новое, дотолѣ неизвѣстное ей зрѣлище, хотя оно было слабымъ, но вѣрнымъ изображеніемъ собственныхъ ея чувствъ.

Не выдавшись еще съ княгиней Еленой Петровной послѣ кончины князя Михаила, княгиня Екатерина Григорьевна рѣшилась захватить къ ней прямо изъ Лавры. Князю Дмитрію Ивановичу очень этого не хотѣлось, но онъ не могъ ни въ чемъ прекословить женщинѣ, всегда надъ нимъ господствовавшей, особенно же съ тѣхъ поръ, какъ онъ долженъ былъ считать себя обязаннымъ желѣзной волѣ ея и безжалостному сердцу, надеждою владѣть престоломъ. Княгиня не признавалась мужу, что она отравила племянника, но онъ не могъ въ этомъ сомнѣваться, и не въ состояніи будучи самъ отважиться на такой поступокъ, почиталъ себя счастливымъ, что ему уже, нигдѣ, и ни въ чемъ, не будетъ препятствовать знаменитый юноша, славѣ котораго онъ не переставалъ завидовать. Необходимость посѣщать княгиню Скопину-

Шуйскую, была истиннымъ наказаніемъ для князя Дмитрія Ивановича, особенно когда онъ у ней встрѣчалъ Царевну инокиню Ольгу Борисовну. Взоры ея, и каждое ея движеніе напоминали ему свиданіе его съ нею у тѣла князя Михаила, когда она выразительнымъ голосомъ, какъ будто предвѣщая ему уничтоженіе безумныхъ надеждъ его, повторила, произнесенныя читавшимъ псалтырь священникомъ, слова Царственного Пророка: «Богъ отмщеній Господь, Богъ отмщеній не обинулся есть.» Онъ не понялъ ангельскаго ея сожалѣнія о грѣшникѣ не расположенномъ къ раскаянію, и что не надѣясь любовью побѣдить его ожесточеніе, она хотѣла, по крайней мѣрѣ, заставить его страшиться гнѣва Божія. Смотри на страдалицу, давно угадавшую, что дядя ея и тетка изъ зависти ненавидятъ юнаго защитника отечества, князь Шуйскій съ ужасомъ, но безъ пользы душевной повторялъ слова, завѣщанныя потомству праотцемъ Спасителевымъ.

Съ угрюмымъ видомъ встрѣтивъ родственниковъ госпожи своей, старикъ Сергѣичъ сказалъ имъ, что княгиня Елена Петровна, отстоявъ обѣдню и панихиду, легла отдохнуть, и въ первый еще разъ послѣ горестной потери своей крѣпко уснула. Онъ надѣялся, что услышавъ это они поѣдутъ обратно, какъ всѣ прочіе посѣтители, но княгиня

Екатерина Григорьевна не хотѣла отлагать слишкомъ важнаго для нее свиданья, и сказавъ, что она дождется пробужденія сестры своей, чтобы лично передать ей благословеніе отца архимандрита и Троицкихъ старцевъ, вышла изъ кареты. Поднимаясь на крыльцо, она увидѣла въ сѣняхъ двухъ женщинъ въ черныхъ платьяхъ; въ одной узнала она Іуліанію Резанову, другая показалась ей привидѣніемъ. Екатерина Григорьевна затрепетала; гнѣвъ, колкости, даже явные упреки не могли бы смутить ее: она была готова на нихъ отвѣчать; она научилась говорить не робѣя, что князь Михайло Васильевичъ, хранимый Богомъ въ сраженіяхъ, по волѣ же Божіей скончался въ Москвѣ. Она сама въ этомъ совершенно увѣрилась, и духъ ея былъ бодръ, и ее не тревожили тяжкія предчувствія. Но явившійся ей призракъ, въ которомъ все казалось разрушеннымъ, мертвымъ, кромѣ страннаго, судорожнаго движенія и чудно свѣтившихся глазъ, внезапно исполнилъ ее страхомъ и тоскою. Она схватила руку мужа своего и крѣпко ее стиснула горячею рукою.

— Это княгиня Александра Васильевна, шепотомъ сказалъ князь: она тиха и послушна.

— Не подходи къ ней, дай мнѣ ее увести, вскричала Іуліанія: она вѣрно тебя узнаетъ!...

— Такъ что же, съ надменностію спросила княгиня Шуйская?

— Какъ что! перервала молодая, пылкая дѣвица, стараясь заслонить страдалицу: она испугается.

— Дура! съ бѣшенствомъ вскричала княгиня Шуйская: это ты пугаешь ее и мучишь вздорными сплетнями.

Едва послѣднія слова сорвались у нее съ языка, княгиня почувствовала свою неосторожность, и съ отчаянною рѣшимостью пошла впередъ.

Посмотрѣвъ на нее пристально изъ-за плеча Іуліаніи, княгиня Александра сказала, что она уже не хочетъ итти гулять, что ей надобно угощать пріѣзжихъ.

— Какъ она страшна! сказала княгиня Шуйская, сѣвъ въ пріемной комнатѣ задомъ къ двери, за которою осталась Александра Васильевна. Она хуже и блѣднѣе племянницы Царевны; у меня и въ умѣ не было, что она такъ перемѣнилась. Нѣчего сказать, Дмитрій Ивановичъ, ты радъ съ утра до вечера болтать пустое, а что нужно знать мнѣ, того отъ тебя вѣкъ не услышу. На что похоже теперь, что я не узнавъ племянницу, словно не посмѣла подойти къ ней; по твоей милости Ольгина нахлѣбница при холопахъ обругала меня....

— Тише, тише, матушка! Бога ради, не горячись; чай, здѣсь стѣны слышатъ наши рѣчи, отвѣчалъ въ пол-голоса князь Шуйскій, и чтобы избавиться непріятнаго спора, съ притворнымъ вниманіемъ сталъ разсматривать давно ему извѣстные на образахъ дорогіе оклады.

Изъ столовой тихо отворилась дверь, въ нее заглянула Александра Васильевна, и обрадовавшись, что ее никто не примѣтилъ, приподняла платье, и на цыпочкахъ, удерживая дыханіе, подошла къ княгинѣ Екатеринѣ Григорьевнѣ. Увидя въ зеркалѣ обезображенное лице ея, княгиня едва не лишилась чувствъ: голосъ ея замеръ, всѣ члены ея оцепѣли, она не могла отвести глазъ отъ несчастной, у которой въ рукахъ былъ облитый кровью платокъ. Растянувъ его, Александра бросила его на голову своей тетки; онъ покрылъ лице ея, и ей показалось, что изъ него потекли ручьи крови, что всѣ это видятъ, всѣ ее укоряютъ въ убійствѣ князя Михаила. Всевышній медлилъ наказать преступницу, ожидая ея покаянія, но дерзкое ея ожесточеніе утомило милосердіе неумытлаго Судіи, и казнь ея сравнилась съ ея злодѣяніемъ.

Екатерина Григорьевна не смѣла коснуться платка, но вскочила съ мѣста и пронзительный вопль ея раздался по всему дому. Съ ужасомъ оборо-

тась, князь Дмитрій Ивановичъ всплеснулъ руками, увидя жену свою подъ кровавою, извѣстною ему фатою, а передъ нею Александру Васильевну, которая съ усмѣшкою ее поздравляла, что ее выдаютъ замужъ за графа Делагарди.

Іуліанія, искавшая по всѣмъ комнатамъ скрывающуюся отъ нее молодую княгиню, вбѣжавъ въ приѣмную, сдернула съ Екатерины Григорьевны пагубный платокъ. Въ выразительныхъ чертахъ питомицы Ксеніи Годуновой, гордая неvěстка Царская прочла глубокое презрѣніе, но невольно оперлась на ея руку, и по щекамъ ея прокатились пламенные слезы.

Князь Дмитрій Ивановичъ грубо оттолкнулъ Іуліанію.

— Не суйся, голубушка, сказалъ онъ, гдѣ тебя не спрашиваютъ; ты взялась служить моей племянницѣ и не должна спускаться съ нее глазъ: Богъ вѣсть куда ты опрокинулась, а она безъ тебя видишь какъ напроказила, чуть не задушила мою княгиню. Жаль племянницу, продолжалъ онъ помолчавъ, но еще больше жаль бѣдную сестру; какъ ково ей сердечной подъ старость водиться съ безумною неvěсткой. Вотъ и славные Нѣмцы не могутъ пособить ей: видно только Богъ, или смерть ее вылѣчить....

— Смерть! вскричала Александра Васильевна:

кто умеръ? Ради Бога, скажите скорѣе? — Да, что я объ этомъ спрашиваю, на что мнѣ это знать? Князь Михайло Васильевичъ не можетъ умереть; его никто не уморить, никто, никогда!

Она стала твердить послѣднія слова, то прижимая платокъ къ губамъ, то махая имъ, какъ будто обороняясь отъ злаго человѣка. Рѣзкіе ея вопли разбудили княгиню Елену Петровну. Она поспѣшила освѣдомиться, что сдѣлалось съ ея невѣсткою, не огорчилъ ли ее кто-нибудь, не занемогла ли она. Узнавъ отъ старушки Лукерьи о пріѣздѣ Екатерины Григорьевны, княгиня закрывъ руками лице, нѣсколько минутъ была недвижима, только сердце ея сильно билось. Она не постигала, какъ Екатерина Григорьевна осмѣлилась явиться въ томъ домѣ, гдѣ и люди, и стѣны, и самый воздухъ должны были напоминать ей ея злодѣяніе; гдѣ черезъ нее всѣ осиротѣли; измѣнилось все; надежды и радости погибли; неутѣшная горестъ смѣнила высшее благополучіе. Княгиня Елена Петровна трепетала, воображая, что безчеловѣчная родственница ждетъ ее, готовится ее обнять; что оттолкнувъ ее она утвердитъ подозрѣнія народа, подвергнетъ опасности Государя, умножитъ бѣдствія отечества. О, мой Боже, подумала она съ неизъяснимою тоскою, зачѣмъ ты допустилъ ее сюда пріѣхать, зачѣмъ не удалилъ

пагубное свиданье, на мѣсяць, на недѣлю, хотя на сутки!

Лукерья пристально смотрѣла на княгиню, которую она носила на рукахъ, бывъ уже замужемъ, но у которой послѣ кончины сына ея было не менѣе морщинъ какъ у нее самой. Слезы капали изъ тусклыхъ глазъ старухи, она утирала ихъ полою чернаго своего лѣтника, и воображая, что Екатерина Григорьевна пріѣхала подразнить несчастную госпожу ея, что-то сердито шептала. Бормотанье ея, сопровождаемое сильнымъ движеніемъ головы, походило на волшебныя заклинанія. Она усердно желала, чтобы княгиня Шуйская во всю жизнь ея терзалась страхомъ, печалью и болѣзнями, не возбуждая ни въ комъ состраданія. Лукерья и всѣ домашніе считали себя обязанными молить Бога о наказаніи враговъ госпожи ихъ, утверждая, что у нихъ лопнули бы сердца, если бы они не облегчали страданій своихъ надеждою, что они будутъ отмщены.

Мало-по-малу утихая, голосъ Александры Васильевны совсѣмъ замолкъ; только слышно было, что въ пріемной часто отворяется дверь. Лукерья пошла провѣдать, что тамъ дѣлается, и скоро воротясь сказала, что княгиня Александра Васильевна спокойно смотритъ, какъ на дворѣ кормятъ гусей, а княгиня Екатерина Григорьевна, протянув-

шись на покрытой пуховикомъ скамьѣ, зѣваетъ и смѣется, и мужъ ея, увѣряя, что она опасно занемогла, такъ велѣлъ накурить рябчиковыми перьями, что если бы не были открыты окна, молодая княгиня и Іуліанія задохлись бы отъ дыма.

— Воля твоя, кормилица, продолжала Лукерья, не могу смолчать, чай Катерина Григорьевна нарочно прикинулась больною, чтобы всѣхъ у насъ переполошить; она за это не дорого возьметъ. Ну, а коли и впрямъ ей стало у насъ тошно, всё-таки братцу твоему князю Дмитрію Ивановичу не шло бы здѣсь, въ такомъ печальномъ мѣстѣ, распорядиться какъ въ своихъ хоромахъ, поскорѣе бы везъ домой свою княгиню. Какъ, нашъ батюшка, князь Михайло Васильевичъ у нихъ занемогъ.....

Княгиня перервала ее; подобные толки были для нее жестокою мукою: она и прежде, во всю ея жизнь, не любила высказывать свои печали и оскорбленія, увѣренная, что это не можетъ доставить истинной отрады. Княгиня тщетно надѣялась, что плачевные вопли Александры Васильевны заставятъ удалиться Екатерину Григорьевну; ей надлежало, подобно святымъ мученикамъ, обруганнымъ и изувѣченнымъ за вѣру свою, до дна выпить горькую чашу. Она нѣсколько разъ поклонилась въ землю передъ иконами, прося помощи

Всемогущаго, и наконецъ съ растерзанною душою, но съ истиннымъ христіанскимъ смиреніемъ, пошла въ гостиную.

Увидя несчастную мать, княгиня Шуйская поспѣшно накрывъ платкомъ стоявшую передъ нею чашку съ водою, шепнула мужу, чтобы онъ спряталъ ее отъ Елены Петровны.

— Зачѣмъ ее уносить, въ слухъ отвѣчалъ князь; водица свѣжая; статься можетъ, еще тебѣ понадобится....

— Чтò ты, чтò ты! я тебѣ говорю вынеси скорѣе эту чашку, не показывай ее никому и ни съ кѣмъ объ ней не толкуй, сказала Екатерина Григорьевна по прежнему на ухо князю, слѣдя при томъ всѣ взоры, чтобы узнать, не видѣлъ ли еще кто, что вмѣсто воды, какъ ей казалось, въ чашкѣ налита кровь.

— Христось съ тобою, моя матушка, видно тебѣ чтò-нибудь почудилось, отвѣчалъ князь, и желая ее успокоить вынесъ воду.

Княгиня Елена Петровна сѣла возлѣ своей невѣстки до половины высунувшейся въ окно. Александра Васильевна такимъ образомъ проводила большую часть дня. Служители воображали, что она забавляется смотря, какъ кормятъ птицъ и какъ бѣгаютъ ребята, но она вовсе не примѣчая, чтò около нее происходило, напрягала слухъ

и зрѣніе, надѣясь заранѣе угадать прїѣздъ своего супруга, безпрестанно ею ожидаемаго. Страшась ее огорчить малѣйшимъ противорѣчіемъ, окружавшіе ее стремились исполнять всѣ ея желанія; но общая любовь, или лучше сказать благоговѣніе, охраняли ее среди опасностей, которымъ она въ безпамятствѣ своемъ часто подвергалась.

— Преподобный Сергій прислалъ тебѣ свою милость, сестрица Алёна Петровна: мы ему отслужили молебенъ за твое здоровье, сказалъ князь Дмитрій Ивановичъ.

Княгиня Скопина въ знакъ благодарности наклонила голову, но не могла произнести ни одного слова.

— Мы прямо отъ Преподобнаго къ тебѣ заѣхали, и дома еще не бывали. Моей княгинѣ прежде всего захотѣлось съ тобою повидаться и поплакать. Она у меня предобрая; изволишь видѣть, захворала посмотрѣвъ на бѣдную племянницу, такъ ей стало жалко и ее и тебя.

Елена Петровна опять поклонилась.

— Кто-то ѣдетъ, вскричала княгиня Александра, кажись и конь-то знакомый! Никакъ вѣстникъ отъ князя Михайла Васильевича; авось онъ присланъ за мною! Я видѣла во снѣ.... нѣтъ, нѣтъ! слышала на яву, что моему князю соскучилось безъ меня!

Она побѣжала къ двери, но когда вошелъ братъ ея, Семенъ Васильевичъ Головинъ, не узнала его, и спряталась за князя Дмитрія Ивановича. Поздоровавшись съ княгиней Еленой Петровной, окольникій, блѣдный и мрачный, не замѣтивъ сестры, устремилъ глаза на Екатерину Григорьевну. Примѣчая, какъ ея присутствіе удивило и оскорбило его, княгиня Елена Петровна умоляла его взорами великодушно снести встрѣчу съ женщиною, имъ справедливо ненавидимую, но отъ посѣщенія которой ей невозможно было отказать. Онъ понялъ ея просьбу, и отворотясь отъ княгини Шуйской спросилъ у ея мужа, счастливо ли онъ съѣздилъ въ Лавру.

— Очень счастливо, отвѣчалъ князь, весьма довольный притворною вѣжливостью окольникаго, погода была славная, а архимандритъ и старцы угощали насъ какъ родныхъ.

— Напрасно же спѣшили вы сюда воротиться: здѣсь нечѣмъ васъ потѣшить, сказалъ окольникій.

— Какъ быть, сурово сказала княгиня Шуйская: не всякъ день Свѣтлый Праздникъ; въ міру вѣкъ не бываетъ такъ тихо и радостно, какъ во святыхъ обителяхъ.

— О, теперь врядъ ли и отецъ архимандритъ весело бесѣдуетъ со своими старцами. Чай дошли и до нихъ вѣсти....

— Какія вѣсти! перервала Александра Васильевна, вдругъ вспомнивъ, что она ждала отъ прїѣзжаго извѣстія о князѣ Михаилѣ.

Головинъ обнялъ сестру. Въ первый еще разъ послѣ кончины ея супруга она не противилась ласкамъ брата, но быстро смотря въ глаза мнимому вѣстнику, нетерпѣливо ожидала, что онъ пригласитъ ее отправиться съ нимъ въ желанный путь.

— О, моя милая, невинная страдалица, вскричалъ Головинъ: Господь прогнѣвался на насъ за тебя! Каждая слеза твоя, каждый твой вздохъ тяжело будутъ отомщены!

— Ради Царицы Небесной, скажи скорѣе, вскричала княгиня Елена Петровна, что еще случилось? У меня стынетъ кровь!

— Не напрасно ты испугалась, матушка Алѣна Петровна, съ глубокою печалью отвѣчалъ Головинъ. Тебѣ дорога родина; ты бы за нее отдала и все добро твое и самую жизнь, а на нее пала новая, страшная бѣда, и нѣкому отразить ее....

— Въ умѣ ли ты, Семенъ Васильичъ, перервалъ князь Шуйскій: при мнѣ грозишь всѣмъ гибелью! Ну, какъ я объ этомъ донесу великому Государю.

— Хорошо сдѣлаешь, бояринъ, и чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше. Государь еще ничего не знаетъ; отъ него по обычаю таятъ горькую истину. Радъ я

очень, что ты слышалъ мои рѣчи; перескажи ихъ, и прибавь, что возмутилась Рязань, что тамошній воевода

— Я, говорилъ великому Государю, съ бѣшенствомъ перервалъ князь Шуйскій, что пощадивъ въ угодность покойному племяннику, Прокофья Ляпунова, онъ въ самое сердце запустилъ себѣ змѣю!

— Пока былъ живъ князь Михайло Васильевичъ, возразилъ Головинъ, Прокофій былъ вѣренъ Царю! Но у Прокофья буйная голова; Прокофій не то, что мы, князь Дмитрій Ивановичъ; ему мало, чтобы Царь самъ радѣлъ о благѣ общемъ, ему надо еще, чтобы его совѣтники были люди правдивые, умные и безкорыстные!

— А, самъ-то онъ каковъ, сказалъ князь Дмитрій голосомъ прерывавшимся отъ гнѣва, если не всѣхъ глупѣе, такъ всѣхъ безстыднѣе. Давно ли онъ подчивалъ царствомъ покойнаго племянника; теперь самому захотѣлось сравниться съ Тушинскимъ воромъ. Не диво, что онъ взбунтовалъ, и бѣда это небольшая; не по прежнему, уймутъ молодца....

— Не берись самъ унимать его, бояринъ, возразилъ съ мрачнымъ видомъ окольничій: онъ всюду разослалъ гонцовъ, и ему всюду вѣрятъ, что

Царская невѣстка и мужъ ея отравили князя Михайла Васильевича!

Княгиня Александра Васильевна замертво упала на полъ. Свекровь ея и Іуліанія бросились помогать ей, не сомнѣваясь, что она поняла все сказанное ея братомъ, что, можетъ быть, для вѣщаго ея мученія возвратился ея разумъ.

— Прокофій, сказалъ Головинъ, поцѣловавъ оледенѣлыя руки сестры своей, ты ни чѣмъ не воскресишь князя Михайла Васильевича, но не выполнивъ его послѣдняго приказанія, и измѣнивъ присягѣ, ты заставишь не однихъ враговъ его, а всю Русь святую платить слезами и кровью за безвременную его кончину!

Поспѣшивъ удалиться, князь и княгиня Шуйскіе хотѣли ѣхать прямо во дворецъ, но князь Василій Васильевичъ Голицынъ, встрѣтившись имъ, сказалъ, что ни Царя, ни Царицы нѣтъ дома; что отслушавъ обѣдню въ Вознесенскомъ Монастырѣ, они заходили къ Царевнѣ-инокинѣ Ольгѣ Борисовнѣ, и отъ нее отправились по другимъ монастырямъ. Подтвердивъ извѣстіе о бунтѣ Ляпунова, князь Голицынъ прибавилъ, что никто не могъ рѣшиться встревожить Государя, и безъ того крайне задумчиваго и грустнаго, такою прискорбною вѣстью, и бояре съ нетерпѣніемъ ждали возвращенія князя Дмитрія Ивановича, чтобы онъ

объ этомъ доложилъ, будучи всѣхъ способѣе облегчить печаль и заботы Царя.

— Спасибо боярамъ, что берегутъ великаго Государя, отвѣчалъ князь Шуйскій, ему конечно отъ роднаго брата легче, чѣмъ отъ кого другаго, услышать нерадостную вѣсть. Но пока еще нечего робѣть и печалиться; не бѣдовое дѣло, что Прокофью Ляпунову захотѣлось провѣдать, остеръ ли у палача топоръ.

Князь Голицынъ быстро взглянулъ на Царскаго брата, едва вѣря, что онъ такъ судить о происшествіи, которое, по общему мнѣнію, гораздо было опаснѣе успѣховъ Польскаго короля и самозванца.

— Ты видно бояринъ, сказалъ онъ, не изволишь держаться пословицы: «худой миръ лучше доброй брани.»

— Я не вѣрю, чтобы Прокофій могъ надѣлать хлопотъ, отвѣчалъ князь Шуйскій. Я его видалъ нерѣдко въ прежніе годы, пока онъ не былъ посланъ въ Рязань, сущій Индѣйскій пѣтухъ, на всѣхъ и за все горячится, но только что дуется и кричитъ, а съ ногъ не сшибетъ никого.

— Вотъ какъ! А меня увѣряли, будто покойный князь Михайло Васильевичъ говорилъ, что Прокофій лихой удалецъ, что онъ пѣшіи обгонитъ коннаго.

— Они были старинные пріатели, сухо сказалъ князь Шуйскій.

Князь Голицынъ лукаво усмѣхнулся. Его не удивила тщеславная самонадѣянность князя Шуйскаго, и онъ простившись съ нимъ поѣхалъ, внутренно веселясь его беззаботностью, обѣщавшею, что ввѣрившагося такому совѣтнику Государя не трудно будетъ свергнуть съ престола. Голицынъ желалъ этого едва ли не болѣе Ляпунова, твердо помня, что ему самому назначали вѣнецъ, избирая Царя по смерти разстриги, и не сомнѣваясь, что онъ бы царствовалъ несравненно славнѣе и счастливѣе прежняго своего товарища. Не подозрѣвая тайныхъ думъ его, князь Дмитрій Ивановичъ воображалъ, что оказанное имъ презрѣніе всего вѣрнѣе можетъ предупредить успѣхъ Рязанскаго бунта, и совершенно довольный самимъ собою, сталъ хвалиться княгинѣ мнимою своею дальновидностью. Но она сильно пораженная всѣмъ, что видѣла и слышала, нерасположена была вѣрить счастливымъ предвѣщаніямъ. Отчаянье и злоба наполняли ея сердце; она изумлялась и не постигала, почему убійцы Царя Θεодора Борисовича остались не наказаны, а за смерть князя Михаила тотчасъ явился грозный мститель; кляла Ляпунова, какъ личнаго, яростнаго врага своего; укоряла Преподоб-

наго Сергія, что онъ не наградилъ ея усердія; роптала на Провидѣніе.

— Да, что ты такъ тревожишься, Катерина Григорьевна, сказалъ князь Дмитрій Ивановичъ, Богъ дастъ все будетъ къ лучшему....

Онъ не договорилъ послѣдняго слова, увидя взѣхавъ на свой дворъ, что въ заднія ворота спѣшили отправить телѣгу съ двумя гробами.

— Это что еще такое, вскричалъ онъ. Никакъ Юдичъ, совсѣмъ спился у насъ! Пора его вытолкать....

— А кого ты посадишь на его мѣсто, перебила княгиня? Ужъ не хочешь ли своего Ларьку сдѣлать дворецкимъ?

— Вѣрно бы и у Ларьки было больше толку; не сталъ бы онъ среди дня, и когда послано сказать, что мы ѣдемъ домой, вывозить мертвыхъ.

Запряженная въ телѣгу лошадь долго бившись на одномъ мѣстѣ, вдругъ поворотила въ сторону, и помчавшись мимо кареты чуть не опрокинула на нее двухъ деревянныхъ колодъ. Княгиня обомлѣла; такая встрѣча въ собственномъ ея домѣ умножила волненіе ея и ужасъ. Она съ трудомъ поднялась на крыльцо, и принуждена будучи остановиться, тяжело оперлась объ руку своей кормилицы. Добрая Парфеновна ѣздила съ княгинею въ Лавру, и воротясь прежде ея домой, вышла

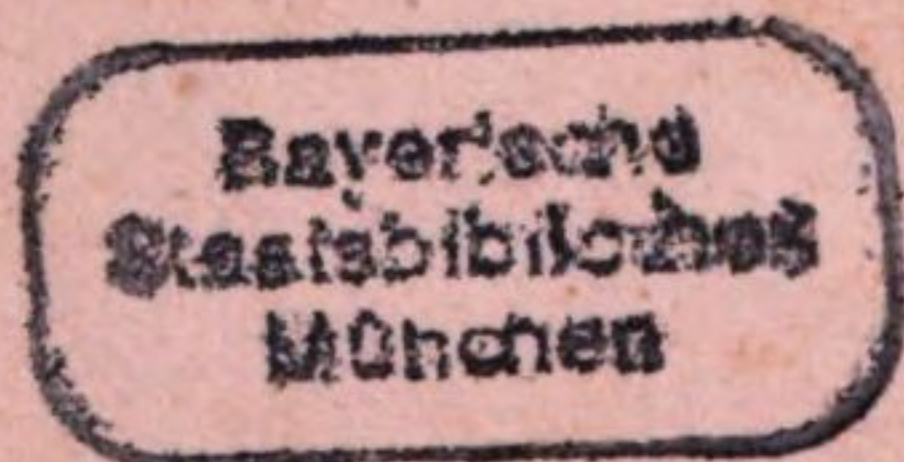
встрѣтитъ господь своихъ, съ небольшимъ числомъ людей, такихъ же блѣдныхъ и печальныхъ какъ и сама она. Только одинъ Козявкинъ суетился и кланялся съ веселымъ видомъ, надѣясь, что обыкновенная его смѣлость поможетъ ему, какъ часто бывало, представить съ выгодной для него стороны, все случившееся во время отсутствія князя и княгини.

— Послушай, Юдичъ, сказалъ Дмитрій Ивановичъ: ты часъ отъ часу становишься глупѣе. Кого ты это вздумалъ хоронить на показъ всему міру, и куда распустилъ весь домъ? На что все это похоже? Словно ты и не ждалъ насъ сегодня. Да что же ты молчишь, рыжая борода, продолжалъ князь разгораясь: мнѣ тошно смотрѣть, что у меня, въ боярскомъ дому моемъ, пусто какъ у какого-нибудь нищаго дворянчика или Литовскаго шляхтича. Сказывай скорѣе: гдѣ Ларька, гдѣ Дениска, гдѣ Оедька, гдѣ всѣ мои слуги?

— Сейчасъ, сейчасъ, доложу обо всемъ, заикаясь отвѣчалъ Козявкинъ, не предвидѣвшій такого гнѣва.

— Пора тебѣ отдохнуть, моя матушка, сказала княгинѣ ея кормилица: побереги свои силы, много было трудовъ тебѣ.

Княгиня пошла въ свою комнату. Горячо любя вскормленную ея грудью, но не заимствовав-

шую отъ нее доброты ея и смиренія, дочь Малюты Скуратова, Парфеновна, желая хотя на время скрыть отъ нее прискорбныя новости, совѣтовала ей раздѣться и лечь въ постелю, откровенно сказавъ, что она въ ней примѣчаетъ сильное изнеможеніе. Дѣйствительно княгиня не походила на себя. Не смотря, что она по обыкновенію была густо набѣлена и нарумянена, по выраженію глазъ ея и по блѣднымъ ея губамъ нельзя было сомнѣваться, что она, или очень нездорова, или жестоко встревожена. Тщетно силилась она преодолѣть свое уныніе; сердце ея невольно замирало, какъ будто кто шепталъ ей на ухо, что она отжила спокойные дни свои. Она согласилась раздѣться, но только что сняла верхнее платье, князь вбѣжалъ къ ней съ пылающимъ лицомъ.

— Ну, Катерина Григорьевна, вскричалъ онъ, бросившись на стоявшія подъ окномъ огромныя кресла: прибирай хорошенько добро твое; у насъ полонъ домъ воровъ; или нѣтъ, нѣтъ, у насъ завелся одинъ воръ, но онъ стоитъ цѣлой шайки. Разбойникъ Юдичъ вѣрно самъ обокралъ насъ, и чтобы скрыть концы въ воду замучилъ лучшихъ моихъ рабовъ!

Княгиня дико смотрѣла на мужа, какъ будто не понимая словъ его.

— Вотъ тебѣ, Катерина Григорьевна, продол-

жалъ князь, все нелюбо было, что я хвалилъ Ларьку. Будь покойна: онъ уже не попадется на глаза тебѣ; не увидишь ни его, ни его матери: по милости Юдича оба отправились на тотъ свѣтъ. Теперь мнѣ не съ кѣмъ и на охоту выѣхать; теперь нѣкому у меня и ружья вычистить; такого слуги, каковъ былъ Ларька, днемъ съ огнемъ не сыщешь во всѣхъ моихъ волостяхъ! Проклятый Юдичъ съ зависти уморилъ его.... Но я самъ въ этомъ виноватъ; не знаю гдѣ былъ у меня умъ, когда я вздумалъ поручить мой домъ Юдину сыну: чего тутъ было ждать добраго! И еще божится окаянный, что онъ изъ усердія къ намъ не щадилъ рабовъ нашихъ; но хотъ онъ тресни, я не повѣрю, чтобы Ларька укралъ Царицынъ кубокъ....

— Царицынъ кубокъ! перервала княгиня: какой Царицы, когда, на что?

— Такъ ты и не слыхала, что безъ насъ пропалъ золотой кубокъ съ алмазами, подаренный тебѣ сестрицею Марьей Петровной, въ которомъ ты на послѣднемъ обѣдѣ подносила медъ покойному племяннику; я думалъ Парфеновна успѣла тебѣ все пересказать.

— Нѣтъ, батюшка, князь Дмитрій Ивановичъ; не смѣла безъ твоей милости доложить объ этомъ; изволишь видѣть, какъ государыня Катерина Гри-

горьевна и безъ того истомилась, вся не своя, моя сердечная! Ужъ подлинно грѣхъ случился, продолжала кормилица; какъ я воротясь услышала объ этомъ, князь Дмитрій Ивановичъ, ажно волосы дыбомъ стали. Чего вѣкъ у насъ не бывало, изъ-подъ ключа унесли лучшій кубокъ. Пытали всѣ искать куда онъ дѣвался; и Богу свѣчи ставили, и къ ворожеямъ ходили, ничто не помогло! И Климъ Юдичъ, прости ему Господи, много, много хлопоталъ, слишкомъ двадцать человѣкъ по его приказу безъ языка снесли въ избу, а двое и совсѣмъ Богу души отдали! Но и онъ ничего не дознался, словно самъ бѣсъ закопалъ кубокъ въ землю!

Взбѣшенный пропажею кубка и смертью любимого охотника, князь Шуйскій неумолкно ругалъ Козявкина, грозя жестоко отмстить ему за худое смотрѣніе о порученныхъ ему вещахъ и за бессмысленную свирѣпость. Кормилица, выплакавшая всѣ слезы и истощившая всѣ догадки, стояла поджавъ руки и опустя голову.

— Парфеновна! вскричалъ вдругъ князь сильнымъ голосомъ и указалъ пальцемъ на жену свою.

Чуденъ, страшенъ, неизобразимъ былъ видъ ея. У старухи заняло духъ. Если бы она увидѣла въ могилѣ огонь, если бы заговорилъ съ нею мертвецъ, она не была бы такъ поражена. Но сила

любви преодолѣла ужасъ; кормилица бросилась на помощь госпожѣ своей: княгиня ее оттолкнула.

— Кровь! кровь! вскричала она и стала рвать съ себя платье.

Призывая въ помощь Московскихъ Угодниковъ, Парфеновна схватила съ полки, на которой стояли иконы, стклянку съ Богоявленскою водою, и усердно стала прыскать, или лучше сказать поливать ею княгиню, между тѣмъ какъ князь ее заботливо поддерживалъ. Съ трудомъ увѣрившись, что на ней и около нее ничто не замарано кровью, княгиня долго рыдала. Она не чувствовала истиннаго раскаянія, но невольно трепетала, воображая, что рѣшившись на одно убійство, сдѣлалась убійцею нѣсколькихъ человѣкъ, и когда князь сказалъ, что онъ до тѣхъ поръ не будетъ спокоенъ пока не отыщетъ кубка, княгиня не въ силахъ была долѣе таить поступокъ, слѣдствій котораго она не предвидѣла, или, по крайней мѣрѣ, не воображала, чтобы онѣ были такъ для нее мучительны. Удержавъ за руку мужа своего, хотѣвшаго вытти изъ комнаты, она сказала ему, что она отвезла кубокъ въ Лавру, гдѣ и отдала его на поминовеніе душъ, сестры своей Царицы Маріи Григорьевны, сына ея юнаго Царя Θεодора Борисовича, и.... и.... князя Михайла Васильевича.

ГЛАВА V.

=

..... Отъ молній небо блещетъ;
Отъ всюду вихрей стонъ;
Дождь ливня льетъ; волнами съ воємъ
плещетъ

Разлившійся Авонъ.

В. Жуковский.

Ни чей умъ не разгадаетъ намъ тай-
наго волненья души и ея предвѣдѣ-
ній — ей одной, бессмертной части
нашего существа, доступна будущность
предчувствіемъ.

А. Говоровъ.

На крутомъ берегу рѣки Воронежа, въ десяти
верстахъ отъ Липецка, извѣстнаго всѣмъ въ Рос-
сіи, съ тѣхъ поръ какъ Петръ Великій учредилъ
въ немъ купальни, при минеральныхъ водахъ, сход-
ныхъ съ Пирмонтскими, находится обширное село
Романово. Оно было уѣзднымъ городомъ Воро-
нежской Губерніи, и къ нему принадлежали всѣ
находившіеся въ окрестностяхъ желѣзные заводы,

но въ 1779 году, при открытіи Тамбовской Губерніи, сдѣланъ городомъ Липецкъ, вѣроятно, для удобства посѣтителей водъ его, и Романово нынѣ достойно примѣчанія только природными своими красотами. Въ Россіи, исключая Крымъ и Кавказъ, немного мѣстъ такихъ живописныхъ: овраги, горы и лѣсъ, перемѣшанные между собою, представляютъ очаровательную картину. Три каменные церкви возвышаются между хижинами, разсѣянными на крутизнахъ и въ лощинахъ. Хижины эти очень некрасивы, но при окружающихъ ихъ предметахъ нельзя ими не любоваться, особенно же подъ вечеръ, когда послѣдніе лучи солнца блещутъ въ рѣкѣ, и легкій сумракъ придаетъ всей этой разнообразной природѣ, какое-то таинственное, какъ нынче говорятъ, фантастическое величіе.

Прекрасное село это было наслѣдственнымъ помѣстьемъ боярина Ѳедора Никитича Романова, и онъ особенно любя его, часто ѣзжалъ въ немъ пожить, избѣгая при дворѣ двоюроднаго брата своего, Царя Ѳеодора Іоанновича, встрѣчь съ его шуриномъ, Борисомъ Ѳеодоровичемъ Годуновымъ. Замышляя овладѣть престоломъ Борисъ Годуновъ воображалъ, что и Романовы, по близкому родству своему съ Государемъ надѣются быть

его преемниками, и чтобы предупредить это, всѣми средствами старался лишить ихъ любви и довѣренности державнаго своего зятя, совершенно на него полагавшагося. Осторожное и скромное поведеніе Романовыхъ не могло уничтожить его подозрѣній, и онъ преслѣдуемый мыслию, что сами они, или потомки ихъ, со временемъ будутъ опасными соперниками собственнаго его семейства, чрезъ два года по своемъ воцареніи велѣлъ насильно постричь Ѳедора Никитича и супругу его, а братьевъ ихъ и родственниковъ съ ихъ семействами разослалъ по дальнимъ монастырямъ и пустынямъ. Ихъ осудили по ложнымъ доносамъ подговоренныхъ слугъ, и имѣніе ихъ роздано было тѣмъ, которые стремясь угодить ожесточенному Царю не страшились оклеветать невинныхъ.

Издавна благоденствовавъ подъ надзоромъ попечительныхъ помѣщиковъ, Романово скоро было до конца разорено, доставшись извѣстному своею жестокостью и подлымъ ласкательствомъ Семену Никитичу Годунову, въ то время бывшему окольничимъ. Несчастіе знаменитаго боярина перемѣнилось участь не однихъ крестьянъ его, оно простерлось и на его сосѣда воеводу Далматова. Управители окольничаго Годунова безпрестанно придирались къ нему, и онъ страшась ихъ ябедъ рѣ-

шился уѣхать изъ усадьбы, гдѣ родились дѣти его, и гдѣ онъ нѣсколько лѣтъ жилъ благополучно. Долго скитавшись по разнымъ мѣстамъ, воевода Далматовъ, въ началѣ царствованія Василія Іоанновича былъ убитъ подъ Тулою. Послѣ него родной его братъ, вовсе на него непохожій, за небольшой долгъ присвоилъ себѣ его имѣніе, и скоро промотавъ его, невозвратно разорилъ невѣстку свою и дѣтей ея. У нихъ осталось только двѣ семьи людей и нѣсколько десятинъ земли, верстахъ въ пяти отъ Романова, на противоположномъ, низкомъ берегу рѣки Воронежа. Воеводша Далматова поселилась тамъ съ дочерьми, Дарьей и Надеждой, а сынъ ея Илья, бывшій свидѣтелемъ смерти отца своего, съ которымъ онъ находился во многихъ сраженіяхъ, по ходатайству князя Скопина-Шуйскаго, взятъ былъ въ Москву, въ Царскую дружину, при чемъ князь подарилъ ему не мало денегъ. Молодой человѣкъ отослалъ ихъ матери, и она на нихъ построила, чистый, свѣтлый домикъ съ крутою кровлею, надъ которою возвышались двѣ кирпичныя трубы. Это было въ тамошнемъ краю еще большею роскошью, и многіе, увидя при томъ по лицевой сторонѣ дома три окна, въ аршинъ вышиною, строго осуждали бѣдную вдову, что она тратитъ деньги на пустыя прихоти, вмѣсто того, чтобы по-маленьку копить

приданое дочерямъ своимъ. Не заботясь о чужихъ толкахъ, воеводша отъ всей души благословляла сына, доставившаго ей уютное жилище, откуда она могла съ отрадою смотрѣть на живописный берегъ, долго лишь грустно напоминавшій ей прежнюю, беззаботную жизнь. Не умѣя сама читать и писать, она и дочерей не учила грамотѣ, не сомнѣваясь въ справедливости тогдашняго мнѣнія, что женщинамъ непристойно и опасно тратить время надъ книгами, изъ которыхъ онѣ могутъ узнать многое, о чемъ не должны имѣть и понятія. Занятія ихъ ограничивались хозяйствомъ и рукодѣліемъ, а удовольствія посѣщеніемъ церкви. Онѣ обыкновенно ѣздили по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ въ Романово къ обѣднѣ, и послѣ нее отдыхая близъ разрушавшагося господскаго дома, слушали рассказы старухъ, о бывшихъ веселыхъ пирахъ и благотвореніяхъ боярина Федора Никитича, о красотѣ и нарядахъ кроткой его супруги, объ ангельскихъ свойствахъ малютокъ дѣтей ихъ, сына и дочери. Последней уже не было въ живыхъ, но бывъ ея ровесницами, Дарья и Надежда Далматовы нѣкогда были съ нею неразлучны, и единообразно повторяемые рассказы о первыхъ годахъ собственной жизни ихъ, всегда ихъ чрезвычайно занимали.

Въ продолженіе цѣлыхъ трехъ лѣтъ, смутныя

обстоятельства не допускали молодаго Далматова навѣщать мать и сестеръ, и доходившіе слухи о кровопролитныхъ сраженіяхъ и страшныхъ бунтахъ, заставляли ихъ безпрестанно трепетать о жизни Ильи. Между тѣмъ онъ былъ изъ боярскихъ дѣтей пожалованъ въ жильцы, и хотя многіе изъ его товарищей получали для своего содержанія только помѣстныя земли, иногда не приносившія никакого дохода, но по участию, которое продолжалъ оказывать Ильѣ, князь Скопинъ-Шуйскій, ему дано было и денежное жалованье, тридцать рублей въ годъ. Это было немаловажно, самые высокіе оклады жильцовъ не простирались тогда свыше осьмидесяти, а нѣкоторые получали только по десяти рублей. *

Наконецъ, когда князь Михаилъ съ небольшимъ въ годъ освободивъ сѣверную Россію отъ Поляковъ и измѣнниковъ, съ торжествомъ прибылъ въ Москву, Далматовъ поспѣшилъ увѣдомить мать о славныхъ дѣлахъ юнаго вождя, и не сомнѣваясь, какъ вообще всѣ были увѣрены, что непобѣдимый князь скоро совершенно успокоитъ отечество, обѣщалъ роднымъ своимъ осенью пріѣхать къ нимъ на нѣсколько мѣсяцовъ. Отправленный въ Воронежъ Царскій гонецъ доставилъ письмо Ильи, и въ слухъ прочитавъ его, былъ свидѣтелемъ не-

*) Древняя Россійская Вивліотека.

выразимой радости воеводши и дочерей ея. Старушка со слезами молилась предъ иконами, юныя дѣвицы бѣгали съ восторгомъ по небольшимъ тремъ горницамъ, составлявшимъ домъ ихъ, заранѣе придумывая, гдѣ помѣстить безцѣннаго гостя и чѣмъ его подчивать. Нельзя было видѣть равнодушно горячія чувства простыхъ сердецъ ихъ, и никто бы не рѣшился имъ сказать, что надежда ихъ обнять брата, можетъ быть и не исполнится, что тысячи препятствій могутъ навсегда ее уничтожить. Будучи богатъ, и въ свойствѣ съ боярами, молодой гонецъ невольно позавидовалъ бѣдному Ильѣ Далматову, и пересталъ дивиться любви его и преданности къ матери и сестрамъ. Спѣша исполнить важное порученіе, онъ отказался отобѣдать у воеводши, но предложилъ ей заготовить къ сыну письмо, обѣщая на возвратномъ пути за нимъ заѣхать и тогда подолѣе у нее отдохнуть.

Проводивъ радостнаго вѣстника, воеводша послала стараго слугу, бывшаго дядькою покойнаго ея мужа, въ Романово, заказать на слѣдующее утро обѣдню за здоровье Ильи, прося чтобы ее подождали и къ заутренѣ. Старикъ проѣздилъ гораздо долѣе обыкновеннаго, и воротясь сказалъ, что рѣка, вскрывшаяся за нѣсколько дней, разлилась гораздо далѣе обыкновеннаго, и вода въ ней очень глубока. Воеводша однако не отмѣнила

своего намѣренія рано утромъ ѣхать въ Романово, и непременно бы его исполнила, если бы вѣтеръ не унесъ ночью плоть. Его не могли отыскать, а между тѣмъ небо облегло тучами и нѣсколько дней сряду непрерывно лилъ дождь. Быстро прибывая, вода затопила лугъ, находившійся между рѣкою и усадьбою Далматовыхъ, но это случилось и прежде, и никто не встревожился кромѣ стараго дядьки. Какъ пьяные по большей части не понимаютъ опасностей, такъ и люди испытанные много горя, внезапно получивъ счастливую вѣсть ничего уже не страшатся. Старикъ безуспѣшно старался убѣдить госпожу свою на время переѣхать въ Романово, она смѣясь отвѣчала, что не хочетъ подражать ему въ трусости, и никакъ не отлучится изъ своего дому, когда въ немъ можно изъ оконъ ловить рыбу, чтобы насолить ее въ прокъ къ пріѣзду сына ея. Она продолжала спокойно заниматься своими дѣлами, и когда наступила ночь, какъ часто бываетъ передъ бѣдою, уснула очень крѣпко. Дочери ея спали вмѣстѣ съ нею, и долго никто изъ нихъ не слыхалъ страшной бури. Ихъ разбудилъ уже на разсвѣтѣ раскатъ грома надъ самыми головами ихъ. Онѣ съ изумленіемъ увидѣли, что всѣ ставни открыты, и Дарьѣ показалось, что кто-то въ окно пристально смотритъ. Она кинулась въ объятія мате-

ри, но еще не успѣла сказать, что ее испугало, какъ вдругъ зазвенѣли стекла, и вода съ яростью ворвавшись въ комнату принесла на кровать мертвое тѣло Царскаго гонца. Возвращаясь изъ Воронежа онъ не послушался проводника, убѣждавшаго его взять въ Романовѣ лодку, и по прежнему хотѣлъ переѣхать рѣку въ бродъ. Броду уже не было, лошадь поплыла, и будучи сильна могла бы счастливо доставить всадника своего на берегъ, но поднялась буря, свирѣпый вихрь закрутилъ воду, всѣ усилія были тщетны, человекъ и конь исчезли въ безднѣ. Чрезъ нѣсколько времени въ разныхъ мѣстахъ всплыли трупы ихъ и понеслись прямо въ помѣстье воеводши.

Чтобы избавиться ужаснаго зрѣлища, юныя дѣвицы прижались лицами къ подушкамъ, но мать ихъ увидя обезображенные черты, недавно у нее бывшаго, молодаго, веселаго гостя, съ отчаяньемъ вообразила, что не уваживъ совѣта дядьки, можетъ быть, сама осудила дѣтей своихъ на безвременную, мучительную смерть. Внѣ себя шарила она рукою не находя крючка запиравшаго дверь, за которою дядька кричалъ, что у мельницы прорвалась плотина и должно скорѣе бѣжать на чердакъ, что только тамъ еще можно найти безопасное убѣжище. Почти по поясъ въ водѣ, воеводша, отворивъ наконецъ дверь, потащила съ собою

старшую дочь, дядька схватилъ на руки младшую, и сдернувъ висѣвшія на деревянномъ крюкѣ платья взялъ ихъ съ собою. Они съ трудомъ достигли чердака, и тамъ окутавшись платьемъ, принесеннымъ заботливымъ старикомъ, несчастныя три женщины, съ нѣмымъ отчаяньемъ слушали вой вѣтра, шумъ воды, стонъ людей и ревъ скота, возвѣщавшіе имъ, что все гибнетъ около нихъ. Вдругъ весь домъ затрещалъ и драничная кровля посыпалась въ разныя стороны. Обнявъ дочерей, воеводша упала съ ними на колѣна, не сомнѣваясь, что настала кончина міра. Она не молилась о продолженіи своей жизни, не боялась смерти, не помнила даже о сынѣ, одно только чувство волновало ея душу, она воображала, и еще нѣтъ словъ ни на какомъ языкѣ, которыми можно было бы выразить, какъ тяжело ей было воображать, что вихрь вырветъ у нее изъ рукъ дочерей, что онѣ потонутъ въ глазахъ ея. Онѣ крѣпко за нее держались, впивались въ нее глазами, ждали отъ нее отраднаго слова, горячо желая жить, желая дожидаться пріѣзда брата. Онѣ едва понимали, что происходитъ, иногда даже не сомнѣвались, что это страшный сонъ, что мать придетъ разбудить ихъ, и онѣ избавятся отъ плачевныхъ, мучительныхъ видѣній.

Такъ протекъ часъ, показавшійся страдальцамъ

длиннѣе двухъ прежнихъ дней. Настало утро, но солнце мрачно свѣтя сквозь густыя тучи, только что умножало ужасъ, показавъ опустошенія продолжавшейся еще бури. Она сломала всѣ крыши, опрокинула нѣсколько стѣнъ, вырвала съ корнями старыя яблони; трупы людей и животныхъ плавали по преждебывшему двору воеводши; деревья, бревна и доски толкались въ домъ ея, какъ будто стараясь пособить разлившейся рѣкѣ, со всѣхъ сторонъ на него напиравшей. Построенный искусными плотниками, онъ удачно противился грозному разрушенію, и воеводша рыдая благословляла дядьку, указавшаго ей убѣжище, гдѣ были еще живы ея дочери, гдѣ онѣ могли протянувшись на бревенчатомъ полу положить головы свои ей на колѣна. Противъ нихъ, на уцѣлѣвшемъ углу людской избы, сидѣлъ внукъ дядьки, пригожій мальчикъ лѣтъ тринадцати. Онъ держался обѣими руками за стропилы, но руки его нѣмѣли, голова кружилась, лице помертвѣло; примѣтно было, что онъ уже не имѣетъ ни силы, ниже охоты заботиться о сохраненіи своей жизни, и нельзя было сомнѣваться, что онъ тотчасъ упадетъ въ воду, какъ скоро отъ него отодвинется большая дворная собака. Видя, что смерть его неразлучна со смертью животнаго, съ чуднымъ понятіемъ поддерживавшаго его равновѣсіе, ста-

рикъ, простирая руки къ небу усердно молилъ Бога о невинномъ отрокѣ, и о преданной ему, умной собакѣ.

Буря стихла, слышенъ сталъ звонъ колоколовъ, какъ будто въ Романовѣ благовѣстятъ къ обѣднѣ. Это напомнило воеводшѣ, что на противоположномъ, крутомъ берегу, нѣтъ опасности отъ наводненія, что оттуда можно ожидать помощи. Она устремила туда жадные взоры, и ей неоднократно казалось, что она видитъ лодку, слышитъ голоса. Сердце ея сильно билось; по оледѣнѣлымъ щекамъ ея лились огненные слезы; она протягивала руки ко мнимымъ избавителямъ, но они внезапно исчезали, какъ будто тѣни нѣкогда утонувшихъ прибрежныхъ жителей, и по высокимъ валамъ быстро неслись только обломки строеній, и на нихъ чайки, не боявшіяся бури, безпечно веселившіяся разрушительнымъ ея величіемъ. Вдругъ со стороны Романова, на черныхъ облакахъ разлилось багровое зарево: молнія загжла тамъ колокольню. Послѣдняя надежда замерла въ душѣ несчастной матери; она подумала, что въ Романовѣ огонь все истребляетъ, какъ у нихъ вода; что ей суждено быть свидѣтельницею голодной смерти дѣтей своихъ. Она на нихъ смотрѣла трепеща встрѣтить взглядъ ихъ, услышать ихъ стонъ;

и жертвуя жизнью она не могла достать имъ кусокъ хлѣба, и ничѣмъ не могла утѣшить ихъ и успокоить. Но онѣ ни на что не жаловались, ничего не просили, онѣ лежали безъ движенія, измученныя, полумертвыя. Лице воеводши посинѣло, пересохшія губы ея истрескались до крови. Сердце стараго дядьки разрывалось на части, видя страданіе госпожи своей, и опасность внука, висѣвшаго надъ бездною.

— Молись, матушка, молись неумолкну, говорилъ онъ: чтобы Господь умилосердился надъ нами грѣшными, и самъ усердно клалъ земные поклоны, и его пламенная вѣра спасала его отъ отчаянія.

Вѣтръ унялся, но небо не прояснялось, и проливной дождь былъ новою, мучительною казнію для несчастныхъ, не имѣвшихъ никакой отъ него защиты. Надежда Далматова приподнялась, посмотрѣла около себя, но не узнала матери, и что-то глухо прошептавъ опять упала возлѣ сестры, о которой только по тяжелому ея дыханію можно сказать было, что она еще жива. Какъ голубка, замѣтивъ хищную птицу близъ гнѣзда своего, старается утаить его подъ своими крыльями, такъ нагнувшись надъ дочерями, воеводша старалась прикрыть ихъ своимъ тѣломъ отъ дождя, котораго сплошной потокъ громко стучалъ

по стѣнамъ и по полу, застилая собою свѣтъ. Все слилось въ густую, непроницаемую мглу; высокій берегъ исчезъ совершенно, какъ будто вѣкъ его тутъ не бывало, и дядька тщетно напрягалъ зрѣніе, чтобы увидѣть внука своего, находившагося за нѣсколько сажень, но разлученнаго съ нимъ смертоносною пучиною. Онъ его громко кликалъ, называлъ его любезнѣйшими именами, и не имѣя отвѣта, почиталъ погибшимъ мальчика, о которомъ онъ до того былъ увѣренъ, что онъ закроетъ ему при смерти глаза. Горькая мысль эта уничтожила всю его бодрость; онъ уже не въ силахъ былъ молиться, и теребя свою бороду завылъ, какъ воютъ крестьянки хороня милаго имъ мужа. На плачевный вопль его отдался глухой голосъ; старикъ не усомнился, что это послѣдній, прощальный стонъ утонувшаго его внука, что съ нимъ тонетъ и вѣрная собака, жалобно залайвавшая. Лай ея далеко раздался, и снова, яснѣе прежняго слышался голосъ, какъ будто кого зовущій.

Много разъ обманувшись въ своихъ надеждахъ, воеводша уже ничего не надѣялась, ничего не ждала, даже ничего не мыслила, и чувства ея, и члены, равно окаменѣли; она не слыхала отдаленнаго голоса, не слыхала ничего кромѣ вздоховъ и стона дѣтей своихъ. Она изумилась, за-

дрожала, увидя передъ собою трехъ сильныхъ мужиковъ, присланныхъ Романовскимъ священникомъ объ ней навѣдаться и предложить ей свои услуги. Они долго не могли въ туманѣ отыскать ея жилища коротко имъ знакомаго, и полагая, что оно разрушено бурею, хотѣли воротиться назадъ, но вдругъ услышали вопль старика, а потомъ лай собаки. Одни сочли это вѣрнымъ доказательствомъ, что отыскиваемое селеніе близко, и что все въ немъ цѣло; другіе утверждали, что собака воетъ надъ умершими, что опасно и бесполезно плыть впередъ, безпрестанно задѣвая за кусты и заборы. Чувствуя приближеніе людей, и какъ будто угадывая о чемъ они спорятъ, собака до крови укусила охраняемаго ею мальчика. Внезапная, острая боль уничтожила оцѣпенѣлость его. Онъ громко закричалъ. Обрадованный, восхищенный дѣдъ его закричалъ еще громче. Гребцы слышали различные голоса ихъ, и не боясь уже, что найдутъ въ живыхъ одну собаку, старались направить путь свой по ея лаю, ежеминутно становившемуся звончѣе и радостнѣе.

Между тѣмъ дождь прошелъ, можно было различать близкіе предметы. Романовцы увидѣли до половины погруженный въ воду, раскрытый домъ Далматовыхъ, откуда старый дядька махалъ имъ обѣими руками, чтобы они поспѣшили. И нужно

было поспѣшить : изнемогшая душею и тѣломъ воеводша замертво упала возлѣ дочерей своихъ ; сидѣвшій на стѣнѣ мальчикъ съ раздирающимъ душу воплемъ просилъ помощи, равно боясь и воды достигавшей его пятокъ , и собаки его укусившей, хотя она усердно старалась зализать рану, безъ которой, можетъ быть, всѣ, кого пощадило наводненіе, погибли бы еще того мучительнѣе. Мальчика спасли перваго , но вѣрную собаку оттолкнули, и когда она поплыла за лодкою, одинъ изъ гребцовъ замахнулся на нее багромъ. Бѣдное животное нырнуло въ воду, и едва не захлебнулось , можетъ быть, тяжело пораженное жестокосердіемъ и неблагодарностью людей, отъ которыхъ ждало совсѣмъ другаго чувства, не понимая, что они и себѣ подобнымъ, за усердіе и услуги часто платятъ холоднымъ пренебреженіемъ, а иногда и упорною враждою. Остановясь у дома воеводши , гребцы кинули старому дядкѣ конецъ толстой веревки, и когда онъ, сколько позволялъ ему остатокъ силъ, прикрѣпилъ ее къ стропиламъ, три человѣка взошли по ней на чердакъ, четвертый оставшись въ лодкѣ сталъ выливать изъ нее воду. Робко осмотрѣвшись кругомъ бѣдная собака прыгнула , или лучше сказать , вползла въ лодку, такъ осторожно , что даже не покачнула ее, и не бывъ примѣчена гребцомъ , усердно за-

нимавшимся своимъ дѣломъ, спряталась за обязаннаго ей жизнию мальчика. Но когда воеводшу перенесли съ дочерьми ея въ лодку, гребецъ увидѣлъ собаку, и по обычаю людей грубыхъ и необразованныхъ, веселясь своимъ могуществомъ надъ безсловесною тварью, жестоко ударивъ ее, хотѣлъ бросить въ воду. Старикъ дядька и внукъ его за нее вступились, но едва ли бы по просьбѣ ихъ ее пощадили, если бы бѣдное животное не догадалось искать спасенія между безмолвно лежавшими сестрами. Онѣ обѣ открыли глаза услышавъ болѣзненный визгъ, но Дарья тотчасъ опять закрыла ихъ, Надежда обняла собаку. Никто уже не смѣлъ ее тронуть, и она прижавшись къ своей благодѣтельницѣ, скоро отогрѣла окостенѣвшіе отъ холода члены ея, что, можетъ быть, и сохранило ей здоровье. Сестра ея занемогла горячкою, а мать лишилась употребленія рукъ и ногъ.

Романовскій священникъ съ величайшимъ усердіемъ принялъ страдальца, но онъ жилъ съ большою семьею въ черной избѣ и самъ часто терпѣлъ нужду. Положеніе воеводши было ужасно, она лежала въ переднемъ углу на соломѣ, покрытой грубою холстиною, и безъ чужой помощи не могла пошевелиться. Противъ нее старшая дочь ея, въ сильномъ жару бредила объ отцѣ, о братѣ, о прежней жизни въ жалованной Царемъ

усадебѣ, о неожиданной, тяжелой перемѣнѣ ихъ участи. Тщетно умоляя ее замолчать изъ любви къ матери, сестра ея Надежда зажимала больной ротъ, но она вырываясь изъ ея объятій, кричала, что пора ей ѣхать къ отцу, что онъ давно ее ждетъ, что у него свѣтло, просторно, что тамъ она вкусно пообѣдаетъ. Эти рѣчи, терзали сердце воеводши, не оставляя ей сомнѣнія, что Дарья, а можетъ быть и обѣ ея дочери, скрывая отъ нее свои чувства, давно томились грустью въ убѣжищѣ, куда принудилъ ее удалиться жестокосердый деверь. — Что же будетъ теперь съ ними, думала она, когда и это бѣдное, но независимое убѣжище истреблено, когда у нихъ не осталось ничего кромѣ жизни, молодой, пылкой; кромѣ горькаго воспоминанія о невозвратныхъ потеряхъ. Недвижимая на убогомъ одрѣ, она вообразила, что за невольные грѣхи ея, по несчастной ея судьбѣ погибаютъ ея дочери, что смерть ея нужна для ихъ пользы, что послѣ нее Богъ призритъ оставленныхъ ею сиротъ, и она стала молиться, чтобы Господь скорѣе призвалъ ее къ себѣ. Но эта молитва, противная долгу христіанскому, не облегчила душевной ея муки; она вспомнила, что умирая не оставить лоскута, чѣмъ покрыть ея тѣло, ни полушки денегъ, чтобы купить гробъ; что ее должно будетъ похоронить

какъ нищую, найденную мертвою на какомъ-нибудь перекресткѣ.

— О, мой Боже! прошептала она: прости мнѣ мои жалобы, пошли мнѣ новыя болѣзни, но дозвожь прежде смерти, собрать, чѣмъ заплатить за могилу, которая ждетъ меня увѣчную; за хлѣбъ, которымъ кормятъ меня съ дочерьми моими! Чтобы не довелось имъ оплачивать это своею работою!

Какъ ни продолжительны были дожди, отъ которыхъ разлилась рѣка Воронежъ, но вѣроятно она одна не причинила бы слишкомъ большаго вреда, если бы не случилось притомъ жестокой, страшной бури. Она прорвала нѣсколько плотинъ, и совершенно разорила маленькое помѣстье Далматовыхъ, всѣхъ ближе находившееся къ берегу. Когда наконецъ сошла вода, старый дядька отправившись посмотреть господскій домъ, нашелъ въ немъ только нѣсколько кусковъ холста, лежавшаго въ прибитомъ къ полу, окованномъ желѣзомъ сундукѣ, и между ниму два золотыя кольца, которыя воевода, въ послѣдній разъ разставаясь съ дочерьми, подарилъ имъ, вѣроятно съ надеждою, что онѣ нѣкогда будутъ ими обручены съ достойными женихами. Все прочее было изломано, или унесено водою. Но не смотря на болѣзни, нищету, и всѣ горести, происходящія отъ этихъ двухъ началъ почти всѣхъ въ мірѣ бѣдствій,

воеводша не рѣшалась увѣдомить сына о всемъ случившемся, не сомнѣваясь что это смертельно огорчитъ его. Ей хотѣлось прежде продать землю свою, которую у нее торговали, и поселиться въ ближайшемъ городкѣ, гдѣ бы ничто не напоминало гибельнаго наводненія. Она скоро увѣрилась, что напрасно льстилась этою надеждою; бывшіе охотники купить ея участокъ, объявили, что они теперь не дадутъ и рубля за яму, въ которой ложась спать должно готовиться уснуть вѣчнымъ сномъ.

Между тѣмъ, скоро послѣ наводненія, умеръ Романовскій управитель. Вдова его нетерпѣливо желая воротиться на свою родину, въ Ярославль, предложила воеводшѣ купить у нее за сто рублей, выстроенный на прелестной высотѣ домикъ со всѣми хозяйственными принадлежностями. Такое пріобрѣтеніе было бы кладомъ для больной, разоренной женщины, и принужденная отъ него отказаться, воеводша съ сугубою горестью смотрѣла на закопченныя стѣны душнаго своего жилища, на бѣдныя рубища своихъ хозяевъ, на обезображенныя болѣзнью и испугомъ лица дочерей своихъ.

Однажды, Надежда долго шептавшись въ чуланѣ со священникомъ и старымъ дядькою, подошла къ матери съ веселымъ видомъ, чего давно

уже не бывало. Юныя ея лѣта и уединенная жизнь располагали ее вѣрить исполненію, всего, чего хотѣлось ей, и она, не имѣя понятія о столицѣ и о дворѣ, не сомнѣвалась, что братъ ея будучи жильцомъ долженъ быть на дружеской ногѣ съ боярами, что онъ имѣетъ свободный доступъ къ самому Царю и легко можетъ, послѣ несчастія ихъ постигшаго, выпросить сто рублей за службу отца своего и свою собственную. Она предложила матери послать дядьку обо всемъ увѣдомить Илью. Священнику казалось, что это будетъ очень полезно, а дядька, въ семьдесятъ лѣтъ бывъ еще бодръ и крѣпокъ, надѣялся поспѣть, за недѣлю до праздника Святаго Великомученика Георгія, въ Москву, гдѣ онъ располагался тотчасъ явиться къ князю Скопину-Шуйскому. Вспоминая, какъ юный князь былъ тронутъ смертью воеводы, и какъ заботился онъ потомъ о молодомъ его господинѣ, старикъ былъ твердо увѣренъ, что и теперь узнавъ о всемъ, что претерпѣли Далматовы, онъ съ обыкновеннымъ его великодушіемъ поспѣшитъ имъ доставить нужную помощь. Воеводша задумалась. Ей жаль было надолго лишиться услугъ старика, искуснаго стрѣлка и рыболова; отпустить его въ дальній путь, оборваннаго, босаго, принужденнаго кормиться милостыней. Она не смѣла надѣяться, что онъ воротится здо-

ровый, съ радостнымъ извѣстіемъ о сынѣ, со средствами избавиться тяжелой нищеты. Ей стало грустнѣе обыкновеннаго, какая-то тоска, незави-сѣвшая отъ всегдашней скорби ея, налегла ей на душу. Юная Надежда удивлялась, что мать ея медлитъ согласиться на предложеніе, отъ котораго по мнѣнію ея зависѣло ихъ благополучіе, и живо, съ жаромъ стала снова убѣждать ее немедленно отправить дядьку. Забывая, какъ всякое неосторожное прикосновеніе заставляетъ страдать ея мать, она бросилась цѣловать ея руки. Воеводша превозмогла жестокую боль, и мысленно при-звавъ въ помощь Бога, одобрила намѣреніе дядьки и поручила ему передать сыну ея благосло-веніе. Она ничего болѣе не сказала; ей было тяжело говорить, и трудно было разбирать слова ея: голосъ ея, отъ природы нѣжный и звучный, послѣ наводненія сдѣлался хриплымъ, и она стала даже какъ будто заикаться.

Надежда пошла проводить дядьку до глубокаго, обширнаго оврага, находящагося по близости Романова, и еще поблагодаривъ его за усердіе, прощаясь сунула ему въ руку золотое кольцо свое, послѣдній подарокъ отца ея, единственное ея сокровище. Старикъ сначала не понялъ зачѣмъ она его отдаетъ ему, и когда она сказала, чтобы въ случаѣ нужды или болѣзни онъ продалъ кольцо

ея, онъ устремилъ на нее полные слезъ глаза, и дрожащимъ отъ умиленія голосомъ поклялся, что между Романовымъ и Москвою живутъ все добрые люди, готовые Бога ради кормить и призирать страниковъ. Молодая дѣвица поколебалась, но на одно мгновеніе. Вспомнивъ, что дядька несетъ за плечами въ сумѣ хлѣбъ, данный ему добрыми хозяевами, она тотчасъ разсудила, что онъ не совершенно надѣется всюду найти гостепріимство, и рѣшительно приказала ему взявъ кольцо, избавить ее отъ тягостной мысли, что у нее лежитъ золото, а преданный слуга ея родителей, которому сама она обязана жизнію, можетъ быть голоденъ. Съ этими словами она побѣжала назадъ, веселясь своимъ пожертвованіемъ.

Подходя къ избѣ священника, Надежда встрѣтила осьмилѣтнюю поповну, посланную за нею, сказать, что сестрѣ ея стало гораздо хуже. Она взлетѣла на крутую лѣстницу, но отворивъ дверь въ избу невольно остановилась.

— Помогите! кричала Дарья: спасите ради Бога! отнимите у него ножъ!... Умилосердись, Ильюша!... не пугай меня, не смотри такъ страшно... Опомнись, другъ мой!... Пусти его: Богъ ему судья!

Бредъ больной едва не уморилъ здоровую. Надежда вообразила, что какой-нибудь злодѣй хо-

четь зарѣзать Илью, что праведная душа сестры, которую давно всѣ звали ангеломъ, угадала его опасность. Свѣтъ померкъ въ глазахъ ея, она едва устояла на ногахъ. Жалобный голосъ ея матери согналъ смертную блѣдность съ лица ея, слезы полились у нее ручьями. Вздохнувъ свободно, Надежда побѣжала къ образамъ, и положивъ три земные поклона, цѣлый день съ обыкновеннымъ усердіемъ заботилась о безцѣнныхъ ей страдлицахъ, не воображая, что прежде всѣхъ вздумавъ отправить въ Москву дядьку, она сама будетъ невинною, но первою причиною страшной перемѣны чувствъ и судьбы горячо любимого брата.

ГЛАВА VI.

Мнози же....ко врагомъ прилагахуся,
и въ Тушинѣ бывше, тамо крестъ же
Господень цѣловавше, и жалованье у
врага Божія взявше,.... и паки у Царя
Василія больша прежняго почестъ и
имѣніа и дары воспріимаху, и паки
къ вору отъѣзжаху.

Аврамій Палицынъ.

Qu'importe à ces hommes , mes frères,
Le coeur brisé d'un malheureux.
Trop au-dessus de mes misères
Mon infortune est si loin d'eux!

Alp. de Lamartine.

Ильѣ Далматову было двадцать два года, и онъ
бывъ умнѣе и красивѣе большей части товарищей
своихъ, жильцовъ, всѣхъ ихъ былъ бѣднѣе. Не-
изнѣженный съ малолѣтства, пріученный доволь-
ствоваться малымъ, онъ долго терпѣливо сносилъ
бѣдность, надѣясь, что съ нимъ сбудется посло-
вица: «за Богомъ молитва, а за Царемъ служба
не пропадаетъ.» Эту пословицу натвердилъ ему

отецъ его , за ревностную службу награжденный помѣстьемъ и достоинствомъ воеводы. Но, какъ говорятъ Французы: «другое время, другіе и нравы.» Бояре окружавшіе Василія , преемника разстриги, не походили на бояръ Θεодора, наслѣдовавшаго Іоанну. Между ними не было Бориса Θεодоровича Годунова , стремившагося мудрымъ управленіемъ прославить Царя, чтобы его самого сочли достойнымъ царствовать; они не только не заботились, чтобы Государь былъ любимъ и почитаемъ , но даже старались лишить его общей любви, чтобы онъ нуждался въ корыстныхъ ихъ услугахъ и вѣрилъ имъ однимъ. Помня наставленія отца своего, Илья, поступивъ въ жильцы , былъ пораженъ дерзкими сужденіями товарищей о Царѣ; онъ старался ихъ усовѣстить , оправдывалъ поступки Государя, превозносилъ его намѣренія. Одни смѣялись надъ его простотою ; другіе сочли его лазутчикомъ , Государь не имѣлъ случая оцѣнить его усердіе. По смерти воеводы Далматова, помѣстивъ сына его въ Царскую дружину , князь Скопинъ-Шуйскій надѣялся этимъ обезпечить навсегда судьбу его, но его участіе въ послѣдствіи обратилось во вредъ бѣдному сиротѣ. Завидуя доблестямъ и славѣ юнаго героя, во время продолжительнаго его отсутствія, царедворцы уgniтали Илью, радуясь случаю доказать, что они

сильнѣе Царскаго племянника, что не должно полагаться на его защиту. Илья и не воображалъ, что онъ имѣетъ право всегда просить помощи князя. Онъ страшился происковъ, не умѣлъ щеголять своею службою, почиталъ низостью тотчасъ требовать за нее наградъ, но день отъ дня ему становилось чуднѣе, что люди не радѣвшіе о своихъ обязанностяхъ, даже явные противники Царя, часто были осыпаемы его милостями, а онъ ничѣмъ не могъ пріобрѣсти его благосклонность.

Внезапная кончина князя Михаила, исполнивъ отчаяньемъ молодаго Далматова поколебала наслѣдственную его преданность Государю. Онъ начиналъ вѣрить врагамъ его, разглашавшимъ, что Василій Іоанновичъ завидовалъ племяннику своему и былъ первымъ его зложелателемъ. Пылкія страсти, дотолѣ таившіяся въ душѣ его, начинали ее волновать. Но еще онъ старался превозмогать тяжкія для него чувства, остерегался обнаружить ихъ. Онъ какъ будто стоялъ на льдинѣ оторвавшейся отъ берега, страшился чтобы она не унесла его далеко въ море.

Илья слѣдовалъ за гробомъ единственнаго своего покровителя, но чрезвычайная тѣснота не позволила ему войти въ Архангельской Соборъ. Онъ не жалѣлъ, что принужденъ былъ остаться на улицѣ, воздухъ освѣжалъ лице его, палимое

внутреннимъ жаромъ, и въ открытыя окна слышно было все происходившее въ церквѣ, когда плачъ народа не заглушалъ моленіе. Вдругъ сѣдой старикъ, въ припадкѣ горести оперся головою о плечо Ильи.

— Батюшки мои, вскричалъ онъ, не ужели впрямъ это хоронятъ князя Михайла Васильевича? Ради Царя Небеснаго, скажите, что мнѣ солгано.

Молитва священника о упокоеніи души боярина князя Михаила была отвѣтомъ на слова старика. Онъ съ отчаяннымъ воплемъ всплеснулъ руками. Далматовъ затрепеталъ. Ему показалось, что въ этомъ голосѣ есть что-то знакомое, почти родное; что этотъ вопль сильно выразившій глубокую тоску, ему самому грозитъ какимъ-то страшнымъ, невообразимымъ несчастіемъ. Онъ поспѣшно обернулся, старикъ взглянулъ на него и оба закричали, равно пораженные ихъ встрѣчею, какъ будто бы клялись во всю жизнь не казаться другъ другу. Увидя передъ собою, въ нищенской одеждѣ, одряхлѣвшаго дядьку отца своего, на рукахъ котораго онъ и самъ выросъ, Илья старался себя увѣрить, что дядька не бывавъ давно въ Москвѣ захотѣлъ помолиться Московскимъ Угодникамъ; что онъ странствуетъ по святымъ мѣстамъ, и посѣдѣлъ, и сгорбился отъ труженической жизни, что нѣчего спрашивать его о матери и о

сестрахъ, съ которыми онъ давно разстался. Но тщетно удалялъ онъ мысль, что старикъ принесъ ему печальное извѣстіе, мысль эта тѣснилась въ умъ его; какъ будто кто шепталъ ему на ухо, что вмѣстѣ съ княземъ Михаиломъ нисходятъ въ могилу и всѣ надежды Россіи, и все собственное его спокойствіе. Онъ озирался по всѣмъ сторонамъ и безпрестанно крестился, но суевѣрный страхъ одолѣвалъ его; онъ ничѣмъ не могъ развлечь плачевныя предчувствія.

Тѣло князя Михаила предано было землѣ въ придѣлѣ Іоанна Крестителя, и когда Царь, исполненный горести, удалился съ высшими сановниками, всѣ съ улицы бросились въ церковь, всѣ стремились облобызать гробницу князя и отслужить надъ нею особую панихиду. Илья счелъ это священнымъ долгомъ, дядька слѣдовалъ за нимъ, держась за его платье; печаль его была еще сильнѣе печали молодаго жильца. Онъ во все продолженіе дальняго и труднаго пути питался надеждою, что князь Скопинъ-Шуйскій будетъ ангеломъ утѣшителемъ страждущихъ господъ его; что онъ у него выпроситъ имъ спокойное убѣжище, прежде нежели Илья узнаетъ о ихъ ужасномъ состояніи. Проходя Московскія улицы, онъ былъ пораженъ уныніемъ и страхомъ рѣзко изображавшимися на всѣхъ лицахъ, и видя всюду черныя

платья, подумалъ, что скончался одинъ изъ Царскихъ братьевъ, но въ Кремлѣ спросилъ онъ, что причиною общаго плача, и ему сказали, что хоронятъ князя Михайла Васильевича. Внезапное душевное потрясеніе на минуту возвратило ему утраченныя силы, онъ вы тянулся и распрямился какъ бывалъ за двадцать лѣтъ, и забывая жестокую усталость, не чувствуя боли отъ толчковъ, пробился сквозь тѣсныя толпы до самой стѣны Архангельскаго Собора. Читателямъ извѣстно, какъ онъ встрѣтилъ тамъ своего господина, не зная чѣмъ усладить принесенныя имъ горестныя вѣсти. Послѣ всего, что потерпѣлъ онъ отъ наводненія, онъ не могъ пѣшкомъ поспѣть въ Москву къ назначенному имъ времени. Это уничтожило всѣ пріятныя его надежды, и онъ, зная какъ молодой господинъ его любитъ мать и сестеръ, и какъ онъ все горячо чувствуетъ, рвалъ на себѣ волосы за невольную медленность, отъ которой не безъ основанія страшился бѣдственныхъ слѣдствій. Онъ понималъ наконецъ, но слишкомъ поздно, что напрасно не продалъ кольца своей барышни, чтобы нанять лошадь. Онъ неоднократно хотѣлъ на это рѣшиться, принужденный отдыхать по цѣлымъ почти днямъ, но когда брался за кольцо, висѣвшее у него съ крестомъ на груди, ему казалось, что онъ тяжко согрѣшитъ, употребивъ

для сбереженія собственныхъ силъ послѣдній подарокъ воеводы его дочери.

Вошедъ за Далматовымъ въ небольшую горницу, которую убогій жилецъ нанималъ у старой вдовы, за Арбатскими Воротами, недалеко отъ вновь построенной, каменной церкви Николая Явленнаго, дядька не могъ усомниться, что Илья самъ терпя нужду, ничего не можетъ удѣлить своей матери. Тѣмъ болѣе раскаяваясь, что онъ не подорожилъ временемъ, не размыслилъ, что отъ одного дня, отъ одного часа можетъ зависѣть судьба цѣлой жизни, онъ съ сокрушеннымъ сердцемъ помолился передъ иконою не имѣвшею никакихъ украшеній, и совершенно забывъ, какъ молодая его барышня убѣждала его, съ величайшею осторожностью увѣдомить брата ея о ихъ несчастіяхъ, рыдая бросился ему въ ноги.

— Прости меня, батюшка, Илья Даниловичъ, вскричалъ онъ: виноватъ я крѣпко передъ тобою, только не душею, а ногами и головою. Посулился боярынѣ, притти сюда за недѣлю до Егорья, но въ ногахъ не достало силы, а въ головѣ ума; не догадался окаянный, что лучше бы мнѣ воротиться безъ золотого колечка, да принести скорѣе добрую вѣсточку. Что теперь дѣлать безъ князя Михайла Васильевича? Кто объ насъ пожалѣетъ? Кто насъ выручитъ изъ напасти? Помню я, кормилецъ,

какъ твой батюшка отдалъ Богу животъ за Государя, Василья Ивановича, а послѣ него дядюшка твой оттягалъ у васъ усадьбу: казалось всѣмъ жаль было сиротства твоего, а кабы не князь Михайло Васильевичъ, Богъ-вѣсть, какъ бы ты пережилъ тогдашнее горе!

Пораженный несвязными рѣчами, ничего не объяснявшими, но заставлявшими угадывать плачевныя происшествія, Илья не въ состояніи былъ перервать дядьку. Наконецъ опомнившись, онъ велѣлъ ему встать и рассказать обстоятельно, что случилось съ его матерью и сестрами, и какое несчастіе грозитъ имъ, или ему самому. Его чрезвычайно огорчило извѣстіе о наводненіи и ужасныхъ его слѣдствіяхъ, но онъ ни минуты не усомнился, что ему легко будетъ доставить страждущимъ роднымъ своимъ средства пріобрѣсти домъ вдовы Романовскаго управителя, гдѣ они могли по крайней мѣрѣ найти покойное убѣжище.

— Не кляни себя старикъ, сказалъ онъ, что не засталъ въ живыхъ князя Михайла Васильевича; видно Богу такъ угодно. Авось, Государь Василій Ивановичъ вмѣсто его намъ пособить! Доселѣ, oprчъ положеннаго содержанія, не выдано мнѣ алтына лишняго: а товарищи то и дѣло выпрашиваютъ у Царя деньги, — кто, чтобы коня купить покрасивѣе; кто, чтобы кафтанъ сшить по-

богаче. Моя нужда не таковская; нужда моя кровная, нѣчего объ этомъ и голову ломать, Государь меня не покинетъ: я ему служилъ усердно; ни дѣломъ, ни словомъ не приставаля къ его злодѣямъ.

Далматовъ посмотрѣлъ на дядьку, ожидая, что онъ подтвердитъ слова его, горячо этого желая, какъ будто отъ мнѣнія стараго слуги зависѣло исполненіе надеждъ его. Старикъ повѣся голову стоявшій у притолка крѣпче оперся о него.

— Чтò же ты молчишь, Савельичъ? съ жаромъ вскричалъ Илья. Неужели ты боишься, что мнѣ будетъ отказъ; велики ли деньги сто рублей?

— Вѣстимо, батюшка, что Государю Царю сто рублей плѣвое дѣло, чай меньше чѣмъ сто полушекъ твоей милости. Да вѣдь надо, чтобы онъ узналъ о нуждѣ твоей, а скоро ли сыщешь человѣка, который бы ради Христа Небеснаго вступился за чужихъ людей. Изволишь знать, кормилецъ, я за твоимъ батюшкою довольно потаскался по бѣлому свѣту, чего самъ не видалъ, о томъ слышалъ отъ пріятелей; не много между боярами охотниковъ дѣлиться Царскою милостью; всѣ они берегутъ ее себѣ и своимъ сродникамъ.

Воображая съ довѣрчивостью молодой, чувствительной души, что горестная участь семейства его

должна всѣхъ живо тронуть, что никто не откажется облегчить ее, Илья счелъ сказанное дядькою доказательствомъ ограниченныхъ его понятій и природной робости. Оно ни мало не поколебало его намѣренія, и ему казалось весьма приличнымъ просить помощи у Государя въ такое время, когда и частные, даже небогатые люди, на поминовеніе ближнихъ своихъ обыкновенно раздаютъ деньги. Подъ вечеръ, когда можно было надѣяться, что онъ отдохнулъ послѣ погребенья, Илья поѣхалъ къ боярину, Василью Петровичу Морозову, главному начальнику разряда, или разряднаго приказа, въ вѣдомствѣ котораго находились жильцы, почему Илья и не рѣшился обратиться со своею просьбою къ кому другому. Боярина Мороза вообще почитали человѣкомъ гордымъ и суровымъ, ласковымъ только съ тѣми, которые имѣли сильныхъ родственниковъ и покровителей. Но молодой Далматовъ еще ни о чемъ его не просивъ, хотя неоднократно имѣлъ случай угодить ему исполненіемъ его порученій, имѣлъ свободный къ нему входъ. Онъ засталъ у него нѣсколько человѣкъ близкихъ къ Царю. Сначала это смутило его, и онъ уже рѣшался умолчать зачѣмъ пріѣхалъ, но подумалъ, что можетъ быть ему еще полезнѣе будетъ при всѣхъ объявить о несчастіи, котораго скрывать не имѣлъ причины,

что это можетъ расположить не одного Морозова и другихъ быть о немъ ходятаями.

Истощивъ всѣ толки и сужденія о бывшихъ въ послѣдніе дни печальныхъ происшествіяхъ, хозяинъ и гости были очень довольны, увидя молодого жильца, надѣясь отъ него услышать что-нибудь новое; но разстроенное лицо и дрожащій голосъ его скоро всѣхъ увѣрили, что онъ не можетъ развлечь грусть, или лучше сказать скуку ихъ послѣ похоронъ.

— Хорошо, прекрасно; вотъ зачѣмъ ты незваный пришелъ ко мнѣ, сказалъ Морозовъ, съ величайшею холодною выслушавъ жалостный рассказъ Ильи о наводненіи. Каково придумалъ, словно ты и не слыхалъ, что великій Государь сегодня похоронилъ племянника, котораго любилъ какъ сына. Велишь мнѣ бѣжать къ нему просить тебѣ денегъ; ей-ей, я еще не встрѣчалъ такого озорника!

— Время ли теперь хлопотать о своихъ нуждахъ, угрюмо сказалъ князь Борисъ Михайловичъ Лыковъ; не пригоже такому молодцу лишь изъ корысти служить великому Государю; послужи ты ему изъ чести, и Господь Богъ наградитъ тебя, и добрые люди тебя полюбятъ.

Илья обомлѣлъ. Ему не приходило въ голову, чтобы кто-нибудь могъ укорить его въ корысто-

любѣи и равнодушїи къ отечеству, когда онъ только старался спасти отъ отчаянїя мать свою и сестеръ. Онъ не могъ вымолвить ни одного слова, но лице его залилось багровымъ румянцемъ и можно было ожидать, что за недостаткомъ слезъ у него брызнетъ кровь.

— Ты больно еще молодъ, братъ, сказалъ князь Туренинъ, нѣкогда бывшій товарищемъ воеводы Далматова, но не узнававшій сына его, съ тѣхъ поръ, какъ самъ онъ подлою лестью князю Дмитрію Шуйскому, добился боярства. Немножко не по твоему, радъ на стѣну лезть. Посмотрѣлъ бы ты, что со мною бывало: и хлѣбъ не родился, и села горѣли, и дѣти умирали, было отъ чего кулакомъ слезы утирать. Слава Богу, все стерпѣлъ; потерпи по моему, покорись волѣ Божіей!...

— Нѣтъ, нѣтъ, перервалъ Илья: меня губить не воля Божія, а воля человѣческая. Я знаю, что казна обѣднѣла, что деньги нужны ратникамъ, но развѣ я за большимъ гонюсь; выпросите мнѣ, Христа ради, сто рублей у Царя; одною сотнею не одолѣете вы Ляховъ, не закупите Нѣмцовъ, но она спасетъ мать мою и сестеръ отъ голодной смерти, и я до гроба вѣрою и правдою служить буду Государю Василью Ивановичу, буду молить за него Бога, закрою его моей грудью отъ злыхъ на него умысловъ!

Онъ окинулъ общество быстрымъ, выразительнымъ взоромъ, всѣ слушали его разсѣяннo, равнодушно.

— Неужели, продолжалъ онъ внѣ себя, растерзанный общеою холодностію, вовсе не нужно мое усердіе и вѣрность? Неужели отецъ мой, не заслужилъ, чтобы вдову и дочерей его наградили кускомъ хлѣба и теплымъ угломъ?

Князь Туренинъ перемигнулся съ двумя своими сосѣдами, всѣ трое язвительно усмѣхнулись. Давно согласные съ Ляпуновыми, сами готовые измѣнить, они съ радостью замѣчали раздражаніе Ильи, но имъ казалось бесполезнымъ, даже опаснымъ, стараться пріобрѣсти такого молодого и горячаго сообщника. Прочіе гости покачали головами, дивясь рѣчамъ Далматова, почти сомнѣваясь въ его разсудкѣ. Дѣйствительно онъ походилъ на сумасшедшаго. Незаслуженные упреки, неумѣстныя наставленія возмутили его пылкую душу. Какъ отъ внезапнаго мороза гибнетъ нѣжный, душистый цвѣтокъ, такъ отъ общаго жестокосердія исчезали, кроткія, высокія чувства Ильи, такъ вмѣсто любви и довѣренности къ людямъ, сердце его исполнялось презрѣніемъ и злобою.

Дядька ждалъ молодого господина своего, сидя на крыльцѣ; услышавъ конской топотъ онъ всталъ и перекрестился, подумавъ, что Илья спѣ-

шитъ къ нему съ радостною вѣстью. Не обративъ вниманія на дядьку, не позаботившись, какъ прежде всегда бывало, о любимомъ конѣ, Илья вбѣжалъ въ тѣсную свою горенку, и бросившись на лавку, на которой уже былъ постланъ ему къ ночи войлокъ, обѣими руками подперъ горячую, тяжелую свою голову. Ему начинало казаться, что онъ несправедливо дотолѣ гнушался поступками князей, Трубецкаго, Черкасскаго, Сицкаго, и другихъ именитыхъ людей, которые всегда пользовавшись милостями Василя Іоанновича, передались самозванцу; что не подлое корыстолюбіе, а нестерпимыя обиды довели ихъ до этого. Но тщетно старался онъ себя увѣрить, что въ ужасной его крайности онъ имѣетъ право искать помощи и утѣшенія въ станѣ Лжедимитрія, долгъ присяги еще казался ему священнымъ: онъ не могъ побѣдить отвращенія къ Жиду, не могъ промѣнять на него Государя, за котораго умеръ его отецъ.

Мрачная задумчивость Ильи не позволяла дядькѣ сомнѣваться, что онъ не напрасно горько плакалъ о преждевременной кончинѣ князя Скопина-Шуйскаго, что безъ него никто не хочетъ помнить заслуги воеводы Далматова, никого не трогаютъ несчастія его семейства. Не въ силахъ будучи держаться на ногахъ, старикъ присѣлъ на

корточкахъ у порога, и съ растерзанною душою устремилъ глаза на Икону, передъ которою горѣла зажженная имъ денежная свѣчка. Другой свѣчи не было, и когда на улицѣ смерклось и закрыли ставни, войдя въ тѣсную горницу, которой грубо вытесанныя, деревянные стѣны давно почернѣли, не скоро можно было бы увидѣть находящихся въ ней людей; лица ихъ отдѣлялись отъ тѣней ихъ окружавшихъ, но неясно, неопредѣленно, какъ бездушныя видѣнія, какъ что-то таинственное, непонятное.

— Батюшка, Илья Даниловичъ, сказалъ наконецъ дядька, прервавъ мучительное для него молчаніе: смилуйся надо мною, промолви хоть одно словечко; такъ и щемитъ сердце, глядя на тебя! Расскажи мнѣ кручину свою, кормилецъ; тебѣ самому будетъ легче.

Илья какъ будто очнулся отъ тяжелаго сна. Его поразила темнота комнаты, онъ велѣлъ подать еще свѣчу, и когда принесли ее, мысли его прояснились; онъ сталъ укорять себя въ малодушіи, что первая неудача такъ жестоко огорчила его и снова предался лестнымъ надеждамъ. Онъ вспомнилъ, что многіе незнатные люди хвалились ласковымъ пріемомъ Царскаго свояка, князя Ивана Михайловича Воротынскаго, и рѣшился чрезъ него просить у Государя помощи. Ему очень

было тяжело для такого дѣла нанимать чужую руку, но не въ состояніи будучи самъ написать просьбу, онъ принужденъ былъ поручить это свѣдущему подъячному. Когда просьба поспѣла, старикъ дядька съ горячими слезами предрекъ господину своему счастливый успѣхъ. Ему казалось невозможнымъ, чтобы своякъ Царскій пренебрегъ случаемъ, заставить цѣлое семейство благословлять Государя; чтобы онъ утаилъ о наводненіи столь бѣдственнымъ для вдовы и дочерей храброго и вѣрнаго воина.

Князь Воротынскій любилъ щеголять своею привѣтливостью и щедръ былъ на обѣщанія, за что и прославляли его всѣ выдавшіе его изрѣдка, не имѣя нужды въ его покровительствѣ; но знавшіе его коротко говорили, что вѣрно кто-нибудь совершенно на него похожій нравомъ и чувствами, заставилъ выдумать пословицу: «мягко стелеть, а жестко спать.»

Илья Далматовъ не бывалъ въ домѣ князя Воротынскаго, и въ другое время его поразила бы, съ перваго шага примѣтная смѣсь роскоши со скупостью, но онъ не въ состояніи былъ этимъ заняться, и оставленный одинъ, въ обширной столовой, съ трепетомъ воображалъ, что можетъ быть Царскій родственникъ откажется принять его. Онъ не опасался ничего другаго, но и это

опасеніе было для него мучительно, каждая минута была дорога ему: онъ съ судорожнымъ нетерпѣніемъ желалъ отпустить дядьку съ деньгами въ Романово. Приглашеніе войти къ князю обрадовало Илью, какъ неожиданное, рѣдкое благодѣяніе: онъ мысленно благословилъ его, забывъ, что и у князя Кашина былъ онъ тотчасъ принятъ. Но узнавъ, зачѣмъ пришелъ онъ, князь Воротынскій не перемѣнилъ ласковаго обращенія, и посадивъ молодаго жильца, сказалъ, что онъ совершенно понимаетъ глубокую печаль его, но что, по несчастію, Государь, чрезвычайно озабоченный дѣлами общественными, скучаетъ частными просьбами, что самъ онъ принужденъ выжидать счастливыхъ минутъ, чтобы выпросить бездѣлицу какому-нибудь бѣдняку.

— По тебѣ слово, продолжалъ Воротынскій, никогда не совѣстясь, для убѣжденія въ собственномъ великодушіи, уничтожить надежду на справедливость и милость Царя: своякъ мой Василій Ивановичъ день отъ дня становится суровѣе и скупѣе. Но положиись на меня, я о тебѣ похлопочу.

Умильный видъ и лицемѣрная искренность боярина обворожили неопытнаго, пламеннаго юношу. Онъ повѣрилъ, что князь Воротынскій сердечно огорчается невозможностью тотчасъ утѣшить его,

и нѣсколько времени къ нему не являлся, чтобы не обезпокоить его своимъ нетерпѣніемъ. Но не получая никакого извѣстія, Илья наконецъ пошелъ спросить о здоровьѣ князя. Провожавшій его прежде слуга, доложивъ о немъ, воротился съ отвѣтомъ, что князь, будучи занятъ дѣлами, никого не принимаетъ. Растревоженный собственнымъ положеніемъ, Илья не примѣтилъ, что отвѣтъ этотъ былъ произнесенъ сухо и грубо, какъ обыкновенно слуги отвѣчаютъ просителямъ, докучающимъ господамъ ихъ, и не подозрѣвая еще, что онъ совершенно обманулся въ своемъ мнѣніи о князѣ Воротынскомъ, продолжалъ ходить къ нему каждый день, по два и по три раза, и ему каждый разъ съ возрастающимъ пренебреженіемъ отвѣчали, что князя нѣтъ дома. Онъ начиналъ понимать, что его ожидаетъ, но силился заглушить свои предчувствія, считалъ себя обязаннымъ, смиреніемъ своимъ стараться вымолить матери и сестрамъ необходимую помощь. Такъ прошли двѣ недѣли. Онѣ показались Ильѣ долѣе года: чего не перетерпѣлъ онъ въ это время; чего не передумалъ онъ о страждущемъ семействѣ своемъ, о тѣхъ, которые легко могли но не хотѣли пособить ему, о собственномъ, безотрадномъ униженіи. Онъ почти ничего не ѣлъ, очень мало спалъ, сердце его жестоко волновалось.

Между тѣмъ наступило семнадцатое Мая, день низложенія разстриги. Ильѣ сказали, что по этому случаю было много милостей, и онъ на слѣдующее утро, по прежнему не бывъ допущенъ къ князю Воротынскому, дождался его на улицѣ. Князь притворился что не видитъ Илью. Послѣдній остановилъ его лошадь, и снявъ почтительно шапку, спросилъ дрожащимъ отъ внутренняго волненія голосомъ, что Государь изволилъ отвѣчать на его просьбу.

— Нѣтъ денегъ, сухо сказалъ князь Воротынскій.

— Нѣтъ ста рублей, для больной моей матери, для голодныхъ сестеръ моихъ! помертвѣвъ вскричалъ Далматовъ, а князю Василью Голицыну....

Не внимая словамъ его Воротынскій поскакалъ во весь опоръ, радуясь, что избавился отъ надѣвшаго ему просителя, не воображая, что отъ его подлости и жестокосердія, невинный юноша готовъ сдѣлаться преступникомъ, что онъ толкнулъ его въ бездну и будетъ отвѣчать Богу за его душу. Воротынскій давно поставилъ себѣ правиломъ ни о комъ не просить Государя, кромѣ ближнихъ своихъ родственниковъ и льстецовъ. Потѣшившись пламенною признательностью, обольщеннаго его ложнымъ великодушіемъ молодого, неопытнаго жильца, онъ бросилъ письмо его, вовсе

не заботясь о судьбѣ юноши, незнатнаго, беззащитнаго, не владѣвшаго ничѣмъ кромѣ души, о которой еще не было извѣстно, что она равно способна на благородныя жертвы и необузданную месть.

Илья стоялъ какъ громомъ пораженный, кровь его горѣла, жизнь становилась ему ненавистна. Вдругъ кто-то ударилъ его по плечу; онъ поднялъ голову и увидѣлъ высокаго мужчину въ простой, сѣрой однорядкѣ. Изношенная, бархатная шапка закрывала ему весь лобъ, но изъ-подъ бѣличей ея опушки ярко блестѣли, большіе, каріе глаза. Судорожная дрожь пробѣжала по всѣмъ жиламъ Далматова. Онъ вообразилъ, что судьба его въ рукахъ этого человѣка, угрюмаго, но величаваго; что отъ него должны впредь зависѣть, и мысли его, и желанія, и самая его жизнь.

— Что такъ подгорюнился, добрый молодецъ? сказалъ неизвѣстный, стараясь смягчить голосъ свой отъ природы рѣзкій. «Утро вечера мудренѣе,» милости просимъ ко мнѣ обѣдать, а коли у меня полюбится, прошу покорно и ночевать, тебѣ теперь слишкомъ тошно будетъ остаться одному.

Не дожидаясь отвѣта, неизвѣстный взялъ Илью подъ руку, и пройдя Кремль и Китай, вышелъ въ Срѣтенскія, что нынѣ старыя Никольскія ворота, на Лубянку, а оттуда чрезъ разныя улицы и пе-

реулки дошелъ до недостроенной еще церкви Флора и Лавра, и противъ нее остановился у большаго деревяннаго дома.

— Чай я тебя совсѣмъ измучилъ, сказалъ онъ Ильѣ, не далъ тебѣ и духу перевести, не гнѣвайся, пожалуй, здѣсь вдоволь отдохнешь. Хозяинъ, богатый купецъ, радъ будетъ пособить тебѣ. Слава Богу, на святой Руси не перевелись еще добрые люди!

Толстый, румяный старикъ встрѣтилъ незнакомца съ почтительнымъ усердіемъ. Послѣдній поспѣшилъ сдѣлать ему знакъ, чтобы онъ не называлъ его, и онъ посмотрѣвъ на Илью, пригласилъ ихъ обоихъ подойти къ столу, заваленному цѣпями, серьгами, ожерельями и тому подобными вещами, которыя разбирали двѣ богато одѣтыя женщины. Младшей было слишкомъ тридцать лѣтъ, но она казалась гораздо моложе. Лице ея имѣло необыкновенную, плѣнительную свѣжесть, хотя впрочемъ оно могло плѣнять однихъ тѣхъ, по мнѣнію которыхъ женщинамъ нужны только красота и здоровье, а умъ и чувствительность совершенно лишнія принадлежности.

— Что, батюшка, сказалъ хозяинъ Ильѣ, остановившемуся какъ истуканъ у дверей: не за тѣмъ ли изволилъ пожаловать, чтобы подарить сереж-

ками или колечкомъ молодую жену, или красавицу невѣсту?

Внѣ себя бросившись на скамью, такъ, что она чуть не опрокинулась, Илья, съ невольною, горькою завистью, смотрѣлъ на двухъ женщинъ, радостно тратившихъ на прихоти, на блестящія игрушки, вдвое противъ того, что могло навсегда осчастливить мать и сестеръ его.

Пошептавъ съ хозяиномъ, неизвѣстный подошелъ къ пригожей женщинѣ, и поздравивъ ее съ полученіемъ отъ Царя денегъ дочери ея на приданое, спросилъ: давно ли, и чрезъ кого Богъ послалъ ей такую милость?

— Ужъ подлинно, батюшка, отвѣчала она, великая милость; свыше чаянія Господь наградилъ меня! Это все объ насъ, бояринъ Василій Петровичъ Морозовъ изволить хлопотать; помнитъ кормилецъ, что мы ему сродственники: внучатная его сестрица, батюшка, меня отъ купели принимала. Дай Богъ Василью Петровичу много лѣтъ здравствовать, утѣшь его Царица Небесная, какъ онъ меня вчера утѣшилъ! Не покидаетъ онъ меня бѣдную, сирую головушку! Безъ него я бы совсѣмъ пропала, нѣ выдать бы мнѣ свою Дуняшку за стольника; кто бы взялъ ее съ однимъ родительскимъ приданымъ.

— А все ли въ добромъ здоровьѣ сожитель твой,

спросилъ еще неизвѣстный, у мнимой родственницы боярина Морозова? Въ старые годы мы съ нимъ хлѣбъ-соль важивали.

— Ой-ли! неужели ты бывалъ въ гостяхъ у насъ? Хоть прибей, не называть тебя имячкомъ: состарѣлась окаянная, нѣтъ ни ума, ни памяти.

— Не гнѣви Бога, всего видно вдоволь, коли о такую пору покупаешь дочкѣ приданое на Царскія деньги. Да что же не скажешь ты мнѣ о муженькѣ своемъ? Я давно не встрѣчалъ его. Мы знали еще, какъ были оба холостые; что-то онъ тогда хворъ былъ.

— Лучше бы и теперь лежалъ не вставая, съ притворнымъ огорченіемъ сказала словоохотная женщина. Каково подумать, насъ Государь жалуетъ, а онъ..... тяжело вымолвить, грѣхъ да и только.

— Игнатій Андреичъ третій мѣсяцъ какъ уѣхалъ къ вору въ Калугу, и теперь съ нимъ подъ Москвою, сказалъ хозяинъ.

Бѣшенный крикъ вырвался изъ груди Ильи. Обѣ женщины вздрогнули. На лицѣ незнакомца блеснула адская радость.

— Пора мнѣ домой, сказалъ онъ. Завтра опять заверну, или ты, Панфиличъ, самъ побывай у меня вечеромъ: у меня есть до тебя дѣло, теперь не хочу тебѣ мѣшать.

Взявъ по прежнему подъ руку Илью, незнакомецъ вывелъ, или лучше сказать вытащилъ его чрезъ заднее крыльцо въ огородъ, откуда можно было ближе и никого не встрѣчая дойти до его жилища. Нѣсколько минутъ Далматовъ ничего не говорилъ; языкъ его какъ будто присохъ къ небу, только глаза его сверкали, и онъ горящею рукою жалъ руку своего товарища, безмолвнаго и угрюмаго какъ и самъ онъ.

— Проклятые бояре, вскричалъ онъ наконецъ: злодѣи, кровопійцы, какъ голодные псы рвутъ казну Царскую, и дѣлятъ ее только съ тѣми, кто ихъ тѣшитъ, или ползаетъ у ногъ ихъ!

— Охота была тебѣ надѣяться на Шуйскаго! сказалъ незнакомецъ съ мрачнымъ видомъ. Помнилъ бы ты пословицу: «каковъ попъ, таковъ и приходъ.»

Они оба снова умолкли. Незвѣстный шелъ скоро, часто озираясь по всѣмъ сторонамъ, не слѣдуетъ ли кто за ними. Наконецъ онъ остановился въ тѣсномъ переулкѣ передъ большою избою и постучалъ въ ворота. Снаружи изба эта была закопчена и почти до половины выросла въ землю, но внутри она была опрятна и даже покойно расположена. Бросивъ встрѣтившимъ его двумъ слугамъ свою однорядку, незвѣстный остался въ синемъ кафтанѣ изъ тонкаго иностран-

наго сукна; за шелковымъ поясомъ заткнуты были у него два пистолета и широкій ножъ. По его вооруженію, по исполинскому росту его, и его дерзкимъ, неустрашимымъ взорамъ легко можно было почестъ его начальникомъ разбойничьей шайки: онъ имѣлъ всѣ ухватки человѣка, повиновающагося только страстямъ своимъ и собственной волѣ. Но черты его имѣли выраженіе, собственное людямъ, отъ колыбели жившимъ въ изобиліи, и по рѣчамъ его, по самому его произношенію, примѣтно было, что онъ провелъ жизнь не съ подлыми злодѣями.

— Просимъ пожаловать, сказалъ неизвѣстный, помолясь предъ иконами, и снявъ свое оружіе, посадилъ Илью возлѣ себя въ переднемъ углу.— Ты теперь мой гость, продолжалъ онъ, а еще не знаешь, кто тебя завелъ къ себѣ: честный человекъ или бездѣльникъ, смердь или бояринъ. Но кажись тебѣ и дѣла нѣтъ, какъ кого величаютъ; тебѣ нужно только, ттобы понимали скорбь твою; будь надеженъ, я могу дѣлить твои чувства, постараюсь тебя утѣшить. И меня обижали сильные, и меня хотѣли они растоптать!... Но это не удалось и впередъ никому не удастся пока я живъ! До этого не допустить и родной братъ мой Рязанскій воевода....

— Рязанскій воевода братъ твой! Тебѣ родной братъ Прокофій Петровичъ, предлагавшій Царскій вѣнецъ князю Михайлу Васильевичу! перервалъ Илья, и съ восторгомъ упалъ въ распростертыя ему объятія измѣнника Царскаго, Захарія Ляпунова.

Прижавъ его къ своей груди, Захарій улыбнулся, какъ онъ прежде неоднократно улыбался, какъ вѣроятно улыбается злой духъ, надѣясь захватить въ свои когти душу чуждую преступленію.

ГЛАВА VII.

=

Прокофѣи же наипаче нача со княземъ Васильемъ Голицынымъ умышляти, какъ бы Царя Василья ссадити.

Лѣтопись Никона.

Tous enfin présentaient les meilleures raisons du monde pour faire prévaloir leurs idées et leurs opinions personnelles, en s'inquiétant peu de savoir si le bien du pays s'accordait avec le triomphe de leurs mesquines ambitions.

Alexandre Andryane.

Опасаясь, перемѣшавъ происшествія, привести въ затрудненіе читателей, я рассказала въ одной главѣ, безъ разстановки, что довело Илью Далматова, исполненнаго преданности къ Царю, избрать своимъ покровителемъ Захарія Ляпунова. Но въ продолженіе трехъ недѣль, протекшихъ между прибытіемъ въ Москву стараго дядьки съ извѣстіемъ о наводненіи, и послѣднимъ свида-

ніемъ Ильи съ княземъ Воротынскимъ, произошло много важнаго. Не одинъ безвѣстный въ исторіи жилецъ былъ жертвою легкомыслія и жестокосердія вельможъ окружавшихъ престолъ, самъ Царь былъ завлеченъ вѣроломными своими любимцами въ разставленныя ему сѣти, и судьба его, въ послѣдствіи столь горестная, и для Россіи столь позорная, рѣшена была тотчасъ послѣ кончины князя Скопина—Шуйскаго.

Узнавъ о бунтѣ Рязанскаго воеводы, Василій Іоанновичъ приказалъ задержать брата его Захарія Ляпунова. Захарія объ этомъ предувѣдомили, и онъ успѣлъ скрыться въ хижинѣ, куда привелъ потомъ Илью Далматова. Онъ давно приготовилъ себѣ это убѣжище, гдѣ при помощи многочисленныхъ друзей, или лучше сказать ревностныхъ сообщниковъ, находясь въ безопасности, волновалъ народъ ложными слухами о успѣхахъ самозванца и Поляковъ, и о намѣреніи Царя истребить всѣхъ приверженцовъ князя Скопина Шуйскаго. Къ нему стекались люди разнаго званія и возраста, и онъ съ каждымъ изъ нихъ бесѣдуя на единѣ, всѣхъ вообще старался убѣдить, что Россія обременена бѣдствіями за вины Василія Іоанновича. Жестоко понося его за несправедливое показаніе объ убійствѣ Царевича Димитрія, и за раннюю, для всѣхъ бѣдственную кончину

князя Михаила, Захарій съ жаромъ утверждалъ, что Василій незаконно владѣлъ престоломъ, бывъ возведенъ на него одними своими клевретами, что онъ тогда явно пренебрегъ общимъ согласіемъ и любовію народа, за что всѣ добромыслящіе граждане обязаны избрать новаго Государя, котораго достоинства могли бы служить залогомъ общаго благоденствія; что одно это можетъ спасти Россію. Дыша коварствомъ и измѣною, рѣчи Захарія имѣли увлекательную силу, и между тѣмъ, какъ зрѣлыхъ лѣтъ вельможи желали низложить Царя, въ надеждѣ насытить, дотолѣ ненасытную жадность къ величію и богатству, неопытные юноши, слѣпо ввѣрившись хитрому мятежнику, съ безумнымъ восторгомъ воображали, что имъ предоставлено, изъ бездны золь исторгнувъ отечество, поставить его на высшую степень славы и могущества.

Первые дни послѣ извѣстія о возмущеніи Рязани, Захарій Ляпуновъ, по убѣдительной просьбѣ жены своей и дѣтей, не выходилъ изъ своего убѣжища. Это не мѣшало ему знать все происходившее въ Москвѣ и близъ самаго Царя. Совершенно ему преданный, постельничій Иванъ Оедоровичъ Одадуровъ, между прочимъ увѣдомилъ его, чрезъ общаго ихъ пріятеля князя Петра Засѣкина, что Государь не располагаетя, какъ то—

го ожидали, поручить брату своему князю Дмитрію войско, назначенное въ помощь Смоленску, осажденному Польскимъ королемъ. Засѣкинъ принесъ это извѣстіе тотчасъ послѣ обѣдни; оно изумило и встревожило Захарія, какъ важное препятствіе къ исполненію преступныхъ его намѣреній. Онъ счелъ нужнымъ скорѣе увидѣться съ княземъ Васильемъ Васильевичемъ Голицынымъ, давно бывшимъ съ нимъ въ тѣсныхъ связяхъ, отъ него одного, по его свободному къ Царю доступу, надѣясь въ этомъ дѣлѣ желаемого содѣйствія. Зная цѣну времени онъ рѣшился тотчасъ отправиться къ князю. Князь Засѣкинъ совѣтовалъ ему дождаться вечера, напоминая, что днемъ его могутъ задержать. Захарій не послушалъ этого совѣта; ему казалось гораздо опаснѣе допустить Царя обрадовать народъ, нежели показаться на улицѣ, когда по увѣренію Одадурова, Государь полагалъ, что онъ давно уѣхалъ къ брату въ Рязань. Впрочемъ дорожа свободою еще болѣе нежели жизнію, и твердо рѣшившись горячо защищать ту и другую, Захарій былъ очень остороженъ. Кругомъ вооружившись, онъ подвязалъ лице платкомъ, и надѣвъ сѣрмягу и старую шапку, нарочно купленные для подобнаго употребленія, такъ преобразился, что едва ли бы узналъ его самъ Царь, неожиданно съ нимъ встрѣ-

тась. Но князь Засѣкинъ, смѣлый и предприимчивый на словахъ, а на дѣлѣ очень робкій, долго колебался, идти ли ему вмѣстѣ съ Ляпуновымъ, съ ужасомъ воображая о тюрьмѣ и пыткѣ, если его застанутъ съ человѣкомъ подозрѣваемымъ въ измѣнѣ. Волнующія его сомнѣнія не могли скрыться отъ проницательнаго Захарія, и послѣдній внутренно ими забавляясь однако согласился по убѣжденію князя, идти не прямыми улицами, а разными закоулками; но между тѣмъ какъ онъ ворчалъ на своего товарища, что онъ ведетъ его слишкомъ далекими обходами, Засѣкинъ встрѣчая однихъ простолюдиновъ, вовсе не обращавшихъ на нихъ вниманія, шепталъ Захарію, что его могутъ узнать по осанкѣ и походкѣ, чтобы онъ старался перемѣнить ихъ, примѣнялъ бы ихъ къ своей одеждѣ, и тому подобныя замѣчанія, которыхъ Захарій не слыхалъ, обдумывая средства уничтожить благія намѣренія Царя.

Ляпуновъ и его сообщники обыкновенно выдались съ княземъ Голицынымъ совершенно тайно; объ этомъ знали только старый слуга съ двумя сыновьями, всѣ трое чрезвычайно смѣшленные и преданные князю. Они день и ночь сторожили скрытныхъ посѣтителей, и по условленному знаку пускали ихъ въ обширное, давно покинутое сушило, откуда всходили они по подставной лѣст-

ницѣ на чердакъ прилегающаго жилаго дома. Отецъ князя Василья Васильевича, князь Василій Юрьевичъ, устроилъ тамъ небольшую горницу, которую чужимъ людямъ очень было бы трудно отыскать. Во времена Грознаго въ ней собирались ближніе родственники насладиться нѣсколькими минутами свободного изліянія чувствъ и мыслей своихъ, ужасаясь лютости Іоанна, но считая себя обязанными безусловно повиноваться помазаннику Божію. Ничто не перемѣнилось въ этой горницѣ, кромѣ цѣли тайныхъ въ ней бесѣдъ. За тридцать лѣтъ предъ тѣмъ въ ней со слезами молились, чтобы Господь, смягчивъ жестокую душу Царя, внушилъ ему все полезное его народу и ему самому. Напротивъ того князь Василій Васильевичъ занимался въ ней только враждебными ковами противъ Государей наслѣдовавшихъ Борису Θεодоровичу. Бывшее въ ней слуховое окно, по кончинѣ князя Михаила, положившей начало новому заговору, для большей безопасности было задѣлано, и только лампада, горѣвшая передъ древнимъ образомъ Преподобнаго Василія Печерскаго, слабо освѣщала комнату, когда Захарій Ляпуновъ вошелъ со своимъ товарищемъ. Провожавшій ихъ старикъ усердно помолясь зажегъ двѣ свѣчи въ желѣзныхъ подсвѣчникахъ, и поставивъ ихъ на большой дубовый столъ, пошелъ доложить госпо-

дину своему о прибывшихъ посѣтителяхъ, предупредивъ послѣднихъ, что князь сѣлъ обѣдать.

— Изволишь видѣть, Захаръ Петровичъ, сказалъ князь Засѣкинъ, я говорилъ правду, что намъ не зачѣмъ итти сюда объ эту пору: смотри, что прождемъ здѣсь до вечера. Я бы не въ примѣръ лучше пробылъ съ твоею милостью, одинъ съ глазу на глазъ въ твоей новокупленной хатѣ, хотя съ улицы всякъ почтетъ ее свинымъ хлѣвомъ, а изъ оконъ видны только гряды съ лукомъ, нежели сидѣть намъ здѣсь, словно колодники въ ямѣ.

— Затѣмъ-то я и спѣшилъ сюда, чтобы не попасть въ яму и не бояться петли, сухо отвѣчалъ Ляпуновъ. Не-бось, князь Василій Васильевичъ насъ не задержитъ; онъ въ этомъ схожъ со мною, не пролакомится долго за трапезою, узнавъ, что ждутъ его люди, не привыкшіе по пустякамъ слоняться изъ дома въ домъ.

Дѣйствительно, когда явился въ столовую старикъ, князь угадавъ, что получено какое-нибудь важное извѣстіе, притворился, что онъ вдругъ вспомнилъ о государственномъ дѣлѣ, не терпящемъ отлагательства, и попросивъ гостей распоряжаться у него какъ въ собственномъ домѣ, пошелъ въ свою рабочую горницу, имѣвшую сообщеніе съ чердакомъ. Мрачный и озабоченный видъ

Захарія поразилъ князя, и онъ самъ очень встревожился узнавъ все происходящее.

— Каково же это, вскричалъ Голицынъ: этакъ онъ, пожалуй, ускользнетъ у насъ между пальцевъ!

— То-то и есть, князь Василій Васильевичъ, сказалъ Ляпуновъ. Извѣстно тебѣ, что не только дурачье, черный народъ, но и наша братья, ротозѣи дворяне, только того и хотятъ, чтобы за смерть князя Михайла Васильевича, Царь повѣсилъ невѣстку свою и брата, а самъ онъ поихному хотя вѣкъ сиди на престолѣ, какъ кощей безсмертный. Смотри, лишь дойдетъ до нихъ, что Дмитрію Шуйскому не досталось наслѣдство князя Михайла Васильевича, не одни Москвичи, и Рязанцы не захотятъ насъ слушаться.

— Дорого бы я заплатилъ, сказалъ князь Засѣкинъ, чтобы узнать, кто такъ подрадѣлъ намъ; это не Васильева выдумка, кто-нибудь шепнулъ ему, что надо потѣшить народъ. Я было помыслилъ, что святѣйшій принялся опять учить его, но Иванъ Ѳедоровичъ божится, что они два дня не видались.

— Это чай сработала княгиня Алёна Петровна, сказалъ князь Голицынъ.

— До того ли ей сердечной, возразилъ Захарій.

— А что, Захаръ Петровичъ, сказалъ князь Засѣкинъ: князь Василій Васильевичъ дѣло говорить. Не знаю, извѣстно ли Алѣнѣ Петровнѣ отъ чего померъ князь Михайло Васильевичъ, а въ томъ присягну я, что она не поттакнетъ, если скажетъ ей Шуйскій, что захочетъ брата своего Дмитрія посадить всѣмъ на голову.

— Кого же славятъ въ большіе воеводы? спросилъ князь Голицынъ.

— Якова Пунтусова, отвѣчалъ Ляпуновъ, внимательно посмотрѣвъ на Голицына.

Онъ давно зналъ щепетильное самолюбіе князя Голицына, и чтобы болѣе раздражить его назвалъ Делагардія, хотя ни отъ кого не слыхалъ, и самъ не предвидѣлъ, чтобы Царь рѣшился ввѣрить войско иноземцу.

— Пунтусова! Нѣмца! вскричалъ Голицынъ: этого быть не можетъ! Шуйскій не посмѣетъ такъ обидѣть бояръ!

На лицѣ Захарія мелькнула коварная радость. Собесѣдники его не успѣли ее замѣтить, и Голицынъ не могъ вообразить, что необдуманная слова его увѣрили его хитраго товарища, что онъ будетъ покорнымъ орудіемъ глубокихъ намѣреній его брата.

— Статься можетъ, сказалъ Ляпуновъ, что Василій и передумаетъ; но кого бы изъ бояръ не

поставилъ онъ большимъ воеводою, хотя бы тебя самага, князь Василій Васильевичъ, это будетъ прибыльно только ему одному; онъ чрезъ это усидитъ на престолѣ, а намъ надобенъ другой Царь....

— Давно пора быть этому, перервалъ князь Голицынъ.

— Я ручаюсь, убѣдительно продолжалъ Ляпуновъ, что если Дмитрій Шуйскій будетъ на мѣстѣ князя Михайла Васильевича, черезъ мѣсяцъ, много что черезъ два, хотя и будетъ у насъ Царь Василій, но уже вѣрно не Иванычъ.

Ляпуновъ быстро взглянулъ на Голицына; взглядъ этотъ рѣшилъ недоумѣніе тщеславнаго вельможи. Онъ почувствовалъ, что замышляя овладѣть престоломъ, не должно заботиться ни о чемъ другомъ.

— Истинно, Захаръ Петровичъ, если не погибнутъ труды наши и все устроится по нашему желанію, тебѣ надо быть у новаго Царя первымъ совѣтникомъ, правою рукою, сказалъ Голицынъ, не сомнѣваясь, что этими словами навсегда упрочить себѣ преданность Ляпунова.

— Только бы дожить мнѣ до новаго Царя, только бы пересталъ надо мною величаться неуклюжій правнукъ Суздальскихъ князьковъ, я достаточно буду этимъ награжденъ, отвѣчалъ Заха-

рій, не заботясь передъ сообщниками прикрывать любовью къ отечеству личную вражду къ Шуйскимъ, и притомъ намѣкая Голицыну, что Государь, возведенный на престолъ крамольниками, обязанъ угождать имъ.

— Дивлюсь я право Шуйскому, сказалъ князь Засѣкинъ: какъ онъ знавши, что Прокофья Петровича, и князь Михайло Васильевичъ считалъ нужнѣйшимъ человѣкомъ, не догадался васъ обоихъ обласкать и возвести какъ вы того стоите.

— Онъ не купилъ Прокофьева усердія Рязанскимъ воеводствомъ, не купилъ бы его и боярствомъ, сурово сказалъ Захарій. Но я сговорчивѣ брата: мнѣ дорогъ покой; кажись я бы не сталъ ни во что мѣшаться, если бы Шуйскій не обругалъ меня при людяхъ! Я пріѣхалъ поздравить его со днемъ его ангела, а онъ ласково поговоривъ со всѣми, обошелъ меня одного. Мнѣ вѣкъ не забыть этого утра; всѣ на меня смотрѣли, какъ на оплеваннаго, какъ на зачумленнаго! Не знаю, какъ устоялъ я на ногахъ, какъ затаилъ въ сердцѣ смертельную обиду! Но я поклялся, и во что бы ни стало сдержу мою клятву, прибавилъ Захарій съ сверкающими глазами, что надъ Васильемъ Шуйскимъ также будутъ смѣяться, какъ по милости его смѣялись надъ Захаромъ Ляпуновымъ!

Сказавъ это, разгоряченный Захарій всталъ и прижался къ дубовому поставцу, безъ малаго въ три аршина вышиною. Онъ былъ не ниже его, и его ростъ, широкія его плеча, дерзость и злоба изображавшіяся на лицѣ его, не позволяли сомнѣваться, что онъ не побоится никакихъ препятствій, чтобы удовлетворить безумную, преступную месть свою. Сообщники его невольно смутились. И ихъ поразили слова измѣнника, нагло хваставшаго, что онъ жаждетъ гибели своего Государя, за то, что онъ, можетъ быть, безъ намѣренія, въ задумчивости, прошелъ мимо его, не сдѣлавъ ему привѣтствія. Нѣсколько минутъ всѣ молчали. Вдругъ слышно стало, что кто-то идетъ по лѣстницѣ, и старый слуга явился съ извѣстіемъ, что Царь прислалъ за княземъ Голицынымъ.

— Это чудно, сказалъ Голицынъ: зачѣмъ я ему понадобился? Кажись, можно бы помнить Шуйскому, что мнѣ не подъ лѣта съ утра до ночи быть на побѣгушкахъ.

— Поѣзжай скорѣе, князь Василій Васильевичъ, съ притворною веселостью сказалъ Ляпуновъ: мыждемся здѣсь твою милость, чтобы поздравить тебя большимъ воеводою.

— Нѣтъ, нѣтъ, за этимъ не дожидайтесь. Вѣдь я старый воробей: меня на мякинѣ не поймаютъ. Не бойся, Захаръ Петровичъ, прибавилъ князь,

я не вѣкъ буду служить костью Василью Ивановичу: пусть опирается онъ на Нѣмцевъ....

— Христа ради, бояринъ, не поминай ему объ Нѣмцахъ, перервалъ Ляпуновъ; они, будь надеженъ, и безъ насъ наварятъ такой каши, что врядъ ли Шуйскій можетъ проглотить ее. Ты постарайся ему подставить Русскій, родной костьль.

— Хорошо, хорошо, захохотавъ сказалъ Голицынъ, будешь мною доволенъ, не оплошаю.

Только, что князь Голицынъ вышелъ на крыльцо, пріѣхалъ князь Василій Туренинъ, меньшей братъ князя Михайла, выхлопотавшаго себѣ боярство, какъ было выше сказано, чрезъ князя Дмитрія Шуйскаго. Князь Василій еще былъ способенъ на всякую подлость. Въ присутствіи Царя онъ казалось горѣлъ къ нему усердіемъ, но не имѣя ни малѣйшей причины на него жаловаться, никакого повода надѣяться, что онъ выиграетъ при перемѣнѣ правленія, онъ по врожденной злобѣ, по своевольному и буйному нраву, былъ въ числѣ самыхъ остервенѣлыхъ враговъ Царя, и сообщники его не сомнѣвались, что въ рѣшительную минуту онъ не отречется ни отъ какого порученія. Большое, желтое лицо его, напоминавшее двухъ звѣрей, лисицу и волка, разцвѣчено было ехидною радостью. Онъ нетерпѣливо желалъ сообщить привезенныя имъ извѣстія князю Голи-

цыну. Послѣдній спѣша ѣхать во дворецъ, пригласилъ его дождаться его возвращенія, шепнувъ ему, что у него Ляпуновъ и князь Засѣкинъ. Князю Туренину знакома была дорога на чердакъ, но по обыкновенію его проводилъ туда старикъ. Прежніе гости сидѣли по угламъ, озабоченные приглашеніемъ князя Голицына къ Царю. Но между тѣмъ какъ трудности обыкновенно разжигали силу ума и воли Захарія, товарищъ его, съ которымъ онъ старался подружиться только по родственнымъ его связямъ, чѣмъ-нибудь встревожась, бранился, жаловался, но не могъ ни придумать, ни предпринять ничего полезнаго, и Ляпуновъ, испытавъ, что его невозможно ободрить никакими разсужденіями, не тратилъ на это словъ.

— Кто-то пришелъ, глухимъ голосомъ сказалъ князь Засѣкинъ.

— Вѣрно, князь Василій Васильевичъ за чѣмъ-нибудь воротился, сказалъ Ляпуновъ, положивъ руку на заткнутый въ сапогъ ножъ.

— Почти угадалъ, сказалъ Туренинъ размахнувъ дверь, какъ будто вовсе не нужна была осторожность, пришелъ князь, и Василій, да только не Васильевичъ, а Самсоновичъ. Не жалѣйте объ этомъ, лучше меня не сыщете теперь гостя; и бросивъ шапку въ потолокъ, такъ, что она упа-

ла на колѣна къ Засѣкину, закричалъ: наша взяла!

Засѣкинъ счелъ его пьянымъ, что съ нимъ нерѣдко случалось во всякое время, и сухо спросилъ, чему онъ такъ радуется, между тѣмъ, какъ имъ всѣмъ грозитъ гибель; что Царь, вѣрно по какому-нибудь доносу, неожиданно прислалъ за княземъ Голицынымъ.

— Вотъ тебѣ на; есть отъ чего робѣть! сказалъ князь Туренинъ. Охъ вы, головушки, головушки, понюхаете браги, да тотчасъ и охмѣлѣете! Не знаю, что по вашимъ слухамъ затѣваетъ Шуйскій, и знать этого не хочу, только говорю вамъ, кричите со мною, наша взяла!

— Дай Богъ твоими устами медъ пить, сказалъ Ляпуновъ, только воля твоя, князь Василій Самсоновичъ, не по-пріятельски поступаешь съ нами, словно ребятъ дразнишь: принесть добрую вѣсть и держишь ее въ карманѣ.

— Ну, полно; не гнѣвайся, Захаръ Петровичъ, тотчасъ все расскажу, изволь только слушать, отвѣчалъ князь Туренинъ. Знаешь ли что, братъ, я сегодня былъ у ранней обѣдни, и гдѣ же, у Преподобнаго Сергія. При семъ имени, онъ набожно, или лучше сказать лицемѣрно возвелъ глаза къ небу и перекрестился большимъ крестомъ.

Самъ дивлюсь, какъ я оттолѣ такъ скоро поспѣлъ сюда. Правда, дорогаго коня чуть ли не на смерть загналъ; за то на своемъ поставилъ; не станете спрашивать у кого другаго, какъ нашъ прежній товарищъ, благодарить нынче Бога, за помощь его и милосердіе. Извѣстно вамъ, господа, что Троицкіе старцы, безъ малаго два года боролись съ супостатами, не щадя ни живота, ни добра своего. Да что и говорить объ этомъ: весь міръ крещенный славить великія дѣла ихъ!

Ляпуновъ не спускалъ глазъ съ Туренина. Ему было крайне скучно и досадно, что онъ такъ растягиваетъ рассказъ свой, но онъ обыкновенно любовался своимъ краснорѣчіемъ и всякое замѣчаніе бесполезно бы разсердило его.

— Чѣмъ бы вы думали, продолжалъ Туренинъ, Василій Ивановичъ отблагодарилъ святую обитель за радѣніе и жертвы ея?

— Попросилъ опять въ займы денегъ, сказалъ Ляпуновъ.

— Нѣтъ, братъ, не угадалъ; то же что давеча, рукою задѣлъ, да не изловилъ. Еще не великъ былъ бы промахъ попросить денегъ; нѣтъ, его милость просить не любить; отнятый кусокъ ему слаще выпрошеннаго.

— Какъ? что? вскричалъ Ляпуновъ.

— А, вотъ что: Шуйскій послалъ дружка своего Семенку Самсонова въ обитель за казной монастырской. Онъ по обычаю, знаешь какъ бывало, и сослужилъ службу: не то, что послѣднія деньжонки забралъ у келаря Абрама, а и сосуды золотые, и оклады съ иконъ Божіихъ, словомъ, что на глаза ни попало, и въ храмахъ, и въ кельяхъ, у старцевъ, и у мірянъ — все сложилъ въ возы, да подводъ десять, а статься можетъ и побольше, отослалъ въ Москву, опричь того, что себѣ награбилъ....

— Теперь Шуйскій въ нашихъ рукахъ! съ торгомъ перервалъ Ляпуновъ. Спасибо за вѣсточку, князь Василій Самсоновичъ; подлинно важная, золотая вѣсточка; и вставъ низко поклонился.

— Дай тебѣ Богъ много лѣтъ здравствовать, князь Василій Самсоновичъ, и съ твоею княгинею, и съ вашими княжатами, сказалъ князь Засѣкинъ, поклонившись еще ниже Ляпунова; словно тяжелую гору снялъ ты съ меня! Авось, недосужно будетъ теперь Шуйскому придирается къ такимъ людямъ каковъ князь Василій Васильевичъ! Авось, и на нашей улицѣ скоро будетъ праздникъ; перестанемъ бояться дождеваго пузыря этого Семенку Самсонова! Нѣчего грѣха таить, ажно духъ захватить, какъ вздумаешь, что этакой злодѣй позоветъ тебя къ допросу!

— То-то, сказалъ князь Туренинъ охорашиваясь: не напрасно я похвасталъ, что вамъ теперь не дожждаться гостя лучше меня. Ей, ей, такого пріятеля не скоро сыщете; ни чѣмъ не подорожилъ, ни любимымъ конемъ, ни своимъ покоемъ, чтобы скорѣе извѣстить васъ до какихъ временъ мы дожили. На что́ это похоже? Василья Шуйскаго въ церквахъ величаютъ, благочестивѣйшимъ и тишайшимъ, а онъ, прости Господи, словно нечестивый Ордынецъ ругается святыней!

Притворное негодование князя Туренина, который въ подобномъ случаѣ самъ поступилъ бы не лучше Самсонова, показалось смѣшно Ляпунову, считавшему совершенно лишнимъ лицемѣрить передъ сообщниками. Но онъ скрылъ это, будучи очень благодаренъ Туренину, за то, что онъ постарался быть свидѣтелемъ расхищенія Лавры, увѣдомленный братомъ своимъ бояриномъ, что Государь туда отправилъ дьяка Самсонова. Знавъ сего послѣдняго, легко можно было угадать, какъ онъ исполнитъ сдѣланное ему порученіе, и любопытно было видѣть это на дѣлѣ, въ надеждѣ, какъ говорится, подлить масла на горячія уголья.

Троицкая Лавра доказала свою преданность престолу и отечеству всякаго рода жертвами. Ограбленная разстригою, она и послѣ того неоднократно помогала хлѣбомъ и деньгами Царю Василю

Іоанновичу; но долговременная, кровопролитная осада истощила казну и житницы обители; зданія ея отчасти были разрушены, а принадлежавшія ей окрестныя мельницы и села совершенно были опустошены. Тронутый донесеніемъ Троицкаго архимандрита Іосафа и келаря Аврамія, о всемъ что потерпѣла Лавра, Государь скорбѣлъ о невозможности вознаградить ея потери, но его окружающіе, старались увѣрить его, что Лавра еще очень богата, и когда по кончинѣ князя Скопина, иностранное войско грозило удалиться если не получитъ впередъ жалованья, одни по малой прозорливости, другіе съ обдуманымъ вѣроломствомъ, убѣждали Царя потребовать денегъ изъ Лавры. Только, князь Михайло Волконскій, (спустя два мѣсяца, славною смертію запечатлѣвшій вѣрность свою Царю, * при взятіи Поляками Боровскаго Пафнутьева монастыря), сказалъ, что исполненіе такого совѣта будетъ имѣть бѣдственныя слѣдствія, что хотя бы иноки дѣйствительно напрасно жаловались на свое разореніе, въ такія плачевныя времена, ничто не можетъ оправдать оскорбленія людей, оказавшихъ безсмертныя услуги; что это во всѣхъ сердцахъ потушить преданность къ Царю; всѣ сочтутъ себя въ правѣ уко-

*) Лѣтопись Никона. О взятіи Пафнутьева монастыря, и о приходѣ вора на Угрѣшу к Николе.

рять его въ неправосудіи и даже можетъ быть въ святотатствѣ.

Это заставило царскихъ любимцевъ постараться внушить Василю Іоанновичу, что князь Волконскій, съ малолѣтства раболѣпствуя монахамъ, усердствуетъ имъ болѣе, нежели Государю и отечеству. Удрученный печалью и нуждою, державный старецъ не размыслилъ хорошенько о всемъ сказанномъ княземъ, и всего болѣе заботясь объ удовлетвореніи наемниковъ, поспѣшно отправилъ въ Лавру дьяка Самсонова, стремившагося угождать ему безпрекословнымъ и скорымъ исполненіемъ всѣхъ его приказаній. Василій Іоанновичъ былъ увѣренъ въ его преданности. Дѣйствительно, осыпанный его милостями, Самсоновъ не помышлялъ передаться самозванцу; произнося имя Государя всегда вставалъ, и когда его поминали въ церкви на эктеніяхъ, клалъ земные поклоны. Этимъ ограничивалось его усердіе; онъ совершенно неспособенъ былъ распространить его на важнѣйшіе предметы. Не понимая, что люди облеченные довѣренностью Царя должны стараться внушать къ нему почтеніе и любовь, убѣждая въ его справедливости и попеченіи о благѣ общемъ, Самсоновъ, крутымъ нравомъ своимъ и жадностью къ прибытку, вредилъ Царю едва ли не болѣе самыхъ ожесточенныхъ враговъ его. Поступки его въ

Лавръ показали бы невѣроятными, если бы мы узнали о нихъ отъ какого-нибудь неизвѣстнаго лѣтописца, но о нихъ съ краснорѣчивою горестью рассказываетъ самъ знаменитый келарь Троицкій Аврамій Палицынъ, стараясь оправдать Государя, и скорбя душою, что онъ вѣрилъ людямъ, не боящимся Бога. Самсоновъ прибылъ въ Лавру, какъ будто въ завоеванный городъ, и съ досадою выслушавъ увѣренія архимандрита, что въ обители вовсе не осталось денегъ, и только пять четвертей ржи, совершенно опустошилъ ризницу, и не довольствуясь этимъ обобралъ еще у находившихся въ то время въ обители людей разнаго званія ихъ имущество. Исполненный великодушія и трепеща за отечество, архимандритъ скрылъ свое огорченіе. По его примѣру и иноки никому не жаловались, но помогавшіе имъ отразить враговъ войны и случившіеся богомольцы поспѣшили въ Москву, и разгласивъ тамъ, что по повелѣнію Царя обитель Преподобнаго Сергія, и сами они, нагло ограблены, довершили раздраженіе умовъ, жестоко взволнованныхъ внезапною кончиною князя Скопина-Шуйскаго.

ГЛАВА VІІІ.

—
О гори, лампада,
Ярче предъ Распятъемъ!
Тяжелы мнѣ думы,
Сладостна молитва.

Кольцовъ.

И не боуди ино на серци, а ино въ
устѣхъ; но подъ братомъ амы не рои,
да тебѣ Богъ въ горшая тои не вринетъ.

Архіепископъ Новгородскій Лука.

Какъ ни старался, князь Дмитрій Шуйскій, взявшій на себя увѣдомить Царя о бунтѣ Рязанскаго воеводы, увѣрить его, что это ничто иное, какъ безумная вспышка наглаго властолюбія, отъ которой самъ Прокопій Ляпуновъ, и онъ одинъ вскорѣ погибнетъ, извѣстіе это сильно огорчило и встревожило Василія Іоанновича. Онъ слишкомъ поздно почувствовалъ, что патріархъ и окольничій

Головинъ, не безъ основанія убѣждали его приказать изслѣдовать, что было причиною внезапной кончины князя Михаила, занемогшаго въ домѣ князя Дмитрія Шуйскаго, и что это бы его избавило отъ ужаснаго подозрѣнія, что онъ былъ участникомъ смерти всѣми оплакиваемого героя. Долго размышлялъ онъ обо всемъ случившемся; но чѣмъ болѣе думалъ объ этомъ, чѣмъ болѣе вспоминалъ, какъ за нѣсколько дней былъ онъ спокоенъ и веселъ, какъ все тогда обѣщало ему счастливое окончаніе войны и междоусобій, — тѣмъ страшнѣе и неимовѣрнѣе казалось ему все послѣдовавшее. Мысли его путались. Онъ готовъ былъ почесть мечтою, и внезапное уничтоженіе всѣхъ намѣреній и надеждъ Царя Бориса Θεодоровича, сильнаго умомъ и духомъ, и владычество и казнь Отрепьева, и собственное бурное царствованіе, и подвиги своего племянника, подобные свѣтлому метеору, который изумивъ и обрадовавъ міръ великолѣпнымъ явленіемъ, быстро исчезая все погружаетъ въ глубокую темноту. Ему казалось, что онъ былъ бы совершенно доволенъ, если бы все это было только продолжительнымъ сновидѣніемъ, что онъ бы помолодѣлъ и сталъ бы дышать свободнѣе, если бы вдругъ увидѣлъ себя въ прежнемъ жилищѣ, доставшемся ему отъ отца, среди прежнихъ, искреннихъ друзей. Но смутные взоры его, блуж-

дая по комнатѣ, всюду видѣли величіе и пышность Царскую, все кругомъ его напоминало, что онъ самъ стремился обладать престоломъ, самъ возложилъ на себя тяжкую отвѣтственность. Безполезно было мечтать о невозвратномъ, безразсудно было тратить на это безцѣнное время. Каждый день раждалъ новыя опасности, каждая минута уменьшала средства къ избавленію; только непоколебимая твердость могла избавить остатокъ жизни отъ стыда и горести. Царское имя отъ нареканія. Живо это чувствуя, Василій не въ силахъ былъ однако пожалѣть, что поберегъ роднаго брата, но рѣшился не раздражать болѣе умовъ безпредѣльнымъ къ нему довѣріемъ, и не поручать ему войска, бывшаго подъ начальствомъ князя Скопина-Шуйскаго. Это было внушеніе Божіе: исполнивъ его, Царь могъ еще спасти и себя и отечество. Къ несчастію, забывая какъ было ему пагубно, что онъ не поспѣшилъ всенародно объявить своимъ наслѣдникомъ князя Михаила, онъ долго колебался и въ выборѣ главнаго воеводы. Между тѣмъ, въ самомъ Кремлѣ, во внутреннихъ своихъ покояхъ, былъ онъ окруженъ измѣною; почти всѣ его приближенные, преданные или проданные Ляпуновымъ, подслушивали его рѣчи, подстерегали его желанія, продолжая притомъ ложнымъ усердіемъ выманивать у него новыя ми-

лости, не стыдясъ этого, вовсе не размышляя, что правосудіе Божіе можетъ имъ самимъ обратить въ пагубу успѣхъ ихъ вѣроломства.

По недостатку ли людей достойныхъ, или, какъ укоряетъ его исторія, по склонности къ льстецамъ и наушникамъ, Василій былъ очень несчастливъ въ выборѣ своихъ любимцевъ. Въ началѣ своего царствованія онъ взялъ въ постельничьи, стариннаго своего пріятеля, Кузьму Ѳедоровича Безобразова, человѣка строгой честности, но слишкомъ непроворнаго и недогадливаго. Самое его усердіе часто надоѣдало, и онъ въ продолженіе двухъ лѣтъ никакъ не могъ приноровиться къ придворнымъ обычаямъ. Наконецъ ему захотѣлось быть воеводою, и Государь охотно исполнивъ его желаніе, опредѣлилъ на его мѣсто молодого, бойкаго спальника, Ивана Ѳедоровича Ододурова. Почти безотлучно находясь при Царѣ, особенно же въ такіе часы, когда люди вообще наиболѣе расположены къ откровенности, новый постельничій скоро такъ вкрался въ душу его, что не только самъ онъ ничего отъ него не скрывалъ, но и старѣйшіе вельможи, даже братья Царскіе, считали полезнымъ ничего не предпринимать безъ совѣта Ододурова. Это льстило его природной надменности, но вовсе не трогало его сердца,

и онъ обвороживъ Государя лицемѣрною преданностію, за вседневныя милости его, передавалъ его врагамъ, его мысли, чувства и намѣренія. Онъ не посовѣстился притомъ увѣрить его, что Захарій Ляпуновъ уѣхалъ въ Рязань вмѣстѣ съ сыномъ, и что теперь братъ его Прокопій лишился возможности знать все происходящее въ столицѣ и умножать въ ней число своихъ единомышленниковъ. Обманъ этотъ обезпечилъ пребываніе Захарія въ Москвѣ, что было чрезвычайно вредно Царю, но никто не хотѣлъ ему объ этомъ сказать; одни съ намѣреніемъ скрывали отъ него истину, другіе остерегались поссориться съ постельничимъ.

Почти общее развращеніе умовъ и чувствъ не всюду однако распространилось: еще были въ Россіи люди добросовѣстные, дорожившіе благомъ общимъ, и можетъ быть способные спасти отечество, если бы имъ было поручено его спасеніе. Но безсмертный князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій, непоколебимый въ вѣрности Василию Іоанновичу, былъ только Зарайскимъ воеводою, а Кузьма Миничъ Сухоруковъ торговалъ мясомъ въ Нижнемъ Новгородѣ, и никто не воображалъ, что эти два человека одарены всѣми доблестями, отъ которыхъ зависитъ судьба царей и царствъ. Многіе другіе не прославили подобно имъ своего име-

ни, но и не запятнали его измѣною, и по возможности, сколько позволяли имъ обстоятельства, старались предупредить новыя бѣдствія. Кто-то неизвѣстный, считая преступленіемъ, для какого-нибудь сильнаго человѣка, для какихъ-нибудь собственныхъ видовъ, утаить правду, и прикрыть виноватаго, узнавъ достовѣрно, что шуринъ Царскій, кравчій, князь Иванъ Петровичъ Буйносовъ-Ростовскій и постельничій Ододуровъ, за малѣйшую услугу, даже за пустое обѣщаніе берутъ взятки, разорительныя и для людей достаточныхъ, почелъ священнымъ долгомъ увѣдомить объ этомъ Государя. Невозможно было усомниться въ справедливости донесенія. Къ несчастію, оно пришло слишкомъ поздно. Усугубивъ глубокую печаль Монарха, оно не могло предупредить пагубныхъ слѣдствій предательства постельничаго, успѣвшаго, какъ сказано было выше, увѣдомить Захарія Ляпунова о намѣреніяхъ Царя въ разсужденіи брата его князя Дмитрія.

Не подозрѣвая до какой степени Ододуровъ простеръ вѣроломство и неблагодарность, Государь, привыкнувъ къ его угожденіямъ, съ сожалѣніемъ съ нимъ разстался, и тронутый сильнымъ о немъ предстательствомъ, щедро одарилъ его, повѣривъ, что отцомъ нажитые долги и крайняя нужда довели его

до лихоимства. Онъ не оказалъ равнаго снисхожденія кравчему; ничто не могло извинить въ глазахъ его безчестное поведеніе его шурина. Но вообразивъ, какъ будетъ огорчена его супруга, узнавъ о подлости нѣжно любимаго брата, Василій отъ нее скрылъ причину его удаленія, сказавъ ей, что расстройство здоровья молодаго князя принудило его переселиться въ деревню, куда онъ былъ сосланъ, а имя его было вымарано изъ придворныхъ списковъ. * Справедливая строгость эта могла всѣмъ доказать, какъ безпристрастенъ судъ Государя, какъ онъ стремится оберегать своихъ подданныхъ, но одни собственныя его старанія недостаточны были для успокоенія взволнованныхъ умовъ. Начальникъ корабля, застигнутаго бурей среди океана, не можетъ его спасти безъ помощи подчиненныхъ: самое его невѣжество едва ли не менѣе губельно, какъ ихъ непокорность и буйство.

Видя, что ближайшіе родственники его, вмѣсто того, чтобы въ такіа бѣдственныя времена, стараться быть его опорою, поступками своими жестоко раздражаютъ народъ, Василій Іоанновичъ вознамѣрился тѣсно соединить участь свою съ участію человѣка пользующагося общеою довѣренностью, и какъ будто самъ опасаясь новаго раздумья, тотчасъ послалъ за княземъ Василиемъ Ва-

*) Древняя Россійская Библіотека, Часть XX. ВПЧБТО ОТЕН

сильевичемъ Голицынымъ. По смерти Отрепьева, многочисленные и сильные родственники князя Василья льстились, что онъ будетъ избранъ Царемъ, и потомъ долго роптали на поспѣшность, съ которою былъ тогда возведенъ на престолъ князь Шуйскій. Недруги ихъ даже утверждали, что вдова князя Василія Юрьевича, вовсе не имѣвъ склонности къ монашеской жизни, пошла въ монастырь и скоро постриглась, бывъ слишкомъ поражена разрушеніемъ надеждъ своихъ, что ея старшій сынъ будетъ царствовать. Объ этомъ тогда много говорили, потомъ замолчали, но Василій Іоанновичъ не забылъ этихъ слуховъ, и вовсе не подозрѣвая, чтобы князь Голицынъ былъ главою крамольниковъ, участникомъ мятежныхъ замысловъ Рязанскаго воеводы, рѣшился, благодареніями истребивъ въ немъ сожалѣніе, что былъ нѣкогда ему предпочтенъ, поселить въ немъ надежду быть его преемникомъ.

Ожидая князя Голицына, Государь съ грустнымъ вниманіемъ разсматривалъ чертежъ Смоленска, и снова прочелъ письмо воеводы Шеина, увѣдомлявшаго князя Михаила о положеніи города и крѣпости, о томъ, что онъ сдѣлалъ для ихъ защиты, и что намѣренъ предпринять въ ожиданіи прибытія князя съ войскомъ. Изъ глазъ державнаго старца полились слезы; онѣ омочили пись-

мо, врученное ему знаменитымъ его племянникомъ за нѣсколько часовъ до его кончины.

— — Михайло, сказалъ онъ съ глубокою печалью, поднявъ глаза къ небу, милый, безцѣнный Михайло, гдѣ ты теперь? Видишь ли ты, знаешь ли, какъ я безъ тебя осиротѣлъ? Радъ бы я помѣняться съ тобою долею, но видно ты Господу Богу больше угодилъ въ юныхъ лѣтахъ, чѣмъ я доживъ до старости....

Легкій ударъ въ двери перервалъ жалобы несчастнаго Государя. Онъ поспѣшно утеръ слезы и сказалъ, что можно войти. Помолившись передъ иконами, князь Голицынъ, за которымъ спальникъ тотчасъ затворилъ дверь, до земли поклонился Царю, и съ видомъ глубочайшей преданности поцѣловалъ у него руку.

— Здорово, князь Василій Васильевичъ, сказалъ Царь: какъ поживаешь?

— Бреду по-маленьку, великій Государь: что называется не живу и не умираю.

— Что такъ? Ты много меня моложе, рано тебѣ жаловаться на дряхлость.

— Воля твоя, Василій Ивановичъ, глядя на тебя лучший молодецъ одряхлѣетъ; неужели ты изволишь думать, легко намъ видѣть скорбь твою! Помилуй, Государь, не круши вѣрныхъ рабовъ

твоихъ, береги свое здоровье, сказалъ Голицынъ снова низко поклонясь.

— Я стараюсь всѣхъ беречь, да меня не берегутъ. Изъ Рязани плохія вѣсти, сказалъ Царь, пристально смотря на Голицына.

Смѣло выдержавъ испытующій взглядъ Царя, Голицынъ утверждалъ, что бунтъ Ляпунова не можетъ имѣть важныхъ слѣдствій.

— Я самъ этого надѣюсь съ помощію Божіей, сказалъ Василій; но чтобы скорѣе усмирить мятежниковъ, надо освободить Смоленскъ и выгнать Ляховъ изъ нашихъ предѣловъ. У меня, ты знаешь, теперь сильная рать; кажись, можно положиться и на усердіе и на храбрость; надо только избрать искуснаго вождя. Послѣ кончины друга моего, Михайла Васильевича, я по немощи душевной и тѣлесной не могъ тотчасъ рѣшить, кого поставить на его мѣсто....

— Дозволь сказать, великій Государь, вскричалъ Голицынъ, не изъ чего тебѣ было долго себя утруждать этимъ. У тебя есть вождь надежный, и тебѣ преданный, и намъ любезный.

— А, кто такой? холодно спросилъ Царь, недовольный, что Голицынъ перервалъ его.

— Братецъ твой, князь Дмитрій Ивановичъ.

— Братъ мой не бывалъ счастливъ на ратномъ полѣ. Ему и ни въ чемъ нѣтъ счастья, съ тя-

желымъ вздохомъ отвѣчалъ Государь, не сомнѣваясь, что князь хочетъ только испытать тайныя его чувства. Нѣтъ, бояринъ Василій Васильевичъ, брату надо пожить въ Москвѣ; поѣзжай ты подъ Смоленскъ.

— Я, Государь, вскричалъ князь Голицынъ! И готовый упасть на колѣна, чтобы выразить благодарность свою за неожиданное предпочтеніе, вдругъ вспомнилъ коварныя внушенія Захарья Ляпунова, что отдаливъ брата своего отъ высшихъ должностей, Василій Іоанновичъ возвратитъ себѣ утраченныя имъ довѣріе и любовь народа.

— Государь, сказалъ онъ съ лицемѣрнымъ смиреніемъ, я бы недостойнъ былъ твоихъ великихъ милостей, взявъ на себя то, чего не надѣюсь исполнить ко славѣ твоего имени и къ общему благу. Я былъ бы бездѣльникъ, продолжалъ онъ съ жаромъ, умолчавъ передъ тобою, что будетъ много толковъ, если ты безъ всякой причины ввѣришь рать кому иному, а не князю Дмитрію Ивановичу.....

— Голицынъ, перервалъ Царь, ты говоришь не то, что мыслишь!

— Убей меня Богъ, вскричалъ князь, если я солгалъ тебѣ, великій Государь! Кабы я тебѣ не усердствовалъ, кто бы велѣлъ мнѣ отказываться отъ начальства надъ ратью! Повѣрь мнѣ, Государь

Василій Ивановичъ, ты не наживешь добра, напрасно обидѣвъ роднаго брата. За что ты на него прогнѣвался?

— Я не сержусь на него, и не за что на него сердиться, отвѣчалъ Царь. Дмитрій добрый чело-вѣкъ; но какъ уже сказалъ я, онъ несчастливъ, слишкомъ несчастливъ; о немъ пронеслась худая молва. Не перерывай меня, продолжалъ Василій, величаво взглянувъ на Голицына, я угадываю, что ты хочешь сказать; я самъ знаю, что рѣдко кто изъ людей сильныхъ или богатыхъ можетъ уйти отъ злорѣчія, но въ послѣдніе годы намъ всѣмъ было ясно доказано, какъ можетъ быть опасенъ самый нелѣпый вымыселъ. Тушинскій воръ чуть не овладѣлъ всею Русью: диво ли, что у Прокофья Ляпунова нашлись сообщники. Я никогда не соглашусь безвинно опозорить и послѣдняго раба, но я хочу убѣдить народъ мой, что не считая приличнымъ слѣпо угождать ему, я дорожу его покоемъ болѣе нежели выгодами моихъ братьевъ и собственнымъ удовольствіемъ. Пусть отселѣ Дмитрій живетъ при мнѣ, дѣля со мною время, но не мѣшаясь въ дѣла государственныя.

У князя Голицына захватило духъ. Онъ не былъ тронутъ, ни искреннимъ желаніемъ Монарха уврачевать язвы отечества, ни болѣзненнымъ видомъ старца, обремененнаго заботами и печалью. Слова

Государя, достойныя глубочайшей признательности вѣрныхъ гражданъ, исполнили отчаяньемъ и злобою буйнаго честолюбца. Онъ окинулъ мрачнымъ взоромъ комнату, въ которую за нѣсколько минутъ вошелъ съ надеждою, вскорѣ располагать въ ней судьбами Россіи, и какъ будто не владѣя своими чувствами бросился въ ноги Царю.

— Что ты, что ты, князь Василій, о чемъ такъ печалишься, спросилъ Государь?

— О томъ, что тебя окружаютъ недобрые люди, о томъ, что изволишь вѣрить злымъ навѣтамъ, отвѣчалъ глухимъ голосомъ князь Голицынъ, самъ невольно страшась словъ своихъ. Едва ли бы достало у него духу скрыть отъ Царя свои тайныя чувства, если бы не видѣлся онъ передъ тѣмъ съ Захарьемъ Ляпуновымъ, но онъ только что вышелъ изъ рукъ его, у него звенѣли еще въ ушахъ слова хитраго предателя. Онъ мысленно твердилъ, что не иначе можетъ самъ достигнуть престола, какъ склонивъ Царя на поступокъ ненавистный народу. Его убѣдилъ въ этомъ Захарій, а въ дальновидности Захарія, онъ гораздо болѣе былъ увѣренъ, чѣмъ въ собственной своей. Зная притомъ, какъ Захарій способенъ волновать умы, какъ силенъ братъ его Проконій, онъ считалъ необходимымъ слѣдовать его совѣтамъ; не сомнѣваясь, что поступивъ вопреки ему, наживетъ опаснаго, непри-

миримаго врага. Въ этомъ онъ не ошибался, но онъ напрасно надѣялся на ревностное содѣйствіе Ляпунова, онъ былъ только его орудіемъ, которое онъ располагался тотчасъ уничтожить, какъ скоро достигнетъ чрезъ него своей цѣли. Голицынъ однако былъ невольно тронутъ благосклонностью Василя Іоанновича, хотя не могъ вообразить, что отказываясь отъ его предложенія, онъ самъ отвергалъ лучшее средство пріобрѣсти Царскій вѣнецъ. Онъ не могъ сносить взоровъ Государя, и мысленно призывалъ въ помощь всѣхъ Святыхъ, чтобы скорѣе окончилась тяжелая для него бесѣда. Ему въ голову не приходило, какъ впрочемъ, и ни одинъ изъ мятежниковъ тайныхъ и явныхъ не разсуждалъ, что нарушая присягу, и въ то же время усердно молясь, они вдвое согрѣшали, какъ будто нагло оскорбляя Провидѣніе, они не теряли права на его защиту и не имѣли причины страшиться гнѣва его.

Приказавъ Голицыну сѣсть на прежнее мѣсто, Царь съ задумчивостью спросилъ у него, почему ему кажется, что онъ обманутъ лукавыми совѣтниками.

— Потому, отвѣчала князь, что ты хочешь, великій Государь, въ угоду бунтовщиковъ поступить несправосудно съ роднымъ братомъ. Ты заставишь этимъ, вѣрнѣйшихъ рабовъ твоихъ почитать твои

милости ненадежными, и вѣчно бояться, что ты по первому слову, какого-нибудь безчестнаго враля, не захочешь ихъ держать при себѣ.

Въ прежнее время, необычайная ревность князя Голицына показалась бы подозрительною Царю, но внезапная кончина князя Михаила, и послѣдовавшій за нею бунтъ Рязанскаго воеводы, провозглашавшаго себя мстителемъ за убійство защитника отечества, жестоко поразивъ Василія, притупили тѣлесныя и душевныя его силы. Онъ подумалъ, что тяжкія его печали разжалобили честолюбиваго боярина, и онъ страшась, чтобы нѣкогда и ему Богъ не послалъ столь же горестныхъ испытаній, рѣшился предпочесть удовольствіе совѣсти громкимъ отличіямъ. Но живо тронутый мнимымъ усердіемъ князя, Василій рѣшился посоветоваться и съ прочими боярами. Не имѣя цѣли и намѣреній, которыя имѣлъ Голицынъ, бояре однако единогласно подтвердили слова его, опасаясь поступивъ иначе, навлечь на себя неудовольствіе Государя, которому стремились они угождать единственно для личныхъ выгодъ, не заботясь, ни о собственномъ его благоденствіи, ни о спокойствіи и славѣ отечества. Только патріархъ и Царица не польстили склонности Василія вѣрить, что брата его вообще почитаютъ достойнымъ заступить мѣсто князя Михаила. Одному долголѣт-

няя опытность внушала справедливыя опасенія, у другой невольно замирало сердце отъ плачевныхъ предчувствій. Робкія замѣчанія юной супруги, и сильныя доводы святителя не оскорбили Царя, но и не сдѣлали на него впечатлѣнія. Неизбѣжная судьба влекла его въ пропасть, неоднократно грозившую поглотить его, съ тѣхъ поръ, какъ онъ скрывъ истиннаго виновника убійства Царевича Димитрія, по словамъ избраннаго имъ въ то время духовника, Троицкаго іеромонаха Гурія, сталъ участникомъ преступленія и всѣхъ бѣдствій отъ него проистекшихъ.

Между тѣмъ, какъ въ присутствіи Царя превозносили достоинства брата его, мрачныя предвѣщанія Захарія Ляпунова въ точности сбывались. Назначеніе князя Дмитрія Шуйскаго, главнымъ воеводою, всюду распространило молву, что Царь былъ участникомъ смерти князя Михаила, и гибельное подозрѣніе это укореняясь въ сердцахъ, не только истребляло почтеніе и преданность къ Василю Іоанновичу, но совершенно затмило понятіе о чести народной и о собственной безопасности. Когда отправлявшіеся подъ Смоленскъ воины собрались для молебствія и освященія полковыхъ знаменъ, на всѣхъ почти лицахъ, вмѣсто трогательнаго умиленія, съ которымъ молятся о побѣдѣ надъ врагами отечества, изображались зло-

ба и мстительность, грозящая разрушить всѣ древнія основанія порядка и тишины, какъ бурная рѣка, вылившись изъ береговъ разрушаетъ сады и зданія, красотою которыхъ она долго славилась.

Тщетно старавшись побѣдить роковое ослѣпленіе Царя, святѣйшій Ермогенъ отъ всѣхъ тайлъ глубокую печаль свою, которая бы еще болѣе встревожила и раздражила умы. Прибывъ въ Успенскій соборъ, гдѣ благовѣстили въ воскресный колоколъ, онъ вошелъ въ западныя двери, и ставъ на орлецѣ у амвона, три раза поклонился и осѣнилъ воиновъ, при пѣніи пѣвчими: исполлати деспота. Облачившись послѣ сего въ алтарѣ, патріархъ вышелъ изъ церкви встрѣтить Государя, передъ которымъ придворные священники и два городскіе протоіерея несли Крестъ Царя Константина, и Иконы назначенныя для отправленія съ войскомъ. Онъ кадилъ Иконамъ и Царю, благословивъ послѣдняго крестомъ, а потомъ рукою. Принесенныя Иконы были положены противъ патріаршаго мѣста, на двухъ широкихъ налояхъ, покрытыхъ пеленами, а третій, поставленъ былъ на амвонѣ безъ пелены. Опершись на этотъ налой, святитель Ермогенъ нѣсколько минутъ не могъ произнести ни одного слова. «Воздадите Божіе Бо-

гови, а Кесарю Кесарево» сказалъ онъ наконецъ, поднявъ глаза къ небу, откуда нисходилъ на землю Божественный Искупитель, изрекшій короткія слова сіи, навсегда завѣщавшія міру, что противясь властямъ постановленнымъ Творцемъ все-ленныя, нельзя спасти душу свою. Убѣждая слушателей ревностно исполнять законъ Господень, патріархъ напоминалъ имъ о вѣрныхъ и драгоценныхъ наградахъ, назначенныхъ христіанамъ, умирающимъ за Вѣру, Царя и отечество, и сильно изображая суеты краткой жизни сей, съ восторгомъ говорилъ о вѣчномъ блаженствѣ уготованномъ праведникамъ. Но живо чувствуя все имъ сказанное, величественный старецъ не смѣлъ ожидать, чтобы слова его отвратили грозящія бѣдствія, голосъ его трепеталъ, изъ очей струились слезы. Умиленіе его глубоко тронуло Царя; напротивъ того князь Дмитрій Шуйскій вообразилъ, что оно выражаетъ сомнѣніе въ его доблестяхъ, и суровый видъ его снова охладилъ пробуждавшееся усердіе къ державному его брату.

Послѣ поученія, патріархъ ставъ на облачальное мѣсто, отслужилъ молебенъ, при концѣ котораго подавъ всѣмъ миръ, по отпустѣ осѣнилъ Крестомъ на всѣ четыре стороны, и благословивъ Царя и отправлявшихся въ походъ воеводъ, окропилъ всѣхъ присутствующихъ святою водою. Меж-

ду тѣмъ ключари снявъ съ налоевъ Крестъ и Образа, отдали ихъ священникамъ, которые вышли изъ собора въ южныя двери. Вручивъ знамена воеводамъ, патріархъ остановился на рундукѣ; все прочее духовенство послѣдовало за Иконами; ихъ сопровождали пѣвчіе, придворные діаконы съ кадилами, и церковники съ зажженными свѣчами *). Позади всѣхъ шли архимандриты: Чудовскій Пафнутій и Старицкій Діонисій. Послѣдній, находившійся въ Москвѣ по дѣламъ своей обители, въ скоромъ времени былъ переведенъ въ Сергіеву Троицкую Лавру, на мѣсто знаменитаго Іосафа, скончавшагося послѣ кратковременной болѣзни. Діонисій былъ еще молодъ, но въ благолѣпныхъ чертахъ его и выразительныхъ взорахъ, было нѣчто особенное, внушавшее глубокое къ нему почтеніе и совершенную довѣренность. Какъ извѣстно, онъ не замедлилъ явить себя святымъ и великимъ мужемъ, и если молитвы его не могли спасти Царя, угадавшаго его рѣдкія достоинства, безсмертныя услуги его церкви и отечеству, увѣрили современниковъ и потомство, что Василій Іоанновичъ усердно пекся о пользѣ общей, и что стеченіе гибельныхъ обстоятельствъ было главною виною несчастій его царствованія.

Когда вынесли Иконы за Спасскія ворота, Го-

*) Древняя Росейская Вивліоѳика.

сударь къ нимъ приложился, и окольничій, князь Данило Ивановичъ Мезецкій, поднесъ ему освященные знамена. Онъ самъ роздалъ ихъ, послѣ чего отправлявшіеся въ походъ воеводы и священники цѣловали у него руку, и онъ ласково простившись съ ними, и съ воинами, сѣлъ на лошадь, и со своякомъ своимъ княземъ Воротынскимъ и съ княземъ Васильемъ Голицынымъ поѣхалъ обратно въ Успенскій соборъ, гдѣ патріархъ ожидалъ возвращенія Святыхъ Иконъ, сопровождавшихъ знамя, понесенное въ домъ князя Дмитрія Шуйскаго. Съ ними останавливались у находящихся на пути церквей, и клали ихъ тамъ на приготовленные налои, между тѣмъ какъ Чудовскій іеродіаконъ сказывалъ эктеньи.

У князя Дмитрія Ивановича была готова закуска, и княгиня Екатерина Григорьевна вышла поднести гостямъ по кубку мушкателью. Она была въ бѣлой парчевой ферязи, и всѣмъ говорила, что она надѣла богатѣйшую свою шапку, желая каждому изъ отправлявшихся вождей, побѣдить столько враговъ, сколько у нее на шапкѣ драгоценныхъ камней. Усмѣшка не сходила съ ея губъ, но эта усмѣшка, затверженная передъ зеркаломъ, открывая черные зубы княгини, лишь умножала отвращеніе, производимое ея смутными, ужасными взорами. Все напоминало ей, какъ за нѣсколь-

ко дней, въ самой этой комнатѣ, подносила она князю Михаилу, не пившему вина, отравленный ею медъ, и ей стало казаться, что на полу, у средняго окна, гдѣ стоялъ въ то время князь, большое кровавое пятно. Она трепетала отъ злобы, что его не вытерли, остерегалась туда обращаться, изъ подлобья высматривала, не замѣтили ли эту кровь посѣтители, и что они объ этомъ думаютъ. Крови никто не видалъ: ее не было; но всѣ примѣчали, какъ виновная совѣсть терзала княгиню, и принимая отъ нее вино, цѣлуясь потомъ съ нею, всѣ готовы были у нее спросить, не подмѣшала ли она опять въ заздравный кубокъ убійственного яду, и не спрашивали только потому, что смерть ихъ была бы ей бесполезна, что она уже достигла цѣли своихъ желаній.

Когда удалилась княгиня, князь Дмитрій Шуйскій, развалясь на лавкѣ, покрытой до полу спущеннымъ, дорогимъ Персидскимъ ковромъ, сталъ увѣрять воеводъ, что они и во время похода будутъ имъ угощаемы также изобильно какъ въ Москвѣ. Онъ дѣйствительно болѣе всего объ этомъ заботился, и тѣмъ охотнѣе, что надѣясь роскошью заслужить преданность товарищей и воиновъ, удовлетворялъ собственные, сластолюбивыя привычки. Архимандритъ Діонисій всегда и всѣмъ говс-

рившій истину, замѣтилъ, что слишкомъ огромный обозъ можетъ затруднить движенія войска и препятствовать его успѣхамъ. Князь Шуйскій почелъ глупою дерзостью, что монахъ вздумалъ рассуждать о дѣлахъ, вовсе до него не касающихся, и съ пренебреженіемъ отвѣчалъ, что настоятелю монастыря прилично и должно въ военное время заставлять поститься своихъ чернцовъ, но что воеводамъ непростительно изнурять защитниковъ отечества.

Короткія слова эти поразили Діонисія, онъ взглянулъ на небо съ тѣми же чувствами, съ которыми молился святѣйшій Ермогенъ, и остерегаясь обнаружить глубокую грусть свою, напомнилъ духовенству, что Государь и патріархъ ждутъ ихъ со Святыми Иконами на рундукъ у собора.

ГЛАВА IX.

=

Тамъ не литься слезамъ,

Нѣтъ страданія тамъ:

.....

Не скорби жъ, мать моя,

Что не станетъ меня:

Я туда, гдѣ отецъ нашъ небесной!

Авдотья Глинка.

De ce palais un sort bien sombre

A converti l'espoir en deuil.....

La joie en a fui comme une ombre

Et des pleurs en baignent le seuil.....

P. Chastan.

Въ старости дарованная ему Богомъ, двухъ-
лѣтняя Царевна Анна Васильевна, была единст-
веннымъ утѣшеніемъ, обремененнаго скорбями и
заботами вѣнценоснаго своего родителя. Онъ лю-
билъ ее также горячо, также нѣжно, какъ и юная
мать ея; они оба ее почитали драгоцѣннымъ за-
логомъ милости Божіей. И не одни они, жесто-
чайшіе враги ихъ воображали, что пока жива Ан-

на, они тщетно будутъ стараться низвергнуть съ престола Васи́лія Іоанновича, и тѣмъ, слабый младенецъ, едва лепетавшій нѣсколько словъ, казался сильною обороною Царскаго престола. Всѣ видѣвшіе Царевну называли ее ангеломъ, и это названіе нельзя было почесть лестью, или просто ласковымъ словомъ; оно казалось собственнымъ именемъ дитяти, одареннаго небесною красотою, и въ которомъ проглядывалъ умъ и чувствительность, неслыханные въ этомъ возрастѣ.

Мѣсяца черезъ полтора послѣ похоронъ князя Михаила, Царевна погулявъ съ княжнами Воротынскими, двоюродными ея сестрами, заснула на колѣнахъ у Царицы, и вдругъ, какъ будто чего испугавшись во снѣ, громко заплакала. Царица скоро успокоила ее, но невольно жестоко встревожилась, и по желанію Анны, посадивъ ее на свою кровать, гдѣ она стала разбирать вновь подаренныя ей игрушки, сама сѣла возлѣ нее. Царская спальня, не слишкомъ обширная, великолѣпно была убрана. Занавѣсы у кровати были парчевыя, подложенныя пестрою камкою, а одѣяло золотое глазетовое, опушенное соболемъ. Высокіе стулья и кресла кругомъ обиты были краснымъ бархатомъ, такъ, что кромѣ рѣзныхъ ножекъ вовсе не видно было дерева. Между двумя глубоко вдавшимися окнами, на деревянномъ сто-

лѣ, расписанномъ яркими красками съ серебромъ и золотомъ, стояли, девяти-угольное зеркальце, въ золотой чеканной оправѣ съ яхонтами и изумрудами; кругомъ вызолоченные рукомоѣйникъ и лохань съ выпуклыми по нимъ тюльпанами и маками; ларчикъ изъ восточнаго хрусталя, обложенный по бокамъ золотомъ съ зеленою финифтью, и другія дорогія вещи, которыми Василій Іоанновичъ любилъ надѣлать юную свою супругу, хотя его вообще укоряли въ чрезвычайной бережливости. Это были остатки расхищенныхъ Лжедимитріемъ Царскихъ сокровищъ, къ которымъ, по стеченію бѣдственныхъ обстоятельствъ, самъ Василій не могъ ничего присовокупить.

Отдернувъ у кровати занавѣсъ, Марія оперлась на подушки, наблюдая всѣ движенія своего младенца. Она была въ дымчатой бархатной ферязи, обшитой широкимъ серебрянымъ кружевомъ; длинная золотая цѣпь, изъ плоскихъ колецъ съ жемчугомъ и финифтью, висѣла у нее на шеѣ. Видя, что Анна весело играетъ, она накинула на нее цѣпь свою, и стала ею переплетать свѣтлые, золотистые волосы, пышными кудрями развѣвавшіеся около лица и по плечамъ младенца, какъ густыя облака тѣснятся около солнца, не препятствуя ему жить и радовать землю. Темно-

голубые глазки Царевны манили поцѣлуи, розовыя ея щечки были подобны вновь распустившемуся, душистому цвѣтку. Всѣ бывшіе въ комнатѣ обступили кровать, всѣ любовались Царскою дочерью, всѣмъ казалось, что никогда еще не бывала она такъ прекрасна, такъ мила.

— Ангелъ нашъ! Херувимъ небесный! твердили съ восторгомъ боярыни и дѣти.

Анна всѣмъ улыбалась, всѣхъ ласкала, но вдругъ ручки ея упали, личико помертвѣло. Царица закричала.

— Не пугайся, Государыня, сказала въ полголоса мамка Царевнина: это вѣрно съ глазу; Христа ради, будь покойна и побереги младенца, не шевели его, пока принесутъ угольковъ и воды.

При первыхъ словахъ, двѣ боярыни вышли изъ комнаты за припасами, которые по общему мнѣнію всего вѣрнѣе могли сохранить здоровье Царевны. Это не нарушило глубокой тишины, и полъ и двери были обиты краснымъ сукномъ, и большія золоченныя скобы и петли отворялись не производя ни малѣйшаго стуку. Царица задушила свои рыданія, и полные слезъ глаза ея обратились къ Иконамъ. Небольшая спальня походила на часовню, на стѣнахъ по накладному золоту написаны были лики Святыхъ, а въ углахъ стояли въ дорогихъ окладахъ Образа. На одномъ изъ

нихъ, всѣхъ богаче украшенномъ, изображены были вмѣстѣ, Василій Великій, Марія Магдалина и Анна Пророчица, и передъ нимъ по обыкновению горѣла лампада. Вдругъ огромная муха загасила ее, быстро надъ нею пролетѣвъ. Сердце Царицы оледенѣло, она едва могла указать пальцемъ лампаду. Мамка наклонила голову, не умѣя иначе скрыть, что и ей, этотъ случай, впрочемъ довольно обыкновенный, показался плачевнымъ предвѣщаніемъ. Всѣ обомлѣли.

Царевна Анна съ самаго ея рожденія всегда была весела и здорова. Пораженная ея внезапною болѣзнью, не зная чѣмъ, и какъ пособить ей, юная Царица слѣпо исполняла, все, что предлагали окружавшія ее боярыни, и сама поднесла дитя свое къ затворенной двери, когда изготовили, все, считавшееся нужнымъ, чтобы уничтожить мнимую порчу. Перекрестивъ стаканъ съ водою, мамка положила въ него четверговой соли и три угля, и когда вода отъ нихъ зашипѣла, она влила нѣсколько капель въ полуотверстый ротикъ Царевны, и потомъ умыла ей личико, переливъ воду черезъ скобку на ладонь, а оставшееся въ стаканѣ выплеснула подъ порогъ. Она съ особенною торжественностью исполнила обрядъ этотъ, котораго благотворную силу никто не смѣлъ оспаривать въ тѣ времена, и который еще и нынѣ

во многихъ мѣстахъ почитаютъ надежнымъ предохраненіемъ отъ вредныхъ слѣдствій завистливаго взгляда. По предложенію мамушки, трепещущая Царица положила дитя на постель, и покрывъ его одѣяломъ сама припала къ подушкѣ. Долго вслушивалась она, какъ Анна дышетъ, и не слыша ея дыханія, съ смертельнымъ ужасомъ сдернула одѣяло. Анна не пошевелилась. Царица схватила ее на руки, и не внимая мамушкѣ и боярынямъ, начала громко ее кликать. Царевна встрепелась, на побѣлѣвшихъ устахъ ея мелькнула улыбка, нѣмѣющая ручка потянулась къ матери.

— Мама.... тятя! сказала она, какъ будто во снѣ, не открывая глазъ: дядя Миша, возьми меня на руки, прибавила она помолчавъ, и быстро взглянула, но въ ту же минуту опять крѣпко сомкнула вѣки.

Блѣдность Царицы ежеминутно умножалась, подъ глазами у нее синѣло, всѣ члены ея сильно дрожали; изступленная, полуживая, она прижимала къ своей груди дочь свою, призывая въ помощь всѣ силы небесныя.

— Она озябла, вскричала Царица пронзительнымъ голосомъ, и раскрывъ ротъ младенца, стала сильно въ него дышать, надѣясь, что жаръ терзающій ея внутренность, легко возвратитъ Аннѣ

жизненную теплоту. Мамушка, обливаясь слезами, оттирала леденѣющія ручки Царевны, боярыни усердно помогали ей, маленькія княжны Воротынскія притаились въ углу.

Сбросивъ земную свою оболочку, ангельская душа Анны вознеслась на небеса, а несчастная мать ея силилась услышать ея вздохъ, искала гдѣ бьется ея сердце, налагала на себя посты и молитвы, обѣщая раздать монастырямъ и нищимъ всѣ свои драгоцѣнности, если Господь сохранитъ ей обожаемую дочь.

Увѣрившись наконецъ, что пожертвовавъ и царствомъ и жизнью, она не возвратитъ Анны, Царица съ судорожнымъ смѣхомъ упала на постель. Въ эту минуту вошелъ Государь, прямо изъ Думы, гдѣ онъ имѣлъ съ боярами важное совѣщаніе. Онъ вовсе не воображалъ, что безъ него случилось, и увидѣвъ супругу запертво лежащую, узнавъ, что нѣкому называть его отцомъ, нѣкому прижиматься къ многострадательному сердцу его, съ убѣжденіемъ, что онъ отъ этого будетъ здоровъ и веселъ, подошелъ къ окну, взглянулъ на небо, и пламенные слезы полились ручьями по лицу его, высохшему отъ тяжкихъ потерь и мучительныхъ ожиданій. Открывъ глаза, Марія съ пронзительнымъ воплемъ бросилась въ его объятія. Изумленный, что она жива, что онъ не

всего еще лишился, Василій не могъ промолвить ни одного слова. Марія вообразила, что онъ почитаетъ ее виною дочерниной смерти, что можетъ быть дѣйствительно она уморила Анну своею безпечностью или неопытностью, и погубивъ всѣ свои радости, заслужила ненависть своего супруга. Она умоляла его сжалиться надъ нею, не проклинать ее за то, что не доставила ему отрады, въ послѣдній разъ благословить дитя ихъ, что она сама не благословила его, не предвидя такой напасти.

— Воля Господня, сказалъ Государь, прижимая къ своей груди трепещущую Марію. Намъ не должно роптать на Создателя, что онъ взялъ у насъ Анну; намъ должно благодарить его, что онъ не судилъ ей дѣлать наши скорби!

Озираясь по всѣмъ сторонамъ и не видя своего младенца, уже отнесеннаго въ дворцовую, нынѣ не существующую церковь, Положенія ризы Пресвятыя Богородицы, Царица не понимала, какъ она могла до того жить въ этой комнатѣ, за нѣсколько часовъ казавшейся ей покойною и прекрасною. Ей было въ ней душно и страшно, сердце ея сильно билось, но дыханіе останавливалось, какъ будто бы толстые своды опустились и готовы на нее обрушиться.

Пріѣхавъ отслужить панихиду, патріархъ преж-

де навѣстилъ Царицу, и самъ пригласилъ ее въ церковь. Она довольно бодро пошла за нимъ, и увидя дочь свою, какъ будто сладко покоившуюся на великолѣпномъ одрѣ, готова была закричать, что она жива, что все происходившее было только ужасное, адское искушеніе. Но поцѣловавъ Анну, Царица едва удержалась на ногахъ, голова ея снова закружилась, она не слыхала, что читаютъ, не понимала, что около нее дѣлается. Глаза ея распухли отъ слезъ, и не смотря на множество заженныхъ лампадъ и свѣчъ, она не могла различить людей близко стоявшихъ, ей даже стало казаться, что и тѣло Анны отъ нее отдѣлено плотнымъ бѣлымъ занавѣсомъ. Она сочла себя недостойною видѣть ангельскій ликъ младенца, и вѣ себя отъ этой мысли, сидѣла, какъ истуканъ, возлѣ святѣйшаго Ермогена, который по окончаніи панихиды, долго бесѣдовалъ съ Маріей о суетѣ земныхъ надеждъ. Онъ не укорялъ ее въ излишней горести, но кротко убѣждалъ покориться волѣ Божіей, не для своей только пользы, но и для пользы своего супруга, нераздѣльной съ благомъ отечества, о которомъ безпредѣльная скорбь ея, можетъ ему препятствовать неусыпно заботиться, какъ того требовали плачевныя обстоятельства. Слова эти трогали Марію, но она тотчасъ забывала ихъ; это былъ мимолетный звукъ,

знакомый сердцу ея, но котораго она не могла повторить, лишившись способности вспоминать, что-нибудь иное, кромѣ сразившей ее, невоображаемой потери.

Василій Іоанновичъ уговаривалъ супругу свою удалиться на ночь въ ея комнаты и немножко покушать и отдохнуть.

— Не мѣшай мнѣ, Государь, отвѣчала Марія, пока можно, смотрѣть на безцѣнное мое дѣтище; не долго мнѣ утѣшаться этимъ; скоро совсѣмъ разлучатъ насъ; скоро запрутъ въ тѣсный гробъ и закопаютъ въ землю пенаглядное мое сокровище. Тогда я буду во всемъ послушна твоей милости покамѣстъ, ради Христа Небеснаго, не неволь меня, Василій Ивановичъ; какъ святъ Богъ, не могу я, и не хочется мнѣ, ни пить, ни ѣсть, ни лежать на постелѣ!

Родственники Царскіе и близкіе къ нимъ люди сочли себя обязанными, вмѣстѣ съ Царицею, провести ночь у тѣла; но Маріи казалось, что она одна въ пустынѣ, въ дремучемъ лѣсу; ее не тяготило только присутствіе княгини Елены Петровны Скопиной-Шуйской, только въ ней была она увѣрена, что она дѣлитъ и понимаетъ печаль ея. Когда же онѣ обѣ молчали, до Царицы доходили толки нестерпимые въ ея положеніи, обѣ опасностяхъ грозящихъ со стороны Поляковъ и само-

званца, о происшествіяхъ и сплетняхъ Московскихъ. Объ этомъ шептались очень тихо, но у Маріи былъ необычайный слухъ, и она часто вздрагивала, удостовѣряясь, что свидѣтели ея горести заботятся единственно о самихъ себѣ. Ближе всѣхъ сидѣли къ ней: невѣстка ея, княгиня Екатерина Григорьевна Шуйская и княгиня Скопина. На лицѣ первой попеременно изображались чувства и страсти самыя противоположныя. Когда она встрѣчала взоръ княгини Елены Петровны, или только слышала ея голосъ, лице ея, не смотря на густой слой бѣлилъ, ужасно измѣнялось; у нее дергало щеки и губы; большіе, каріе глаза ея мрачно свѣтились, и она торопливо осматривала руки свои и платье, опасаясь не замараны ли онѣ кровью. Но алчное ея властолюбіе побѣждало мучительное волненіе, и Екатерина Григорьевна, смотря на тѣло Царевны, примѣчая общее почти равнодушіе, мечтала о будущихъ побѣдахъ мужа своего, о почестяхъ и могуществѣ, которыя должны онѣ ей доставить.

Княгиня Елена Петровна, и сама трепетала, видя свою родственницу, которой невольное смущеніе обличало ея тайное злодѣяніе. Мертвая блѣдность, потухшіе взоры, и дрожащій голосъ княгини Скопиной, принуждали Царицу сознаться, что есть на свѣтѣ мать несчастіе ея. Это не об-

легчало, а растравляло печаль ея; она съ ужасомъ думала, что послѣ знаменитаго юноши, внезапно скончавшагося среди благословеній и радостныхъ надеждъ, уже ничто совершенное не можетъ существовать въ семъ мірѣ. Она притомъ вспомнила, что послѣднимъ словомъ Анны, было имя князя Михаила, и отъ всей души благословила его, надѣясь, что онъ въ вѣчности будетъ беречь и лелеять ея младенца. Княгиня Елена Петровна увѣряла, что Анна сама въ сонмѣ ангеловъ ликуетъ на небесахъ. Царица нѣсколько разъ заставила ее повторить это увѣреніе, и неоднократно у нее спрашивала, какъ могла она пережить потерю несравненнаго сына. Болѣе не говорила она ни о чемъ, и ни о чемъ другомъ не хотѣла слышать; ее смущала даже нѣжность супруга, который и ночью, озабоченный дѣлами государственными, приходилъ о ней навѣдаться. Она давно воображала, что если бы не было у нее Анны, она бы не могла достойно наградить любовь Государя, не могла бы услаждать тяжкія его заботы. Она напрасно въ этомъ сомнѣвалась, не по красотѣ только и молодости, равно скоротечныхъ, была она достойна Царскаго званія, Василій умѣлъ разгадать ея высокую душу, и среди строгихъ о немъ сужденій и нелѣпыхъ на него вымысловъ, его не порицали за выборъ юной супруги, и никто не поносилъ

Марію, кроткую и смиренную, но справедливую и чистосердечную, во всѣхъ случаяхъ, во всѣ времена.

Настало утро, и прелестное. Царица, говорившая ночью, что свѣтъ дневной и движеніе на улицѣ, могутъ облегчить тягость давившую грудь ея, съ неизъяснимою тоскою замѣчала, какъ мало-помалу блѣднѣли горѣвшія свѣчи, и содрогалась, слыша сперва издалека, а потомъ и въ Кремлѣ, около стѣнъ дворцовыхъ, стукъ колесъ, говоръ людей и голоса животныхъ. Она думала прежде, что темнота и безмолвіе умножаютъ ея страданіе, но теперь ей казалось, что оно еще усилилось, когда яркое солнце оживотворило всю природу, кромѣ ея дражайшей Анны, которая прошлаго утра была совершенно здорова, весела, прелестна, которую теперь не могли пробудить, ни рыданія матери, ни звонъ колоколовъ, ни сладостное пѣніе.

Патріархъ служилъ обѣдню. Онъ былъ очень нездоровъ, но великая душа его всегда преодолевала немощи тѣла, изнуреннаго не старостію лѣтъ, но бѣдствіями общественными. Онъ непремѣнно хотѣлъ самъ похоронить Царевну, чтобы доказать ея родителямъ, что преданность его и усердіе къ нимъ возрастаютъ по мѣрѣ скопляющихся надъ ними горестей. Онъ готовъ былъ пожертвовать

последними силами, самою жизнію, чтобы имѣть право сказать облагодѣтельствовавшему его Царю, что истинный христіанинъ долженъ равно благословлять Бога, за все ему ниспосланное, за радости, утѣшающія его временно, за печали очищающія душу его отъ грѣховъ. Онъ притомъ старался при всякомъ случаѣ доказать народу, что избранный Василиемъ Іоанновичемъ первосвященитель, не недостойнъ быть главою православной церкви, что онъ не бережетъ своего покоя, не о себѣ заботится. Всѣ благоговѣли къ нему, и по кончинѣ князя Михаила, только почтеніе къ святейшему Ермогену еще обуздывало яростныя страсти.

Патріархъ тяжело опирался на водившихъ его иподіаконовъ, голосъ его дрожалъ и въ глазахъ его блестѣли слезы, когда онъ смотрѣлъ на Царицу, стоявшую на колѣнахъ возлѣ гроба. Она была безмолвна и недвижима, но все въ ней изображало глубокую, мучительную скорбь. Голова ея повисла почти до полу, сложенные крестомъ пальцы казалось внезапно оцѣпенѣли; ее можно было почесть больною, дряхлою старухою. Княгиня Елена Петровна съ ужасомъ вообразила, что подобно несчастной ея невѣсткѣ, и Царица, можетъ быть совершенно лишилась памяти и понятія. Она приподняла ей голову, и Василій Іоан-

новичъ, не смѣвшій перервать ея задумчивость, затрепеталъ увидя лице ея. Ему пришла та же мысль что и княгинѣ, и онъ схвативъ Марію въ свои объятія, отнесъ ее къ открытому окну.

— Жизнь моя! тихо сказалъ Государь, не покинь меня прежде времени; я безъ тебя совсѣмъ пропаду! За твою юность, за твои молитвы, за невинность твою, Господь и меня помилуетъ, не въ здѣшнемъ мірѣ, прибавилъ онъ, окинувъ церковь мрачнымъ взоромъ, здѣсь все рѣшено, здѣсь я на все готовъ; но я не готовъ для вѣчности; побереги безцѣнное твое здоровье для спасенія души моей, чтобы я не погубилъ ее моимъ ропотомъ!

Марія зарыдала, обильныя слезы спасли ея рассудокъ, можетъ быть, самую ея жизнь. Возвратившись на прежнее мѣсто, она стала со вниманіемъ слушать обѣдню, стала искать взоровъ патріарха. Видя, какъ онъ великодушнымъ усердіемъ побуждалъ свое изнеможеніе, Царица устрашилась своего отчаянія, и положивъ руку на сердце усопшей дочери, мысленно произнесла обѣтъ, предаться во всемъ волѣ Божіей и всѣмъ жертвовать супругу. Благоговѣйная рѣшимость ея была тотчасъ награждена, священный восторгъ озарилъ лице ея, она какъ будто внезапно отдѣлилась отъ земли, какъ будто Ангелъ пролетѣвъ надъ нею, указалъ

ей Анну среди немерцаемаго сіянiя. Это сладкое, невыразимое чувство продолжалось одну минуту, но отъ такихъ минутъ зависитъ судьба человѣка, эти минуты извѣстны только душамъ непорочнымъ. Горе тѣмъ, кто отвергаетъ возможность чудесной защиты! Тѣмъ вѣчно будутъ чужды святыя вдохновенiя, тѣ не захотятъ вѣрить безпредѣльному могуществу Творца вселенной, но пойдутъ совѣтоваться съ гадателями, и при малѣйшей неудачѣ возненавидятъ жизнь свою, и сокративъ ее собственными руками, сами себя осудятъ на вѣчную погибель!

Царица хотѣла непременно проводить тѣло изъ дворцовой церкви въ Вознесенскiй монастырь. Жестокость печали ея помогла ей это исполнить, не допустивъ ее замѣтить съ какими чувствами народъ встрѣтилъ плачевное шествiе. Эти похороны вовсе не походили на похороны князя Михаила, когда стонъ и рыданiя заглушали звонъ колоколовъ, и люди всѣхъ сословiй, дворяне и чернь, богатые и бѣдные, умоляли Провидѣнiе возвратить имъ защитника ихъ, отдавая за жизнь его, свое имѣнiе, свое здоровье, свое счастiе, жизнь дѣтей своихъ и свою собственную. Они требовали чуда, печаль ихъ доходила до изступленiя, но въ этомъ изступленiи было много высокихъ чувствъ, этотъ народъ, растерзанный, раз-

драженный внезапною кончиною героя, казался способенъ ему подражать; казалось ему стоило только напомнить, какъ ревностно и неустрашимо усопшій князь защищалъ престолъ и отечество, чтобы обратить на пользу бурныя страсти, умирить Россію, устрашить враговъ ея. Но холодное любопытство, или лучше сказать, свирѣпое удовольствіе, съ которымъ толпящіеся граждане смотрѣли на погребеніе Царевны, выражало только загрубѣлую нечувствительность и слѣпое ожесточеніе. О двухъ-лѣтнемъ младенцѣ нельзя было жалѣть какъ о избавителѣ отечества, но страшно было видѣть, что Русскіе не уважаютъ, глубокую, священную горестъ юной Царицы и удрученнаго бѣдствіями Государя. Вѣря врагамъ его, народъ не сомнѣвался, что Богъ наказалъ Василя Іоанновича за смерть князя Михаила, и безумная его радость заставляла трепетать, всѣхъ, которые понимали, какъ опасны для общаго и частнаго спокойствія, люди, совершенно лишенные состраданія и справедливости.

Государь хранилъ глубокое молчаніе. Можно было подумать, что и онъ, подобно супругѣ своей, не замѣчалъ, что происходило между многочисленными зрителями, но отъ него ничто не скрылось; онъ видѣлъ, а еще болѣе угадывалъ торжество своихъ злодѣевъ, но хороня единственную

дочь свою, онъ не могъ мыслить о мщеніи, и заглушая гнѣвъ свой, усердно молилъ Бога образумить неблагодарныхъ его подданныхъ.

Вознесенская игуменья встрѣтила тѣло со всѣми сестрами своими и причтомъ церковнымъ. Около ста монахинь въ длинныхъ мантияхъ, и вдвое болѣе послушницъ съ распущенными волосами, держали зажженные свѣчи; блѣдность и слезы послѣднихъ свидѣтельствовали, что онѣ живо участвуютъ въ печали юной матери, которую Царскій вѣнецъ не защитилъ отъ скорбей житейскихъ; но хотя лица монахинь завѣшены были частыми покрывалами, нельзя было сомнѣваться, что и имъ равно тяжело, такимъ образомъ принимать Царевну на вѣчное жительство въ свою обитель. Ожиданіе богатаго вклада ихъ не радовало; съ тѣхъ поръ, какъ Царевна инокиня Ольга Борисовна гостила въ Вознесенскомъ монастырѣ, тамошнія сестры страшились много заботиться о временныхъ благахъ.

Преданность отшельницъ не имѣвшихъ вліянія на общее мнѣніе, не могла принести Государю никакой пользы, но набожное умиленіе ихъ нѣсколько облегчило сердце его, растерзанное наглою веселостью и ужасными подозрѣніями ослѣпленнаго народа. Напротивъ того, Царица, дотола ничему не внимавшая, когда монахини и бѣ-

лицы запѣли тропарь «Со духи праведныхъ скончавшихся, душу рабы твоея Спасе упокой,» была поражена ихъ присутствіемъ, какъ будто вовсе неожиданнымъ, чуднымъ явленіемъ, хотя она знала прежде, и вновь была предувѣдомлена, что по обыкновенію, у воротъ монастырскихъ будутъ служить литію, послѣ чего и внесутъ тѣло въ обитель. Не понимая, откуда взялось столько монахинь, что дѣлаютъ онѣ на улицѣ, Марія вообразила, что онѣ вышли ее встрѣтить, чтобы уговорить ее постричься; что ей нельзя будетъ противиться ихъ убѣжденіямъ; что онѣ увлекутъ ее съ собою. Въ сердцѣ ея, за минуту передъ тѣмъ готовомъ отречься отъ міра, внезапно пробудилась пламенная къ міру любовь; одежда инокинь, самые голоса ихъ сдѣлались ей ужасными, какъ будто грозя ей разлукою съ супругомъ и вѣчнымъ заключеніемъ. Вѣтеръ задулъ свѣчу ея, и въ то же время длинное покрывало Царевны Ольги Борисовны коснулось ея лица. Суевѣрный страхъ овладѣлъ Маріей, она упала безъ чувствъ, и опомнилась уже въ церквѣ, послѣ панихиды. Государь не рѣшился лишить ее горестной отрады, въ послѣдній разъ проститься съ дочерью, она еще ее разцѣловала, но вдругъ закричала и бросилась въ сторону. Всѣ взоры обратились къ столбу, куда указывала Царица, закрывая одною рукою гла-

за свои. Тамъ, между стѣснившимися боярами, пробивался человѣкъ, присутствіе котораго всѣхъ смутило. Одни сочли его бѣсноватымъ, другіе мертвецомъ проклятымъ родителями, всѣ поспѣшно разступались передъ нимъ, страшась до него дотронуться. Въ большихъ, выкатившихся глазахъ его изображалось изступленное отчаянье, лице его какъ будто сжато было желѣзною рукою, губы истрескались до крови отъ внутренняго жару, а раздвигавшія толпу руки были холодны какъ ледъ. Патріархъ затрепеталъ, узнавъ, или лучше сказать угадавъ Архангельскаго протопопа. Послѣдній кинулся передъ нимъ на колѣна, и ухватясь за омофоръ, умолялъ святителя скорѣе его выслушать. Патріархъ приказалъ ему дожидаться его въ алтарѣ, и скорбя о такомъ нарушеніи печальнаго служенія, подошелъ къ открытой могилѣ, куда ближайшіе Царскіе родственники, князья Шуйскіе и Воротынскій, на розовомъ атласѣ опустили гробъ. Взявъ съ поднесеннаго ему золотого блюда земли, мастистый старецъ крестообразно посыпалъ ее въ могилу. Государь съ благоговѣйною твердостью послѣдовалъ его примѣру, и поспѣшилъ въ келью къ Царевнѣ инокинѣ Ольгѣ Борисовнѣ, куда была отведена Царица, изнемогшая духомъ и тѣломъ.

Сѣвъ въ алтарѣ, патріархъ съ строгимъ видомъ

спросилъ у протопопа , что́ было причиною , его чуднаго, дерзкаго поведенія въ храмѣ Божіемъ , въ присутствіи Государя, хоронившаго единственную дочь свою. Упавъ въ ноги святителю, протопопъ отвѣчалъ, что онъ только ему одному можетъ открыть ужасное происшествіе , смутившее умъ и чувства его. По приказанію патріарха , окружавшее его духовенство вышло изъ алтаря. Протопопъ притворилъ всѣ двери, и увѣрившись, что стороннимъ нельзя слышать словъ его , съ трепетомъ сталъ рассказывать, что онъ отслуживъ обѣдню въ соборѣ Архангела Михаила, хотѣлъ, какъ слѣдовало, итти на панихиду въ Вознесенскій монастырь , но вдругъ услышавъ за собою плачъ и крикъ, оборотился, не сомнѣваясь что перессорились между собою причетники, и съ изумленіемъ увидѣлъ, что они стоятъ возлѣ него, также испуганные, какъ и самъ онъ. Они вмѣстѣ осмотрѣли, и придѣлы, и гробницы, приподнимали всѣ покровы, даже заглянули подъ престолъ, воображая, что могли и туда спрятаться злонамѣренные люди, но нигдѣ никого не нашли , а между тѣмъ вопли не умолкали , только вмѣсто прежняго спору, жалобные голоса пѣли 118-й псаломъ.

— Родительница усопшаго князя Михайла Васильевича, княгиня Алёна Петровна, въ угодность

которой отдалъ я тебѣ упразднившееся мѣсто протоіерейское, ручалась мнѣ, что ты былъ всегда жизни примѣрной, сказалъ патріархъ, смотря пристально на протопопа, но я послѣ слышалъ, что ты нраву слишкомъ необходимого, всѣхъ чуждаешься, всегда задумчивъ. Не болѣнъ ли ты? Не бываетъ ли у тебя часами бредъ?

Протопопъ горько улыбнулся. Ему извѣстно было, что большая часть его товарищей, завидуя внезапному его возвышенію, и досадуя, что онъ посвящая время молитвамъ и грустнымъ размышленіямъ, предпочитаетъ уединеніе ихъ бесѣдамъ, мало ему доброхотствовали, и онъ не удивился, что не имѣя повода очернить его поведеніе, старались разславить, что онъ не въ полномъ разумѣ.

— Счастливъ былъ бы я, сказалъ протопопъ, если бы дѣйствительно мнѣ въ безпамятствѣ пригрезилось, все, о чемъ я докладывалъ твоей милости, святѣйшій владыко! Но не я одинъ, еще четыре человѣка слышали въ пустомъ храмѣ, и шумную распрю, и заупокойное пѣніе, и всѣ тотчасъ сказали, что оно предвѣщаетъ гибель царствующему граду Москвѣ. Дивный этотъ случай никому не можетъ быть такъ страшенъ какъ мнѣ! Господь видитъ мое сердце, не возлюбилъ грѣха и беззаконія, но, или невѣдомо тяжело прогнѣ-

валъ Царя Небеснаго, или сатана лукавый искушаетъ меня! — Давно ли въ томъ храмѣ, гдѣ я служилъ съ малыхъ лѣтъ, Госнодь допустилъ татей унести чудотворную икону Спаса Нерукотвореннаго, и здѣсь, у Царскихъ гробницъ, при мощахъ Святаго Мученика Димитрія, лишь удостоился я сана протоіерейскаго, невидимыя силы прорекають плачь и смерть! Горе мнѣ грѣшному, до конца погибъ я окаянный!

Простершись у ногъ патріарха, бывшій священникъ Спасскаго села, неутѣшно рыдалъ и бился головою объ полъ. Пропажа иконы жестоко огорчивъ его заставила страшиться, что онъ какимъ нибудь невольнымъ упущеніемъ своихъ обязанностей, навлекъ такое поруганіе святынь и скорбь своимъ прихожанамъ, и его потомъ не обрадовали, ни счастливая переменѣна собственнаго положенія, ни выгоды которыхъ онъ ожидать могъ для своего семейства. Онъ день отъ дня становился молчаливѣе и грустнѣе, и не надѣясь заслужить милости патріарха, вдругъ пораженный непостижимымъ происшествіемъ, почелъ себя на вѣки оставленнымъ благодатію Божіей. Лице его страшно измѣнилось, но голосъ его былъ твердъ, и патріархъ, наблюдавшій всѣ его движенія, не могъ усомниться, что все имъ слышанное было не бредъ изступленнаго ума, но истинное повѣствованіе, можетъ быть

предвѣщающее гибель не однимъ Московскимъ жителямъ. Онъ съ сокрушеніемъ подумалъ, что и самыя усердныя молитвы едва ли отвратятъ грозную судьбу, но только въ неутomимыхъ молитвахъ надѣялся обрѣсти помощь и отраду.

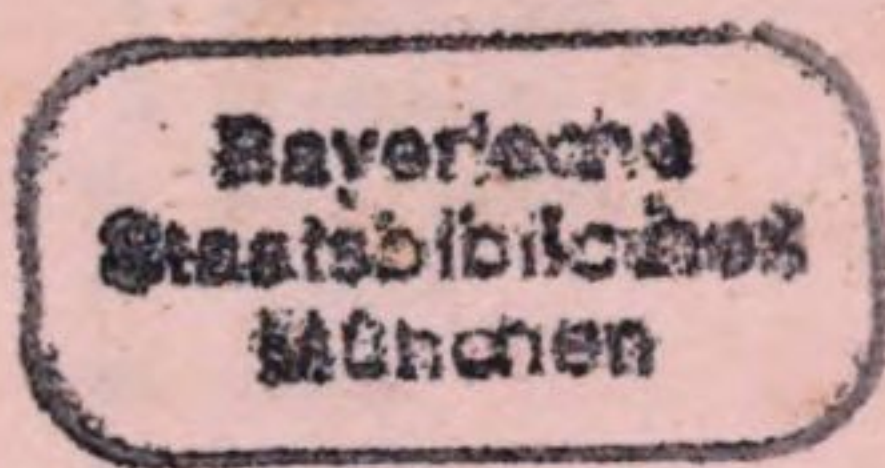
— Встань, чадо, сказалъ патріархъ: не поддавайся врагу рода человѣческаго; отчаяніе великій грѣхъ. Судьбы Божіи неисповѣдимы, прибавилъ онъ помолчавъ; нельзя намъ объяснить дивнаго событія, и почему ты, а не кто другой, былъ этому свидѣтелемъ. Но молись Господу Богу, да исцѣлитъ онъ тебя отъ унынія и ужаса, и ниспошлетъ тебѣ бодрость и терпѣніе!

Почитая своею обязанностію стараться уврачевать растерзанную душу протопопа, патріархъ милостиво приказалъ ему, къ нему явиться на слѣдующее утро, и отпуская его, спросилъ: надѣется ли онъ, что церковники бывшіе съ нимъ свидѣтелями чуждаго происшествія, подобно ему будутъ остерегаться разглашать его. Протопопъ не зналъ, что отвѣчать на это; ему казалось, что онъ всѣхъ убѣждалъ молчать о случившемся, но онъ не совершенно былъ въ этомъ увѣренъ, и во всякомъ случаѣ не могъ ручаться за скромность людей, еще мало ему извѣстныхъ.

Отправляясь въ свои палаты, патріархъ приказалъ, чтобы къ нему немедленно явились всѣ

причетники, бывшіе у обѣдни въ Архангельскомъ соборѣ. Но тщетно льстился онъ предупредить молву, которая при тогдашнихъ обстоятельствахъ могла имѣть самыя пагубныя слѣдствія. Дьячокъ и пономарь уже многимъ рассказали все происшедшее; оно быстро разнеслось по городу, и какъ говоритъ современный лѣтописецъ, «рекоша «тогда мнози отъ народа, яко царство Василя «Царя, вскорѣ съ плачемъ окончатися имать.»*)

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

* Подробная лѣтопись отъ начала Россіи до Полтавской баталіи. — 1799 года.

ОПЕЧАТКИ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Стр.	19	строкъ	48	бѣжали ихъ	бѣжали изъ
—	54	—	45	клялся былъ	клялся быть
—	113	—	20	зажгла	зажгла
—	90	—	40	ненавидимую	ненавидимою
—	124	—	22	ради Боги	ради Бога
—	131	—	6	вы-тянулся	вытянулся
—	136	—	2	ходатаями	ходатаями
—	138	—	12	раздражаіе	раздраженіе
—	148	—	46	тяжело	тяжело.
—	150	—	20	тгобы	чтобы
—	157	—	47	противъ	противъ
—	181	—	48	поживаешь	поживаешь

ОПЕЧАТЪН ИЕРВОЕ ДАТЪН

40p

Šiškina, Olimpiada

Prokopij Ljapunov, ili Meždunarstvie v Rossii Prodolž. Knjazja Skopina Š
ujskago

Bd.: 1

Sanktpeterburg 1845

P.o.russ. 92 r-1

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10610193-7